

Михаил Леккор

Скользкий по алитэ



Он был простым человеческим сиротой, а стал величайшим магом, почти богом людей, эльфов и прочих разумных существ. перед вами жизнь и приключения величайшего из людей нашего мира — Карлайна, Скользящего по Алитэ

Скользкий по Алитэ

Скользкий по Алитэ

Скользкий по Алитэ

Глава 1

Карлайн осторожно огляделся, сжал в обеих руках окованную железом дубинку. Накануне конные эльфы совершили очередной набег, застав их общину врасплох. Им даже удалось ворваться в селение, защищенное частоколом и рвом. Не помогло и то, что частокол был высоким и в два ряда заостренных бревен, а ров — широким и глубоким, залитым водой. Правда, дальше они ослабили натиск и наспех собранное ополчение из селения их выбило, набег стоил эльфам дорого, но и в селении потери были чудовищны. Почти треть людей была убита, тяжело ранена, уведена в плен. Часть хижин оказалась разрушена или сожжена, много скота потеряно. Сам Карлайн каким-то образом сумел спрятать стадо, принадлежащее южной трети селения. Но два других были практически полностью потеряны. Так им мстили за поселение на пустыющей земле, которую эльфы считали своей.

Они были не только коренными жителями этих земель, но и считали себя по сравнению с людьми перворожденными богами, и поэтому видели в людях захватчиков, которых необходимо изгнать, а еще лучше — уничтожить. Они — низшие, они — почти как скот. Им нет места по соседству с Эльфландом.

Но даже ему было понятно, что эта патриотическая легенда придумана первородными для оправдания грабежей. Эльфы уводили людей, превращая их в рабов или продавая на юг, угоняли скот, отбирали имущество. Они жили войной. При этом они никогда не доводили людские селения до полного разорения, давая людям «нарастить жирок». Вот и в последний раз у них была хорошая возможность уничтожить селение. Но вместо этого, сделав обильное кровопускание, они ушли.

Этих эльфов — сильных воинов и магов — он не боялся. Им дела нет до четырнадцатилетнего мальчишки, от которого прибыли всего лишь старый кожаные штаны, безрукавка и такая же старая куртка из овечьей шерсти. Брать с собой для обращения в рабство — возни с одним слишком много. Основное же количество пленников они уже отправили. Стадо налетчики не найдут — он набросал на следы коров карынь-траву, едкую и вонючую, которая отбивает нюх даже у острых на запахи первородных. Но около основного войска всегда крутятся мародеры орки, вышедшие из кланов эльфы-изгнанники и даже банды людей. Эти подбирали все, вплоть до последней крошки. А что не брали — сжигали, разрушали, убивали. Этим лучше в руки не попадать. Либо в рабство утащат, либо замордуют до смерти. После себя в живых они не оставляли.

По большому счету, сегодня не стоило выгонять скот на пастбище, да только кого интересует жизнь сироты! Карлайн ибн Саади Кафар кроме пышного имени ничего не имел. В свои четырнадцать лет он был круглой сиротой, не имея даже отдаленных родственников. Родители то ли погибли, то ли были уведены эльфами в рабство несколько лет назад. Немногочисленные дядья и двоюродные братья и сестры постепенно сгинули в пекле повседневной жизни. Совет старейших общины, рассмотрев его беспомощное сиротское положение, взял остатки имущества на баланс общины. Проще говоря, сначала грабили члены совета старейшин, а затем — все желающие. Унесли все. Даже с самого сироты стащили добротные сапоги и шубейку, бросив вместо них рвань. Самого Карлайна в виде милости определили общинным пастушонком с проживанием в хлеву и питанием в

общественной харчевне, в которой готовили похлебку для городских низов, работающих на общину.

У него и раньше жизнь после смерти родителей была не слишком сладкой — родственники считали его ненужной обузой, нахлебником, а теперь стала сущим адом. Выжил, хотя иногда казалось, что при такой жизни смерть самый разумный выход. Но прошло четыре года и в свои четырнадцать лет он был готов ко всему.

Коровы мирно паслись, набивая животы. Идиллическая картина после вчерашнего набега. Скотина была равнодушна к проблемам хозяев. А вот Карлайна что-то беспокоило. В этом случае, если тебя грызет беспокойство, лучше пойти на поводу у внутреннего голоса. В их приграничной местности неосторожные погибали раньше, чем начинали ходить. И еще следовало набрать прутьев краснотала. Будет время, сделает корзину. За последнюю ему дали большую краюху рыбного пирога. Очень вкусно!

Он осторожно зашел в кустарниковую чащобу. Заколело в виске. По-прежнему ничего не было видно и слышно, но беспокойство нашло твердую основу в виде усиливающегося запаха пряностей и пахучих цветов. Так пахла эльфийская кровь. Первородный где-то рядом. Теперь самое главное — он жив или мертв. Ибо даже серьезно раненый эльф легко убьет человеческого мальчишку.

Вот он!

Надо поудобнее перехватить дубинку. Вдруг удастся отбиться, если придется драться.

Эльф был еще жив. Точнее сказать, он находился на грани между жизнью и смертью, постепенно умирая. Он уже давно определил, что неподалеку маленький человек пасет коров и сейчас еще понял, что его тоже нашли. Шевельнувшаяся рука показала Карлайну, что враг хотел взять нож для убийства, но сил уже не было. На этот раз человек оказался сильнее. Все что осталось первородному — следить постепенно стекленеющим взглядом за низшим и умирать.

Карлайн сожалеюще посмотрел на него. Из-за эльфов он потерял родителей, остались ли они живы или погибли. Но и люди причинили ему столько боли — морально и физической... А этот умирающий никак не может быть для него врагом. Присел на корточки, но на всякий случай немного поодаль. От эльфов можно ожидать всего.

— Я могу облегчить твои страдания? — спросил он некоторое время спустя.

— Фляга, — еле слышно прошептал эльф.

На поясе у него висела фляга. Скорее всего он говорит про нее. Но не ловушка ли это?

— Тебе надо попить?

Эльф чуть пошевелился, что, видимо, являлось согласием.

— А ты не убьешь меня?

У эльфа уже не было сил для выражения эмоций. Карлайн помедлил, не зная, что предпринять. Эльф умирал. Если он хотел помочь ему, он должен действовать. Пусть несколько глотков воды будут последним земным даром умирающему.

Юноша осторожно подошел к эльфу, отстегнул флягу и влил глоток воды в рот. Большая часть пролилась мимо, растекаясь по подбородку и шее, но несколько капель попали в рот и начали действовать. Эльф оживал на глазах.

— Еще! — потребовал он крепнущим голосом. Карлайн помог ему получить еще несколько глотков.

— Ты помог мне, — певучим, как и у всех эльфов, слабым голосом утвердительно сказал раненый.

— Не знаю, — неуверенно сказал юноша.

— Твои родители живы?

— Не знаю, — повторил он, — их давно уже нет в селении, но, может быть, эльфы их не убили, а угнали с собой.

Какая-то грустная улыбка заиграла на губах эльфа.

— Всю жизнь истреблял темных низших, чтобы получить посмертное блаженство от них. Послушай, — уже громче сказал он, — через несколько минут я умру. Жидкость, которую ты мне дал, хотя и помогает прийти в себя, но одновременно она вытягивает жизненную силу.

Он слегка пошевелился, поморщился от прихлынувшей боли.

— Я хочу попросить тебя об одной милости. Мне пришлось сжечь слишком много силы души и теперь мне не хватит силы для ее посмертного спасения. Дай мне часть твоей душевной силы.

Карлайн отпрянул.

— А ты меня не убьешь?

Среди людей ходило много небылиц, некоторые из них могли стать явью: говорили, что эльфы, восхваляя своих богов, вырезали сердце у живых жертв, сжигали людей на кострах, подвергали мучительной смерти.

В большинстве все эти рассказы были точным подобием пыток пленных в их селении, но кто его знает...

— Не бойся меня, — взмолился эльф, — ты потратишь только небольшую часть душевной силы. А взамен этого я передам тебе дар. Клянусь всеми богами, возжелавшими воскресить меня в будущей жизни! Всего лишь коснись меня!

Карлайн осторожно прикоснулся к бессильно лежащей руке эльфа. Приятная теплота, распространившаяся по телу, заставила его несколько расслабиться. Он обхватил запястье. Голова слегка закружилась. Юноша опасался каких-нибудь неприятных ощущений, но ничего, кроме приятного тепла до него по-прежнему не доходило.

Эльф встретился с ним взглядом.

— Достаточно. Сейчас я совершу обряд перехода и когда умру, пожалуйста, похорони меня рядом с рябиной. Тут ведь в окрестностях есть рябина?

— Есть, — подтвердил Карлайн.

— У меня на шее находится родовой амулет, освященный в начале моей жизни старшими Посвященными к Свету. Он очень дорогой, золота и драгоценных камней на нем хватит купить с десятков ваших селений. Если ты его снимешь, я не смогу попасть в вечнозеленые небесные сады Сталитэ.

Эльф посмотрел на Карлайне. Нет, он не унился до просьб, не стал лебезить. Он просто сказал юноше правду. И тот кивнул. Он не тронет эльфийского оберега.

Эльф закрыл глаза. Душой он почти был там, в эльфийском раю, и ему оставалось тихо прошептать молитву, прощаясь с оставшимися в этом миру и приветствуя ушедших ранее. Вскоре его тело задрожало в предсмертных судорогах. Первородный умер. Одновременно юноша почувствовал легкий толчок в грудь. словно кто-то коснулся обнаженной кожи теплым пальцем. Похоже, умерший последний раз провел рукой по его душе.

Карлайн с большим трудом поволок неожиданно оказавшееся большим и тяжелым тело. Неподалеку кустарники расступались, образуя небольшую поляну. Почти в середине ее росла рябина. Именно к ней юноша тащил умершего.

Рыть могилу было сравнительно легко. Сначала небольшим ножичком, бывшего с ним всегда, он снял большие пласты дерна, а затем, рыхля землю тем же ножом, горстями выгребал ее из ямы. Дойдя до пояса, он втянул тело в могилу, кое-как положив его головой на восток, как это делается первородными, поправил амулет. Первый раз видя золото и драгоценные камни, создающих странное растение, Карлайн не мог сказать, действительно ли он такой дорогой. Одно он знал — амулета он не тронет.

Многое перемешалось в его жизни. Постоянно избиваемый старшими подростками, всегда живущий впроголодь, он, пожалуй, к четырнадцати годам больше ненавидел своих мучителей, чем эльфов, которых он по-настоящему никогда не мог внимательно разглядеть в скоротечных схватках, и только сегодня сумел увидеть. И поэтому взять амулет... Зачем? Если увидит, его отберет первый же прохожий, да еще ласт подзатыльник. Пусть остается с хозяином.

Карлайн прикрыл лица и верхнюю часть тела ясеневыми ветками и зарыл могилу. Потом тщательно замаскировал небольшой могильный холмик, разбросал лишнюю землю. Все выглядело так, словно кроты и другая землероечная мелочь наковыряла из нор свежую землю.

Можно было идти. Юноша кинул прощальный взгляд на последний приют первородного. Он выполнил его просьбу.

Глава 2

Коровы словно не заметили двухчасовое отсутствие пастуха. Они мирно переваривали жвачку, наевшись сочной спелой травой и напившись из протекавшего неподалеку ручья. Пусть отдыхают. Пора было пообедать и ему самому.

Разумеется, с собой продуктов ему никто не выделял. Считалось, что община благодетельствовала уже тем, что предоставила защиту, кров и двухразовое питание утром и вечером. Если бы Карлайн считал так же, давно бы протянул ноги. Но он очень быстро после исчезновения родителей перешел на режим военных действий, считая людей потенциальными врагами. А значит за ним оставалось право на добычу.

Сегодня его обед составили земляные орехи, молоко и зелень. Земляные орехи он потихонечку копал с полей, маскируя свои набеги проделками полевых крыс, молоко надаивал у коров. От каждой совсем понемногу, коровы не возражали, а хозяйки не замечали. Ну а зелень предоставляли местные луга — щавель, дикий укроп, полевой чеснок, ветвистая морковь. Трав на окрестных лугах было много, только разбирайся. Иногда он ловил рыбу или ставил ловушки на мелких грызунов, вполне съедобных, если запечь их в глине на костре. Но сегодня не хотелось возиться.

Он с аппетитом поел, вымыл руки. Постепенно приближался вечер. Коровы, почувствовав приближение сумерек, с которыми их погонят в селении, принялись пастись. В таких случаях Карлайн жутко им завидовал. Если бы он мог поесть всю зелень подряд, он бы совсем ушел из селения, поселившись в какой-нибудь заимке. Летом бы жевал траву, на зиму готовил сено. Чем не жизнь! И никто тебя не пнет, не обругает бранным словом.

По ощущениям подошел вечер. Опять идти за стены, где получать затрещины от вечно недовольных взрослых, терпеть издевательства банд подростков, которые разделили все селение на части и глумились над такими, как он, беззащитными и одинокими.

Карлайн вздохнул и пошел следом за коровами, которые медленно брели в селение, прихватывая наиболее аппетитные пучки травы.

Увидев стадо, дозорные открыли ворота, впуская коров. Карлайн презрительно сощурился. А если бы эльфы, прикрываясь животными, подкрались к селению? Горе вояки!

Впрочем, дозорные внимательно оглядывали входящих коров, чтобы не пропустить лазутчика. Бывали такие случаи.

Один из них звучно шлепнул пастушонка по спине своей дубинкой. Дозорные заржали. Это называлось у них поставить печать. А у Карлайна на спине не сходил большой кровоподтек. Хотя кто беспокоился здоровьем сироты?

Помня о корыте теплого поила, замешанного на горсти муки и зерновой шелухи, коровы зашагали быстрее, расходясь по дворам. Скоро от стада осталась только молодая телка, не нагулявшаяся за день и пошедшая за своими подружками. Хозяин — здоровенный тип в вязанной фуфайке, матеря корову, пастуха, весь белый свет, вместе с Карлайном бегали за коровой битый час, пока не загнали ее в хозяйский двор. Напоследок здоровяк грязно обругал юношу.

Ругань была совершенно незаслуженной. Скорее уж виноваты были хозяин, не приучивший телку и молодость самой животины. Но Карлайн был доволен хотя бы тем, что все ограничилось словами. Обозленный хозяин мог запросто дать такую плюху, что одним синяком бы не обошлось.

Однако надо было спешить в столовую. Кухарки его ждать не будут, отоварят большую часть страждущих и уйдут. У всех семьи, хозяйства.

Он пришел одним из последних. Раздавала пищу толстая Налья. Карлайн обрадовался ей. Налья была женщиной добродушной и к тому же постоянно заказывала ему корзины, в которые ее муж, столяр по занятию, складывал заготовки, стружки и готовые изделия. Она не швырнет миску так, что половина супа окажется на столе и придется выжимать тряпкой его обратно под гогот оставшихся кухарок.

Постные щи были пищей скудной, но Налья постаралась, налила супа в большую чашку до краев. Он благодарно кивнул, взял свою вечернюю пайку хлеба, и сел за свободный стол.

Наполовину наевшись, после ужина вышел на улицу. И сразу понял, что выбрал очень неудачное время. Мимо проходила банда хромого Саати. Вооружившись палками, ножами и кастетами, они то ли охраняли свою территорию, то ли совершали вылазку с целью стащить, что плохо лежит. А может просто пограбить таких же слабых бедолаг, как Карлайн, но имеющих, к их сожалению, кое-какое имущество.

— О смотри, коровий сторож идет! — заорал один из них, увидев юношу. Банда оживилась, предвкушая развлечение. Они очень любили толпой бить одного.

Карлайн набычился. Раньше его били совершенно безнаказанно, но с недавних пор он начал давать сдачи. Помогало это мало и даже становилось хуже — разозленные сопротивлением хулиганы били сильнее. Но Карлайн упрямо продолжал сопротивляться и два — три напавших уходили с синяками и ссадинами.

— И как же у нас успехи по дойке молока? — издевательски спросил Саати, — не стал еще бабой?

Его люди охотно поддержали вожака, наперебой выдвигая версии дальнейшего существования пастуха.

Карлайн знал, что их фантазия быстро иссякнет и тогда его будут бить. Он решил не слушать издевательских высказываний, ускорив ход событий. Неожиданно для хулиганов юноша пошел на прорыв, сбив с ног ставшего у него на пути прыщавого толстяка.

Разумеется, уйти ему не дали. Члены банды были не очень умными, но понимали толк в

драках и встали таким образом, что перекрывали все возможные пути выхода. Сильный тычок в грудь оттолкнул его обратно в толпу, после чего на пастуха обрушился град ударов. Один из них повалил его на землю. Но еще до этого он почувствовал, как под одним из его ударов хрустнули косточки носу у рыжеволосого парня, а другой выплюнул зуб.

Зато повалив, они пинали без всякой жалости. Вскоре Карлайн, получив несколько ударов в грудь и в живот, лишился дыхания. От острой боли сознание помутилось.

— Парни, подохнет же, — раздался громкий голос. Настолько громкий, что его услышал и забитый до полусмерти пастух.

Хулиганы отскочили и вопросительно посмотрели на Саати. Тот призадумался. Вообще, жесткие законы приграничного голоса во многих случаях в виде наказания предусматривали смерть. Скажем застань в своем жилище хозяин вора, он имел полное право убить его. Если сможет, конечно. Ибо доказать воровство на общинном суде будет трудно.

Сильный бьет слабого — таков был закон природы и правила общины не очень отличались от него. Но публичное убийство заведомого слабого все же не одобрялось. Смерть Карлайна могла вызвать недовольство рядовых общинников. А это означало скорую смерть самого Саати и его людей. Повесят или забьют палками. А если изгонят — это тоже смерть, только более медленная.

— Уходим, — скомандовал Саати, взвесив доводы, — а до тебя, щенок, мы еще дотянемся, — пообещал он.

Карлайн немного полежал, приходя в себя. Сел, вытер кровь с лица, огляделся. Узнал своего спасителя. Это был общинный сторож Лико, своего рода полицейские силы общины. Главной его обязанностью было не наведение порядка — в одиночку это было невозможно, а констатация смерти постоянных жертв тяжелой жизни общины, в том числе приговоренных к смерти общинным судом. Он не его пожалел, а постарался избежать неприятной обязанности мертвого для определения причин смерти.

— Подох бы ты скорее, — пожелал Лико юноше и отправился дальше. Все правильно. Карлайн даже не обиделся. Слабый должен гнуться и не мутить порядки в селении и не тревожить общинного сторожа. Нельзя идти против течения и ломать привычный обычай. Умрешь!

Глава 3

После скудного ужина и побоев он сразу же пошел на свое место в хлеву, чтобы не получить дополнительные затрещины помимо уже «заработанной» дозы. Вдруг его цепко схватили за воротник. Карлайн удивленно поднял голову. По сравнению с обычными тычками это была почти ласка. Но он рано обрадовался. Его схватил хромой Дуки, полусумасшедший старик, помешанный на поиске врагов в их общине.

Последнее нападение, обошедшее селению очень дорого, влило в старика дополнительную энергию. Он целыми днями искал подозрительные признаки шпионажа и вредительства, пытаясь найти тех, кто по его мнению связывался с эльфами и передавал сведения о жизни в общине. Горе тем, кто оказывался на его пути. Взрослые, правда, отделялись затрещинами, а если старик не отставал, то ударами дубинки, но те, кто не мог отбиться, оказывались в тяжелом положении. Ох и влип же он! Не мог пойти другой тропинкой! Что за вечер сегодня!

Вопреки привычке Дуки не стал его доводить хитроумными вопросами и подозрительными догадками, а сразу поволок к магу, обслуживающему селение. Это был

самый неприятный признак. Как он не додумался — надо было избавиться от запаха крови эльфа и очистить душу! Если бы Карлайн не похоронил сегодня первородного, максимум, что грозило ему — это несколько часов сообщества с Дуки. Эмелент, их маг, был человеком трезвомыслящим и добрым, насколько можно быть добрым в приграничном селении. Он быстро бы разобрался и отпустил юношу. Маг был одним из немногим, кому чокнутый старик доверял и не стал бы препятствовать уходу. Но после общения с эльфом ему грозило такое же скорое разоблачение и расправа. Эмелент при помощи трав, усиливающих ощущения человека и его магические свойства, легко учует кровь первородного и увидит эльфийскую магию на душе.

По большому счету Карлайн ничего страшного не совершил — всего лишь похоронил эльфа. Но из-за их постоянных налетов люди ожесточились и были готовы воевать хоть с мертвыми первородными. А если учесть, что была возможность прервать полосу перерождений эльфа и отправить его в нижние миры... Если его всего лишь повесят, уже хорошо. Но скорее всего его будут мучать долгое время, магически поддерживая жизнь. Защитить его некому, бедного сироту разорвут на мелкие части и закроют душе путь к перерождению.

Эмелент был занят очень серьезным делом — варил магическое зелье. Карлайну очень повезло. Пахучее и очень летучее зелье забивало не только обоняние, но и магическое чутье. На ближайшие несколько часов маг бессилён, как младенец.

— Что случилось? — торопливо спросил он.

— Это враг, — привычно зачастил Дуки, — он шпионит на эльфов.

Эту фразу от старика Эмелент слушал не один десяток, а может быть и несколько сотен раз. И поэтому равнодушно пропустил ее мимо ушей. Мальчишка, которого приволок Дуки, был хорошо известен — сирота, пастушонок, пострадавший от жизни и без того сверх меры.

— Отпусти его, — велел он полоумному, — сварю зелье, проверю.

Карлайн возвращался, не веря своему счастью. Как ему повезло! А если бы маг был во всеоружии, его бы уже подвешивали на дыбу. Он задрожал от страха и омерзения, представив, что его начинают пытаться. Надо срочно бежать. Куда угодно, но селение придется оставить. Пусть лучше вазлиборские кошки съедят. Или дымчатые волки. Все одно проще умирать. И душа останется целой.

Он нырнул в хлев, собрал все свое имущество — рваный плащ, огниво, старый полотняной заплечный мешок, в котором лежал его резерв на самый крайний случай — два ржаных сухаря, палка, вырезанная из могибарского тополя, редкого для их края. Проезжие купцы выбросили за ненадобностью сломанную в двух местах оглоблю. Он взял маленький прут, обточил. Для него все подойдет, лишь бы не отобрали.

Высунулся, собираясь рвануть к воротам. Надвигающаяся темнота враждебно запахла опасностью. Карлайн осторожно прислушался, втянул воздух носом. Кажется, рядом кто-то есть. Он вспомнил, как несколько месяцев назад старик обвинил одного парня в предательстве. Тот почему-то попытался ночью бежать после обвинения полоумным. Действительно ли был виноват? Это известно только богам. Дуки этого и надо было. Он схватил скрывающегося парня и заорал, зовя подмогу. Доказательств никаких не было, Эмелент ничего не обнаружил, но парня на всякий случай повесили.

Нет, кто-то действительно ходит! Карлайн демонстративно зевнул и начал громко укладываться спать.

— Дуки! — раздалось неподалеку. Это его жена, не дождавшись, отправилась искать

мужа. Ночью опасно даже в селении. А уж полоумный старик станет легкой добычей ночных хищников, появлявшихся не только в окрестностях, но и за стенами.

Старый Дуки вышел из раскрытой засады, заглянул в хлев.

— Бежать хотел! — прошипел он, — ничего, я тебя все равно раскрою, это ты помог пробраться в селение эльфам. Пригрозил:

— Через час вернусь с Эмелентом, он тебя сразу раскроет. Отдай дубинку!

Он взял единственное оружие юноши, вышел, закрыл дверь с внешней стороны. Кажется, ушел.

Плохо дело. Жить осталось так мало, что задрожали руки. Надо бежать. Он не считал себя предателем или изменником и не собирался из-за бредней Дуки умирать в страшных муках.

Схватил плащ, заплечный мешок и палку, рванулся в дальний угол. Здесь хряк Петеш прорыл прошлой осенью дыру за пределы хлева. Хряка хозяин зарезал зимой, но нору никто заделывать не спешил. Если не мешает, то зачем мучиться?

Легко пролез в нору. Массивный хряк делал проход для себя и худенькому юноше ничего не стоило пробраться наружу. Накрапывал дождь. Карлайн сначала пригорюнился. В скором времени он промокнет насквозь. Но потом ему подумалось, что дождь размочит следы. К тому же сторожевые коты не любили воду. Заставить их выйти в дождь за пределы селения будет трудно, и искать они станут без особого усердия.

Главные ворота всегда охранялись особенно тщательно. Но сторожевая калитка осталась без присмотра. Опять постовой либо ушел пиво пить, либо спрятался от дождя. Немного подождав и окончательно убедившись в отсутствии охраны, Карлайн открыл калитку и скользнул в образовавшуюся щель.

Прошлепал десяток шагов от стены. Кажется, почти пронесло. Темнота, обволакивающая селение и кажущаяся такой враждебной, сегодня выглядела такой доброжелательной. Ему удастся в ней укрыться от людей, а, значит, выжить. Так не хочется умирать в свои четырнадцать лет!

Из-за дождя и темных предосенних ночей ничего не было видно. Огонь, которым можно было освещать путь, ему был категорически противопоказан. И люди, и эльфы с большим желанием нападут на беглеца, если учуют его. И тогда все. Медленная смерть на эльфийских рудниках или человеческих угольных шахтах — самый благополучный выход для несчастного пленника. Пришлось выкидывать вперед палку вперед, как слепому, медленно пробираясь во мгле.

Когда он дошел до ручья, обрамляющего пастбище, в селении началась суматоха. Раздались крики, показались огни. Скорее всего, неутомимый Дуки обманул жену и вернулся к хлеву, чтобы продолжить допрос-обвинение. Теперь ему ни в коем случае нельзя попадаться жителям селения. Бежав, он подтвердил обвинения в свой адрес. А с врагами у них никто не церемонился, ни с мнимыми, ни с настоящими.

Шум в селении людей обеспокоил стаю дымчатых волков, как всегда, охотящихся ночью. Их вой слышался настолько близко, что сердце Карлайна стало биться с перебоями. Они гонятся за ним? Он остановился и приготовился к последнему бою, перехватив поудобнее палку.

Через некоторое время юноша с облегчением понял, что волки напоролись на стадо кабанов и ввязались с ними в бой. Хищники были не прочь полакомиться поросятинкой, но стокилограммовые секачи и свиньи вряд ли с этим согласятся. Кабаны считаются

травоядными, но не прочь закусить мясом охотников на них.

Надо уходить как можно дальше. Ночью, наверное, они не решаться выступить, а вот с рассветом все равно пустят сторожевых котов, как те не будут сопротивляться и орать противными голосами. Прочешут округу хотя бы для того, чтобы убедиться в его отсутствии в окрестностях селения или найти останки съеденного зверями тела.

Карлайн пошел по течению ручья, рассчитывая сбить со следа котов. А там... в любом случае надо уходить. Без денег, без магической метки, обозначающей состояние свободного человека, отпущенного общиной, без продовольствия он был почти обречен. Но здесь его убьют, изошренно и очень больно. В приграничной полосе между Гавардским королевством и Эльфландом — эльфийским великим княжеством для него земли не было.

Глава 4

Он шел почти всю ночь, сначала по ручью, потом, заметив, что русло слишком петляет, свернул на звериную тропу. К утру расстояние между ним и селением было слишком большим, чтобы погоня застигла его. Жители общины были людьми практичными. Убедившись, что поблизости его нет и он не будет вредить селению, они не пойдут дальше. Чокнутый Дуки будет иметь другое мнение, но кто его послушает?

На этом его удача завершилась. На очередном повороте тропа оказалась перекрыта эльфом, с холодным интересом глядящего на измученного, еле бредущего человечка. Карлайн с опозданием понял, что за ним некоторое время следили, пытаясь понять, почему он оказался один вдали от своего селения, безоружный и беззащитный, а теперь решили остановить и схватить. И не он УВИДЕЛ первородного, а ему ПОКАЗАЛИ.

Карлайн рванулся в чащу, прикрывшись со спины обширным колючим кустом. Сдаваться он не собирался, пусть сразу убьют, будет менее больно и гораздо быстрее.

Эльф покачал головой, осуждая лягушонка, почему-то вздумавшего сопротивляться:

— Иди сюда, низший, — плавно и напевно заговорил он, — мы проверим тебя и если душа не в чем не виновата перед первородными и не запачкана тьмой, то направим в подземные каменоломни — выкапывать драгоценные камни. В них ты проживешь год — полтора. Если же будешь сопротивляться, будешь разрезан на полосы и в таком виде отправлен в свое селение для напоминания людям об их участи.

Эльф вскочил в седло единорога, который удивительным образом оказался рядом, хотя Карлайн совершенно его не видел. Что делать, лесной народ у себя дома способен стащить нож с пояса, хозяин даже не заподозрит.

Он насупился, поудобнее перехватил палку — единственное свое оружие. Эльф высокомерно улыбнулся, что-то сказал шепотом единорогу. Тот пошел к Карлайну. Эльф сообщил:

— Пока мой младший брат идет к тебе, ты живешь, затем тебя начнут медленно убивать копытами.

Карлайн посмотрел на единорога. С близкого расстояния он уже не казался красивым. Так выглядит смерть, в торжестве своем идущая к жертве и уже готовая запустить в нее свои когти, воя от счастья. Выходить против единорога с палкой было бесполезно. С ним не справиться в одиночку даже мечом или копьем.

Единорог подошел почти вплотную, Карлайн приготовился ощущать дикую боль от ударов копыт и массивного рога, растущего из середины лба. Закрыв глаза.

Через несколько секунд глаза пришлось открыть. Первородный решил поиграть с ним,

прежде чем убить?

Единорог стоял на прежнем месте, а ошалевший эльф сидел в седле, едва ли не открыв рот от удивления.

— Что с тобой, Маль? — наконец спросил он, — почему ты не хочешь избавить мир от еще одного низшего?

Единорог заглянул в лицо Карлайна. Юноша едва не утонул в бездонной синеве умных глаз животного. Затем единорог издал негромкий возглас, средний между вопросительным и восклицательным, и отошел обратно по тропе. Человек его больше не интересовал.

Эльф не стал заставлять единорога выполнять свою волю, как сделало бы большинство людей со своими животными. Он соскочил на землю, посмотрел ему в глаза:

— Ты не заболел, Маль? — заботливо спросил эльф. Единорог заржал приятным мелодичным звуком, легонько толкнул хозяина головой в грудь.

Эльф погладил его по шее.

— Нет, вроде бы с тобой все в порядке. Твой душевный лик чист и безмятежен. Тан, а давай попробуй ты. Пусть твоя Лана растопчет низшего.

Карлайн вздрогнул — в нескольких метрах стоял еще один эльф с единорогом. Сколько же их?

Эльф, которого первый назвал Таном, согласно кивнул, вскочил на единорога и послал его на Карлайна. Лана охотно двинулась, но когда подошла к юноше почти вплотную, вдруг остановилась, миролюбиво заржала и отошла, не обращая внимания на понукания всадника.

На этот раз Карлайн не стал закрывать глаза. Наоборот, он пристально смотрел на Лану, стараясь заглянуть ей в глаза. Это ему не удалось, но единорог все равно остановился.

— Талк, я ничего не понимаю, — признался Тан. Он отъехал от Карлайна и предложил: — позволь, я пушу в него стрелу. Она не станет крутиться вокруг низшего!

В руках эльфа возник лук, но Талк, немного подумав, остановил его:

— Подожди, Тан, ты по молодости лет торопишься избавиться от неведомого и, наверное, важного. Нет, мы должны доставить человечка в лагерь к Посвященному к Свету. Вдруг первородному народу будет полезно узнать об этом низшем. Посвященный, волею богов познавший крупицу тайного знания, сможет решить, что нам сделать — бросить его в каменоломни или пожертвовать богам.

Он снял пристегнутый к седлу аркан.

Скрутят, как бычка, — понял Карлайн. Он внезапно для первородных прыгнул вперед, на Талка, издав громкий крик.

Единорог эльфа угрожающе опустил рог. Для рослого животного почти метровый костяной выступ был страшным оружием. Но затем вместо того чтобы ударить, единорог отскочил назад, заставив хозяина покачнуться и потерять немного времени для восстановления равновесия.

— Ма-а-аль, да что с тобой! — окончательно переполошился Талк, — Тан, захвати низшего арканом.

Карлайн обернулся и даже каким-то сумел отбить арканную петлю Тана, но аркан Талка, брошенный через мгновение, перехватил его руки. Через несколько мгновений Карлайн, надежно связанный, лежал посреди тропы.

— Может, ты поделишься с нами, почему единороги не захотели тебя убивать, — наклонившись к нему, спросил Талк. Карлайн ответил ему ненавидящим взглядом. Схватили как щенка! Надо было лучше за нож схватиться. Вдруг бы удалось дотянуться до аркана,

охватывающего тело, и перерезать ремень.

Талк по-своему оценил этот взгляд.

— Да, низший, тебе придется познакомиться с нашим, так сказать, гостеприимством, — торжественно сказал он. Немного подождал, укоризненно сказал: — молчишь. Я мог бы подвергнуть тебя таким пыткам, что ты сразу бы сдался. Но ты владеешь каким-то секретом, а я опасаясь, что твое слабое тело не выдержит испытания огнем. Пусть тобой займется Посвященный. Тан, — обратился он к товарищу, — необходимо его тщательно обыскать. Вдруг у него находится один из священных амулетов.

Тан взял палку. Изучающе оглядел ее, поцарапал ногтем.

— Ничего не чувствую, — признался он.

— Я тоже, — согласился Талк, — впрочем, вполне вероятно, амулет хорошо замаскирован. Но тогда кто этот мальчишка? А низший? Ай, какой молчаливый!

Он осмотрел ножик, затем взятые из заплечного мешка сухари, сам мешок. Закончил обыск ощупыванием огнива.

— Ничего. Тан, положи вещи в зачарованный мешок, чтобы закрыться от неведомой магии.

Сам Талк тщательно обыскал Карлайна, не обращая внимания на грязь и сырую от воды и пота одежду.

— Видишь, Тан, — сказал он, — я ничего не нашел, значит тайна находится в самом человеке. Ты когда-нибудь слышал о низшем, от которого отступались единороги?

— Нет.

— И я нет. Глаз да глаз. Ты потащишь его на аркане впереди, а я буду тщательно наблюдать за ним. Если он сбежит или умрет, я себе этого не прощу. А уж как Посвященный к Свету будет огорчен...

Карлайн сжал зубы. Почему за последние сутки, как только он подумает, что все очень плохо, оказывается, что может быть еще хуже. Его поведут к этому Посвященному, который, наверняка, окажется хорошим палачом и будет его изощренно пытать, но не даст умереть, пока он не выложит тайну, неизвестную ему. Сказать, что он помог эльфу сохранить душу, а затем похоронить с амулетом? А не обвинят ли его в надругательстве над телом первородного? Не зря людей они называют низшими. Лучше молчать.

Он покорно застыл, пока с тела сняли аркан, а вместо него связали руки гибкими веревками. Тан протянул свой аркан под подмышками и надежно затянул образовавшуюся петлю. Все, теперь он не сможет развязаться и убежать, даже имея острый боевой кинжал, которого у него отродясь не было.

Тан сел в седло и потянул за аркан. Единорог сразу пошел скорой рысью, Карлайн, не успев разбежаться, упал на землю. Его проволокло несколько метров, пока единороги остановились.

Талк спрыгнул с единорога, наклонился над потерявшим сознание юношей.

— Да он успел знатно приложиться о что-то! Низший, эй, парень, — Талк похлопал по щекам ладонью.

Карлайн непонятливо посмотрел на эльфа, все вспомнил, нахмурился.

— Крепкий орешек, — насмешливо сказал Тан, — таких приятно ломать. Интересно, низший, как долго ты не заорешь, когда я буду тебя прижигать огнем и ломать пальцы.

— Подожди, Тан, прежде надо его доставить к Посвященному к Свету. Пусть расскажет о своих секретах. М-да, — Талк вздохнул, — придется мне поразмять ноги. А этот низший

полежит в седле.

Тан хмыкнул, но ничего не сказал. Ему тоже было очевидно, что человек очень устал и до лагеря не дойдет. Карлайна, как мешок, закинули в седло и Талк легким неутомимым бегом заскользил по тропе. Так он мог бежать несколько дней, преодолевая сотни километров. Тан на единороге замыкал их крохотную колонну.

Карлайн сразу убедился, что ехать, даже будучи связанным и переброшенным поперек через седло, куда лучше, чем бежать на своих двоих. Единорог шел плавно, куда лучше, чем кони в их селении. Ночная прогулка настолько измотала юношу, что он постепенно впал в дремоту, машинально реагируя на переговоры эльфов.

Время как бы остановилось, сквозь пелену дремы стало казаться, что он будет ехать еще очень долго, может быть даже несколько дней. И поэтому очень удивился, когда Талк хлопнул по спине и сообщил:

— Все, низший, приехали. Надеюсь, ты сегодня не ел, а то перед испытанием огнем это вредно. Испачкаешь весь лагерь.

Карлайн покосился на него. Шутник, чтобы ты в руки людей попал. Там тебя научат, как произносить слово низший.

Глава 5

Несмотря на заверения Талка, Карлайн не видел никакого лагеря. Впрочем, он не думал, что эльф его обманывает. Просто у людей и эльфов были совершенно разные представления об военном лагере. У людей походная стоянка воинского отряда — это шалаши и палатки, пьяные солдаты, которых надо обязательно обходить подальше — могут избить, а то и убить, шумные маркитантки, многочисленные костры. Кругом мусор, объедки, злобные бродячие собаки. А у эльфов в лагере, где оказался Карлайн, только иногда мелькали тени первородных, исчезая в полумраке деревьев.

Подгоняя юношу и ведя единорогов за поводья, эльфы пошли среди деревьев и остановились около роскошной березы.

— Талид Ясноликий, Посвященный к Свету, позволь нам побеспокоить тебя.

Опять, как на тропе, словно неоткуда появился эльф. Он был гораздо старше и помощнее, одежда не могла скрыть мощные мышцы, умудренные глаза горели вечностью. Даже Карлайна, безучастного ко всему в преддверии смерти, их взгляд заставил вздрогнуть. Эльфы же глубоко поклонились.

Юноша тоже хотел поклониться, но напоминание о пытках заставило его гордо выпрямиться. Впрочем, эльф не обращал на человека никакого внимания. Он был для него неким подобием полевой крысы.

— Да будет с вами свет, — поздоровался эльф, — юноши, вы хотите что-то спросить?

— Посвященный к Свету, вот этот низший стал причиной нашего появления в лагере, — начал рассказывать Талк, — мы поймали его на охотничьей тропе и, когда он избрал свою судьбу, решили растоптать единорогами. Но они отказались его коснуться! Сначала Маль, а затем Лана. Единороги вроде бы здоровые, никакой волшбы мы не заметили. Поэтому решили притащить к тебе.

— Правильно, — согласился Ясноликий, — позвольте, вначале я осмотрю братьев наших меньших.

Он прошел к единорогам и поочередно положил на лоб около рога левую ладонь. К явной радости эльфов он пришел к выводу, что животные здоровы. Тогда Ясноликий

повернулся к Карлайну:

— Человеческий детеныш, может, ты сам все расскажешь?

Карлайн сделал вид, что не слышал вопроса.

— Гордый, — констатировал Ясноликий, — у него были вещи?

— Вот, — Тан протянул вытащенные из зачарованного мешка предметы.

Ясноликий небрежно провел рукой над ними.

— Ерунда. Обычные человеческие поделки, грубо сделанные. Потом зароете с хозяином. А пока возьмемся за человека. Калите железо, я же попытаюсь пробиться до души напрямую.

Внезапно для Карлайна он легко ударил его ладонью в лоб. Перед глазами юноши вспыхнул букет искр, как будто кто-то темной ночью разворошил большой костер. Затем наплыла тьма. Потеряв сознание, он рухнул на землю.

Откуда-то сверху полилась вода, которая заставила его очнуться. Ясноликий сидел на корточках рядом, пристально глядя ему в глаза. Лицо эльфа ничего не выражало, кроме безразличного равнодушия. Впрочем, периодически по нему проходили редкие волны удивления. Человек все же поразил первородного.

— Я чувствую в тебе след эльфийского касания. Магия первородных в теле низшего... Странно все это.

— Я приготовил железо, — сообщил Тан, — самый раз пытаться.

Карлайн инстинктивно сжался.

— Нет, — остановил Ясноликий всегда спешащего Тана, — мне не удалось глубоко проникнуть в душу человека, но я вижу, что кто-то первородных передал ему некоторую часть своей бессмертной души. Мы не можем его пытаться. Слышишь, человек, тебе не будет нанесено никакого вреда. Поделись с нами своим секретом.

Карлайн оглядел эльфов. Ему очень не хотелось встретиться с раскаленным железом. Однажды в селении пытали конокрада, добиваясь, куда вор отвел украденную лошадь. Сладковатый привкус паленого мяса он чувствовал до сих пор, хотя с этого времени прошло больше года. А если обманут? А что он теряет? Никого не предает, мертвому эльфу все равно, да и рассказывает он его же родичам.

— Развяжите меня и дайте воды. Я все расскажу.

Повинуясь согласному кивку Ясноликого, Талк развязал веревки и стянул аркан, а Тан принес волю в большой кружке. Карлайн выпил всю, до последней капли, благодарно кивнул, отдавая кружку обратно.

— Я пастух, пасу стадо, принадлежащее южной трети селения. В тот день, когда коровы угомонились, я пошел в кустарник набрать прутьев для корзины. И вдруг увидел...

Он рассказывал, видя, как Посвященный двигает губами, словно передает кому-то услышанное.

— Подожди, — вдруг остановил он, — на обереге сколько было листьев, как у меня?

Он вынул из-под зеленого камзола очень похожий оберег. Похороненный тоже был Посвященным к Свету?

— Очень похож, согласился Карлайн, — только у его растения было два листка.

Эльф сильно побледнел.

— Ты точно уверен?

Карлайн, наоборот, покраснел, смущенный.

— Когда он умер, я выкопал могилу и потащил тело волоком в нее, у него вывалился

оберег. Я положил обратно, но вначале посмотрел. Очень уж красиво, — простодушно добавил он. — Первородный обещал дать мне последний дар и, видимо, у него что-то получилось — единороги, как сказали господа эльфы, не стали меня топтать.

— Так, — Ясноликий потер в раздумье подбородок, — ты сможешь нас туда доставить? Карлайн замялся.

— Это около пастбища, если в селении меня увидят люди, они выйдут, чтобы схватить.

— Зачем? — Ясноликому было не все ясно и он хотел разобраться, можно ли человеку доверять.

— Вчера меня заподозрили, что я шпионю на вас. Пришлось бежать.

— Что за чушь! — воскликнул Талк, — мы сами все узнаем!

— Старый Дуки действительно полоумный, — согласился Карлайн, — но маг решил меня проверить с помощью волшебного зелья. От него нельзя ничего скрыть. И тогда вскрылось бы, что я похоронил эльфа, и помог ему обрести возможность перерождения. А моя душа получила эльфийское благословение. За это убивают. Вернее, пытаются так, что сам будешь желать смерти.

— Да, очень похоже для низших, — Ясноликий больше не имел вопросов, — не бойся, мы защитим тебя. Мне надо обязательно побывать на могиле. Обязательно. Тогда мы и тебе поверим и ты даже сможешь уйти от нас.

Карлайн недоверчиво посмотрел на эльфа. Пока он надеялся только на то, что погибнет легкой смертью. Только и всего. Чтобы первородный освободил человека... Ха-ха. Но Ясноликий вновь вытащил из-под камзола оберег и поклялся:

— Клянусь Светом, если ты рассказал правду и приведешь к могиле, то сможешь уйти живым и невредимым.

Карлайн вздохнул. А что еще ему осталось делать?

— Мне трудно вас понять, — вздохнул он, — когда вы со мной разговариваете, вам хочется верить. Но когда вспоминаешь, сколько людей вы убиваете в своих грабительских походах...

Ясноликий неожиданно мягко улыбнулся.

— В тебе начинает пробуждаться эльфийское начало. Человек бы не задался таким вопросом. Все придет со временем. Я тебе обещаю, малыш.

Карлайн озадачено посмотрел на него. Сдался в бесплодных размышлениях. Пусть родичи посмотрят на могилу и может даже выкопают тело. Он один из них. И он согласился.

Повинуясь команде Ясноликого, из неоткуда возникали эльфы и единороги. Для Карлайна тоже подвели единорога. Тот, недовольный таким всадником, косил глазом, периодически ржал, угрожал рогом, но ударить не пытался. Поводьев юноше не дали, прикрепив их к седлу предыдущего единорога.

— На, — пробежавший мимо Тан вручил ему булку. Потрясенный такой добротой, Карлайн забыл даже поблагодарить. Он втянул идущий от хлеба запах. Похоже, это была знаменитая эльфийская булка, которую из людей пробовали единицы, но о которой говорили в каждом селении. Он привычно воровато оглянулся — не хочет ли кто отобрать — и торопливо съел, не чувствуя вкуса.

Единороги понесли их такой быстрой рысью, что на узких тропинках было чревато зацепиться за ветку кустарника или высокую траву. Но все обошлось, хотя иногда Карлайн зажмуривал глаза со страху.

Ближе к селению они спешили с единорогов. Ясноликий с тремя эльфами пошел

следом за юношей. В этот день стадо пасли на другом участке пастбища и это давало возможность незаметно от пастуха пройти к могиле.

— Здесь, — уверенно сказал Карлайн.

— Здесь, — согласился Ясноликий. Он приказал всем спрятаться и не маячить на виду у случайно проходивших людей, а сам встал на колени около могилы и протянул к ней руки. Так он простоял не менее часа. Карлайн мог бы поклясться, что эльф заснул, но напряжение на лице и вскоре пошедший обильный пот говорили о проводимой им очень могущественной волшбе. Несколько раз душа юноши дрожала, словно кто-то перебирал ее струны.

Наконец, Ясноликий закончил.

— Уходим, — коротко бросил он, — пусть мертвый спит вечным сном. Человек похоронил его правильно и родич доволен могилой. А у нас свои заботы.

Глава 6

Эльфы внешне неторопливо, но быстро покинули место захоронения. Карлайн залюбовался их движениями — плавными, красивыми, бесшумными. Сам он ходил шумно, как лось в кустарнике, а его движения, как он считал, напоминали топот кабана.

Талк, шедший последним, выразительно посмотрел на него и он, очнувшись, поспешил за эльфами. Его еще не отпустили и, возможно, не отпустят совсем. Что такое слово чести, данное первородным низшему — шорох осенней листвы. Дунул ветер и нет их!

Они сели на единорогов и поехали обратно в лагерь. Единорог, на котором ехал человек, по-прежнему показывал свою неприязнь к своему всаднику и по-прежнему не нападал. Такое поведение поначалу вызывало удивление первородных, но после рассказов Талка и Тана они решили, что пусть во всем разбирается Посвященный к Свету.

К эльфийскому лагерю они подъехали уже совсем вечером. Карлайн напрягся, понимая, что сейчас решится его судьба. Что с ним будет — его отпустят, принесут в жертву, отправят в каменоломни, просто запинаят ногами и заруют под ближайшим ясенем — любимым деревом первородных? Он был полностью в их руках — маленький, слабый человек среди стремительных и сильных эльфов.

Пока он переживал за свою судьбу, эльфы обустроивали вечерний лагерь. Рядом с березкой загорелся костерок, над которым появился котелок с водой. В центре полянки эльфы построили шалаш из сухостоя и накрыли его листвой.

Ясноликий подозвал Карлайна. Следом подошли Талк и Тан, явно считавшие человека своей добычей.

— Ты отправишься отсюда завтра утром. А сегодняшнюю ночь проведешь в шалаше, который построили родичи. Сейчас немного отдохни, когда сварится похлебка, мы поужинаем. А потом я расскажу всем, что же случилось вчера и почему тебя не стали топтать единороги. И, может быть, смогу разобраться с прощальным даром.

Карлайн облегченно вздохнул. Его, кажется, оставят в живых. Иначе зачем обманывать человека, заботиться о нем. Связали бы и зашвырнули под дерево, а когда понадобится — расправились. Затем стало любопытно, что же такого узнал Ясноликий. Судя по заблестевшим глазам, Талк и Тан тоже изнывали желанием послушать всю историю целиком. Однако Ясноликий уже бесшумно исчез в лесном буреломе.

Похлебка сварилась быстро. Перед Карлайном поставили большую берестяную чашку, протянули ложку. Было очень вкусно. Кашеваривший эльф накидал, как казалось Карлайну, в беспорядочном порядке горсти корешков, листьев и стеблей, частично собранных здесь на

поляне, слегка посолил. Мясо и рыбу эльфы никогда не ели. Едва только вода закипела, как котелок был снят с огня.

Юноша подумал, что предстоит жевать противное месиво из полусырых растений, но оказалось, что вкуснее еды он еще не пробовал. И даже мясной пирог, кусочком которого угостила его повариха Марта в праздник весеннего восхождения солнца, не шел ни в какое сравнение. К тому же кусочек был маленьким, а тут такая чашка! И почему-то отдавало мясом. Странно! Но он не стал задаваться этим вопросом, уминая приятную пищу.

Ближе к концу возникла другая проблема — переполненный живот не хотел принимать новые порции. Но он мужественно доел и какое-то время сидел неподвижно, перебарывая рвотный позыв.

— Парень, — по-своему истолковав его трудности, холодно, но одновременно дружелюбно позвал кашевар, — давай чашку, добавлю.

— Спасибо, — виновато улыбнулся Карлайн, — я бы и рад, но некуда. Я никогда не ел так много.

— Ты был на каторге?

— Нет, наше селение не очень богатое, а сироты там лишняя обуза, — ответил Карлайн, подумав, что, по сути говоря, вся его жизнь и была настоящей каторгой.

Кашевар покачал головой. Похоже, он считал так же.

Постепенно эльфы завершали ужин. Кашевар собрал все чашки и ушел их мыть. Юноша, простодушно думавший, что будет мыть сам, — а он был готов вымыть все чашки за такую прекрасную пищу — в растерянности только посмотрел в спину эльфу.

— Всем ходить — протопать тропинку, — пояснил подошедший Талк, — а так мы готовим и моем по очереди, если, конечно, нет более важных забот. Пойдем. Посвященный к Свету Ясноликий ждет нас.

Эльфы собрались в кружок и даже кашевар находился в общем ряду, словно он уходил не посуду мыть, а направился сюда. Все небрежно развалились и даже Ясноликий, находившийся внутри кружка, полулежал. Но их небрежность выдавала опасных воинов. Так нежатся на солнце вазлиборские кошки, мурлыкающие от наслаждения, чтобы в следующий момент напасть на жертву или соперника.

— Садись сюда, — Ясноликий показал на место рядом с собой, видя, что человек собирается скромно затеряться в сумерках за спиной эльфов.

Карлайн смутился, но возразить старшему эльфов и магу не решился.

Ясноликий улыбнулся, видя его затруднения.

— Мне придется объяснить, родичи, почему я вожусь с этим человечком, вместо того, чтобы расправиться с ним так, как мы обычно делаем с полутемными. Начну издалека.

Несколько дней назад разведка сообщила, что в приграничные селения направляется однолапый сару для проверки темных сил и их пополнения. Сару — это адепт темных сил, — пояснил он специально для Карлайна, — ему на перехват отправился Посвященный Второго Листа Тлани с отрядом охотников, которые должны были имитировать нападение на селение людей для их отвлечения. И около селения этого юноши ему удалось достичь сару. Я не знаю, что там произошло, но Тлани проиграл бой...

Ясноликий грустно улыбнулся.

— Тлани был одним из подающим надежды Посвященных моего возраста. Но его иногда подводила самоуверенность. Похоже он переоценил свои силы и недооценил вражеские. Может быть, мы узнаем когда-нибудь, что случилось в окрестностях этой

деревушки.

Умиравший Посвященный заполз в кустарники и там его нашел местный пастушок. С слов нашего нового знакомого, он помог Тлани совершить нужные обряды для перерождения в следующей жизни, поделившись своей душевной силой, и похоронил у рябины. Не знаю, солгал ли мне парнишка, — он дружески погладил Карлайна по голове, — но я обратился к умершему. Его телу там хорошо, а душа находится в небесных садах Сталитэ, чтобы в должный срок переродится в нового первородного.

Тлани отблагодарил помогшего ему человека, пожертвовав ему частицу своей души и свой дар. Знай же низший, — обратился он к Карлайну, — тебе оказана величайшая честь. За все время существования первородных считанное количество раз эльфы делились частицей своей бессмертной души. Тебя же осчастливил Посвященный Второго Листа! Правда, пока дар и частица души находятся в состоянии сна, но это недолго. Какую из своих способностей он передал в виде дара, я не знаю, но, как ты правильно сказал, что-то ему удалось.

Карлайн смущенно улыбнулся. Из сказанного первородным он понял не больше половины. Для самих эльфов рассказ был большой неожиданностью, но говорились понятные, в общем-то, вещи.

— Так теперь он не низший! — Тан в удивлении таращил глаза на человека.

— Да, — подтвердил Ясноликий, — хотя быть человеком он не перестал, но постепенно в нем разовьется эльфийское начало. Он будет человеком с наполовину эльфийской душой. Послушай, юноша, — обратился он к Карлайну, — сейчас я попытаюсь оживить данную тебе частицу эльфийской души и последний дар. Не бойся, Тлани не причинит зла существу, спасшему его душу. Эльф никогда не ответит на добро злом. Ляг!

Повинуясь командам Посвященного к Свету, Карлайн послушно лег рядом с ним и закрыл глаза. Ладонь эльфа легла на лоб, приятно холодя его. Затем по телу пошли приятные волны тепла, заставляя его расслабиться и окунуться в эйфорию покоя. Он уже почти заснул, когда внутри него разгорелся сильный жар. Его выгнуло и чуть ли не отшвырнуло в сторону. Но Ясноликий был готов к этому и навалился на человека, тем самым придержав его.

Жар быстро спал. По телу прошла прохладная волна, словно сильно действующая мазь, замазывающая и лечащая образовавшиеся за последние дни ранки и ссадины.

— Открой глаза! — приказал Ясноликий.

Карлайн открыл глаза. Эльф плавными движениями погладил лицо, а затем уши. Юноша охнул. Его переполнили многочисленные звуки. Он слышал ВСЕ! И шуршание крыльев стрекоз за несколько километров отсюда, и тихий плеск воды. Буквально в пяти шагах от лагеря вытекал родник с чистой водой. Впереди на приличном расстоянии шла семья кабанов, а еще дальше дымчатый волк охотился на полевых крыс. Скрипел камыш, жалуясь на ветер, травы прощально покачивались — скоро, осенью, жизнь уйдет из них.

Он моргнул. ГЛАЗА! Будто бы он до этого всю жизнь ходил в повязкой на них, а теперь сняли. Мир заиграл яркими красками. Каким же прекрасным он оказался!

Карлайн вздохнул и чуть не задохнулся от противного запаха своего тела. Как же эльфы терпели его? Но кроме запаха тела он уловил запах похлебки, запах трав и животных, немногих цветов, расцветающих поздним летом.

— Что это со мной? — спросил он хрипло.

— Ничего, — на лице Ясноликого появилась улыбка все повидавшего учителя, — ты стал видеть, слушать, чувствовать, как эльф. В тебе пробуждается эльфийское начало.

Он поднялся на ноги.

— Со временем, я надеюсь, ты научишься двигаться как мы, понимать природу и мироздание, дарованное нам богами.

— Мы возьмем его с собой? — спросил Тан.

Ясноликий отрицательно покачал головой.

— Он все равно остается человеком. У нас ему будет трудно. И он может потерять, что получил. Нет, ему надо быть у людей. Знай же, — Ясноликий повысил голос, — все, что ты получил сейчас, только внешняя коробка, внутри которой находится прощальный дар благодарного первородного. К сожалению, я не могу проникнуть вглубь твоей души — ты еще по-человечески слаб и можешь погибнуть. Но дар обязательно проявится. Если в ближайшее время случится что-то необычное, не паникуй, а постарайся прислушаться к себе.

— Хорошо, господин, — кивнул Карлайн, — я запомню все сказанное тобой. А пока мне хочется умыться, смыть грязь и черные воспоминания о прошлом.

Глава 7

Родник за многие годы намыл русло с глубокими ямами. Карлайн выбрал один из бочажков на довольно приличном расстоянии от места, где родничок выбивался из земли. Разделся, замочил одежду в воде. Внезапно ему открылось, что темно-зеленые листья травы, оказавшейся у него под ногами, можно использовать вместо мыла. И, кажется, ее называют таврень. Он осторожно отсоединил несколько листьев, растер их в руках. Образовавшаяся масса выделила мыльную пену приятного земляничного запаха.

У него уже проявился дар? Какой, находить травы? Хотя он умел собирать съедобные травы, раньше у него не было способности узнавать новые травы и по внешнему виду определять их свойства.

Он тщательно вымыл голову, пучком травы с мыльными листьями растер тело. Мешающий ему запах грязного потного человеческого тела исчез. Показалось, будто у него появилось второе сердце, а легкие втягивают вдвое больше воздуха. Захотелось взлететь, воспарить над небом.

Юноша едва не заорал от счастья во весь голос, но сдержался и вместо этого выстирал одежду, выжал ее и мокрую одел. Тучи постепенно расходились, но к ночи заметно похолодало, обещая к утру заморозок. Однако Карлайн в своем обновленном состоянии совсем не мерз. Было только немного неудобно от прилипавших к телу штанов и рубахи.

Эльфы разошлись по своим лежанкам. Новым зрением Карлайн легко обнаружил всех, лежащих, сидящих и даже стоящих во сне, прижавших к стволам деревьев. Тан, встретивший его у шалаша, с удивлением спросил:

— Судя по запаху, ты нашел таврень. Откуда?

Карлайн не понял вопроса и принялся многословно объяснять, где можно найти траву.

— Спасибо, — помотал головой Тан, — я, конечно, обязательно помоюсь, таким счастьем нельзя бросаться, но как тебе удалось? Таврень редкая трава, к тому же она выделяет слабую магию, которая прячет ее даже от глаз эльфа.

— Человек чем-то удивил тебя, родич? — на шум к ним вышел Ясноликий.

— Он нашел таврень, Посвященный к Свету! — удивлению Тана не было предела, — это дар травника, посланный Тлани?

— Может быть, — не стал торопиться с выводами Ясноликий, — безусловно, это воздействие дара. Но травника ли, покажет время. Ты раньше знал травы?

— Я знаю несколько съедобных трав, — покачал Карлайн головой, — но это траву вижу впервые. Словно кто-то подтолкнул меня и сказал, что она заменит мне мыло.

Ясноликий покачал головой.

— Это дар, безусловно. Ну, дорогие родичи, если есть такая возможность, надо омыть свое тело в благословенной богами воде с раствором тавреня.

Карлайн уже засыпал в шалаше, когда чуткий слух уловил едва слышные шаги — эльфы, вдоволь натешившись водяными растираниями, возвращались в лагерь. В засыпающем сознании появилась мысль, что он сделал первородным небольшую услугу.

Утро едва начиналось, когда его разбудили шаги. Легкие, осторожные, едва приминавшие траву, совсем не слышимые человеческому уху, они все же разбудили юношу. Он немного полежал, раздумывая, не поспать ли ему еще, но тело уже отдохнуло и требовало движения. Пришлось подняться.

У небольшого костра суетился другой эльф-кашевар. Талк не пошутил на счет очередности. Карлайн попытался представить человеческого рыцаря за приготовлением пищи. Покрутил головой. Как-то не получалось.

Эльф засыпал в закипевшую воду горсть искрошенных трав. Сладкий болиголов, желтый папоротник, подорожная трава. Первая трава снимает усталость, вторая — обостряет чувства, третья — отбивает сонливость. Первые две травы кисловаты, третья — терпкая. Кашевар перестарался, чуть-чуть переложил желтого папоротника, навар будет невкусный.

— Положи полщепотки подорожной травы, — попросил Карлайн эльфа.

Тот немного удивился, зачерпнул ложкой навар, подумал, кивнул, положил травы в воду. Затем попробовал еще раз, кивнул, снял котел с воды.

Остальные эльфы, почистив и накормив единорогов, подтянулись к костру. Сваренный напиток понравился всем. Они с аппетитом выпили по паре кружек с их знаменитыми булками.

— Нет, все-таки ты стал травником, — сделал вывод Талк, видевший, как юноша подсказал повару сварить напиток получше.

— Может травник, — рассудительно сказал Ясноликий, — а может врачеватель. Тлани, как Посвященный к Свету Второго Листа, умел многое.

Этим рассуждением он поставил Талка в тупик. Тот как-то не подумал, что сбором трав занимаются не одни травники.

— Карлайн, — обратился Ясноликий к юноше, — твои изменения настолько хорошо заметны, что я решил помочь тебе. Отпускать тебя в приграничной полосе, это почти что обречь на смерть. Наверняка старейшины вашего селения разослали по всему приграничному краю твое описание и в любой деревне тебе грозит арест и смерть. Мучительная смерть. Кроме того, здесь много мародеров, да и стража вольных баронов не откажется получить деньги за продажу человека в рабство. Ребенка сможет обидеть каждый.

Карлайн уныло кивнул. Он уже думал об этом. После взрыва эмоций от осознания, что он не только остался жив, но и еще избавляется от нищей жизни, полной унижений и побоев, пришло понимание смертельной опасности от окружающих людей. Приграничная обстановка накладывала свой отпечаток. Выход за пределы общинных владений оказывался настолько опасным, что даже вооруженные мужчины ходили отрядами в несколько десятков человек. Здесь не было добрых путников, а закон измерялся силой. Кто сильнее, тот всегда был прав. Мертвые ничего не скажет.

— Как ты думаешь, тебе будет лучше в Гарне?

Карлайн даже вздрогнул. Отсюда до Гарна — столицы Ламодийского герцогства — было километров четыреста. Говорили, что там совершенно другая жизнь, даже ночью можно выйти за стены и остаться в живых. А улицы были настолько безопасны, что жители оставляли двери не запертыми на засовы.

— В Гарне есть живут наши родичи, герцогу Рандаву VII служит эльфийская полутысяча — ему настолько надоедают своими нападениями гномы и орки, что он пошел даже на это. Есть эльфы — купцы и ремесленники. Герцог представил им личную защиту. Они смогут тебе помочь. И порядка там больше, герцог держит своих подданных в ежовых рукавицах.

— Но как туда попасть? — вырвалось у Карлайна. Гарн находился в глубине густонаселенных земель, жители которых не очень любили первородных, хотя и были вынуждены их терпеть. А чужеземцев из людей принимали только тех, у кого плотно набит серебром кошелек и имел магическую метку-пропуск. Остальных ждал недружественный прием со вполне вероятной смертью в конце встречи.

Губы Ясноликого тронула улыбка.

— Талк и Тан, возьмите запасного единорога, доведите юношу как можно ближе к Гарну, но особо не рискуйте, в схватке он может погибнуть. Тан, отдай его вещи. И положи кошель с небольшим количеством денег — медяков десять, обязательно потертых. Я мог бы тебе дать гораздо большую сумму, хоть несколько золотых, — пояснил он Карлайну, — но это вызовет большие подозрения. Побирושка мальчишка не должен иметь такие деньги. У любого встречного возникнет желание узнать, где можно получить такие сокровища. А затем, возможно, желание ограбить и убить.

Десять медяков тебе на дорогу хватит. В Гарне выйди на улицу Мастеров, найди там лавку Тинниля, я послал ему этой ночью письмо с просьбой о помощи. Он мой кровный брат, не откажет. Ему можно говорить все. Теперь протяни левую руку.

Карлайн протянул руку. Ясноликий потер запястье. Юноша почувствовал легкий укол.

— Это заклятье для Тинниля, впрочем, и для других эльфов, если они вдруг встретятся тебе. Слова могут быть лживыми, осторожные тебе не поверят, но заклятие правды всегда покажет только истинные намерения.

Карлайн путанно и долго благодарил. Его не только не убили, но сделали практически другим человеком. И у него появилась надежда на будущее!

Посвященный к Свету с серьезным выражением лица выслушал его и сказал:

— Когда-нибудь ты сделаешь доброе дело и это будет наивысшая благодарность эльфам. А пока расти. Поторопитесь, у вас долгий путь. Талк, обратно возвращайтесь к сторожевой заставе, мы завтра отойдем к ней. Хватит стоять на этом месте, привлечем внимание сару.

Единороги уже ждали их, снаряженные к долгому переходу. Влияние разбуженной магии первородных повлияло на этих эльфийских красавцев. Ни один из них не покосился на человека, не стал угрожать рогом.

Талк повел их небольшой отряд проселочными дорогами и звериными тропами, там, где была незначительная вероятность встретиться с людьми, а с разбойниками эльфы умели разбираться быстро и жестко. Однажды попавшаяся навстречу шайка, сразу не разобравшаяся, кто попал им на глаза, попыталась напасть, прельщенная, как они думали, породистыми лошадьми, но за несколько мгновений была утыкана стрелами.

Эльфы брезгливо осмотрели мертвых, собрали стрелы. Ничего брать не стали — ни деньги, ни имущество, только Талк, подумав, снял с одного из убитых кинжал в ножнах — дешевенький, стоящий несколько медяков, но с достаточно приличным клинком. Как раз для

бедного молодого человека, в одиночку путешествующего и купившего по случаю кинжал у деревенского кузнеца. Отдал его Карлайну. Тот гордо повесил его на пояс. Первый настоящий клинок!

Они скакали почти двое суток. С продвижением по территории Ламодийского герцогства селения становились все чаще и, наконец, Талк извинительно сказал:

— Дальше мы не можем. Засекут маги. Точнее сказать, они уже нас ведут, но из-за большого расстояния чувствуют приблизительно. Хотя отправленный в погоню отряд легко найдет следы. Поэтому мы должны поскакать в сторону, отвлечь их внимание. Ты человек, тебе легко потеряться. Дальше будешь двигаться самостоятельно. До Гарна осталось километров сто — сто двадцать. Пройди рощу, которая находится прямо перед нами, за ней будет тракт, ведущий в столицу.

На прощание Талк дружески сжал плечо, Тан коснулся руки и они ускакали. У них была своя война. Бесконечная, непонятная и жестокая война с людьми и темными силами.

Глава 8

Близость столицы ощущалась во всем. Стало многолюднее и больше порядков. Когда его покинули эльфы, тракт был покрыт грубо отшлифованными булыжниками, иногда попадались крупные купеческие караваны, вооруженные от разбойников клинками и копьями, а от местных баронов — королевскими грамотами. При чем отличить разбойников от баронских стражников было сложно, а порою невозможно. Ибо при возможности барон превращался в грабителя, а при невозможности представлялся вельможей и требовал взятку-налог.

Но уже через десяток километров булыжники сменились тесаными каменными плитами, появились конные и пешие патрули, хотя от них тоже приходилось прятаться — у юноши не было метки-пропуска в столицу.

Хотя Карлайн устал, двое суток находясь в седле, а затем несколько километров двигаясь пешком, но частица эльфийской души позволяла идти дальше, сделав юношу почти таким же выносливым, как эльфы. Он шел всю ночь. В темноте несколько раз мимо проносились какие-то всадники, но их было слышно издали и он всего лишь спускался в придорожную канаву и пережидал опасных попутчиков.

Однако утром стало светло. Прежняя уловка не сработала. Услышав звон копыт, он сошел в канаву. Всадники, куда-то спешившие, не сразу увидели его, но заметив, остановились.

Были ли это патрульные или разбойники, но Карлайн понял, что он на грани гибели или хотя бы рабства. Юноша побежал к близко подходящему к дороге в этом месте лесу. Надежды было мало. Он бы все равно не успел укрыться, его спасло только медлительность всадников, не сразу нашедших безопасный спуск с тракта. Когда преследователи подскакали к крайним деревьям, Карлайн успел забежать в чащобу, куда конные не могли пробраться. Понадеявшись на глупость жертвы, они стали кричать об опасности лесных разбойников, обещали милостивое отношение к незнакомцу своего барона. Ага, сейчас! Карлайн неподвижно просидел под большой сосной все это время, пока его пытались обнаружить. Не дождавшись, всадники уехали, громко переговариваясь.

Чувствуя, что это уловка, он продолжал ждать. И не зря. Ближе к обеду уехали оставшиеся три всадника, разочарованные отсутствием добычи. Сколько там их еще осталось? На всякий случай Карлайн решил идти по чащобе. Хотя идти труднее, зато не

наткнешься на страшных не то стражников, не то разбойников.

Полученные им эльфийские навыки позволяли ему легче преодолевать лесистое бездорожье. Там, где обычный человек безнадежно бы застрял или с трудом пробирался, тоненькая фигура юноши изящно проскальзывала между деревьев. Он даже умудрился подобранным камнем сбить крупную птицу и, довольный, забросил в мешок. Вечером будет богатый ужин — запеченное в глине мясо.

Пересекая очередную поляну, он услышал требовательный писк. Осторожно выглянул. На краю поляны мирно лежали два маленьких котенка, явно только что открывших глаза, и звали мать.

Вазлиборские кошки! — мелькнуло в голове Карлайна, — самые страшные хищники Дайяры, способные играючи расправиться с десятком вооруженных людей. Надо бежать! даже эльфы были им по зубам — кошки легко уклонялись от стрел и достигали первородных.

Однако, пока разум испускал тревожные вопли, требуя бежать, тело действовало самостоятельно. Карлайн подошел к котяткам и погладил их по мягким маленьким спинкам. Котятка вначале в панике замяукали на несколько тонов выше, но потом, втянув воздух и почувствовав запах человека, успокоились и снова начали требовательно кричать.

Надо их накормить! Карлайн вытащил из заплечного мешка один сухарь, отломил от него кусочек, прожевал его до состояния теста и в таком виде подал котяткам. Те охотно слопали бесплатное угощение, насытились и довольно замурлыкали, забравшись в ладони.

Ответом на их мелодичные звуки было громоподобное рычание. Карлайн поднял голову и замер. На другой стороне поляны стояла взрослая вазлиборская кошка — чудовище в два с половиной метра в длину и более метра в холке. Карлайну даже с приобретенными эльфийскими навыками не стоило и трепыхаться — кошка убьет его одним небрежным ударом лапы. И судя по напряженному телу кошки сейчас так и будет. Кошка совершит прыжок и...

Он напрягся в ожидании атаки хищника. Но кошка только повторно зарычала, оставшись на месте. Что это с ней? Карлайн присмотрелся. Густая трава почти скрывала ноги. Но судя по порывистым движениям, передние лапы оказались в какой-то ловушке, зверь мог двигать только задними.

Повинуясь каким-то невнятным ощущениям, Карлайн мысленно потянулся к кошке и прикоснулся к ней. Волна боли, раздражения и голода хлынула к нему, заполнив все тело. Он едва не упал от неожиданности. Он легко смог мысленно заговорить с хищником!

Кажется, он был прав на счет передних лап. Они были как-то больно сжаты и кошка не могла вырваться. Попытался передать ей свое сочувствие и ослабить боль. Для этого использовал внезапно пришедшее умение работать со своей душевной силой.

Кошка рыкнула, но не грозно, а как-то удивленно. С интересом посмотрела на человека. Впервые она видела в нем не добычу, не врага, а возможного спасителя.

— Ты ведь не станешь меня убивать? — опасливо спросил Карлайн.

Кошка уклончиво мяукнула, но не враждебно, а почти игриво.

Решив, что отношения налажены, Карлайн подошел ближе, но остановился вне зоны досягаемости зубов и длинных лап.

Он ожидал нечто подобное — лапы кошки были в пасти — охотничьем устройстве — большой колоде, в которой была сделана большая щель. Зверь попадал в нее лапами, сшибая распорку, щель стремительно сужалась, зажимая конечности. Браконьер поставил охотничье

приспособление рядом с логовом вазлиборской кошки, рассчитывая поймать ее, и оказался удачлив.

Надо было расширить отверстие ловушки и тогда кошка сможет вытащить лапы. Он подобрал подвернувшийся массивный сук, подточил его с одного конца и вставил в щель. Нажал на сук с неожиданно проявившейся силой, расширяя ее.

Кошка радостно взревела, выдернув лапы. Уставилась на Карлайна, рассматривая его большими глазами.

«Нападет или нет?», — мелькнуло в голове.

Но кошка чего-то ждала. Облизнулась, подсказывая недотепе, что ей надо.

«У меня же в мешке птица. Она чувствует ее запах!» — смутился Карлайн своей тупости. Он осторожно снял мешок, вынул птицу и бросил кошке. Та не заставила ждать, разорвав птицу на куски и споро их проглотив.

Пока она перекусывала после принудительного голодания, Карлайн сходил за котятками и на руках принес их к кошке.

Вазлиборская кошка, видя своих детенышей на руках у человека, недовольно рыкнула. В ответ Карлайн уже смелее отправил к ней кусочек силы, преобразовывая его в тепло и радость от встречи.

Кошка закрутила головой от неожиданного, но приятного ощущения.

Радостное мяуканье котят прервало короткий молчаливый диалог кошки и человека. Детишкам надоела тишина, они видели мать и не могли понять, почему она не идет к ним.

Карлайн продержал держать котят в руках.

«Хоть какая-то защита будет», — сообразил он и тут же обругал себя. Детишками прикрываться решил!

Кошка-мать, наконец, прыгнула, но не с целью убить разбойника, захватившего ее детей. Она приземлилась рядом с удивлением глядя на неведомую для нее картину. Осторожно понюхала детей. Признала их за своих, облизала прямо на ладонях Карлайна. Слегка толкнула его большой головой, приветственно осклабилась, обнажив страшные клыки.

Откуда-то из памяти выплыло понимание, что вазлиборские кошки и эльфы находятся в сложном симбиозе-борьбе. Взрослая кошка, особенно голодная, легко посчитает эльфа добычей и без особого смущения сглодает до последней косточки. Но если логово кошек находится неподалеку от селения эльфов, то мохнатые привыкают к ним и становятся союзниками первородных. Они вместе участвуют в прочесывании леса и поиске различных растений, за что эльфы подстреливали им добычу — распространенных животных, которых было не так жалко. Кошки также служат сторожами, за десятки километров чувствуя приближение чужаков.

Иногда, если между эльфом и матерью новорожденных котят устанавливается полное доверие, или, если эльф добивается дружбы с котятками, кошка-мать отдает своих детей или дети начинают считать матерью эльфа, отказываясь от прежней, родившей их.

Кошка снова потерялась о него, шумно вдохнула воздух, чему-то удивилась, заглядывая в глаза, но никакой агрессии по-прежнему не проявила. Похоже, она учуяла в нем эльфийское начало и, поскольку дети стали на нее рычать, приняла решение не нападать на человека.

Мяукнула. Осторожно зубами потянула руки с котятками вниз, требуя положить их на землю. Карлайн подчинился, а котятки запротестовали, лишившись тепла и ощущения защиты. Но кошка легла на бок, подгрести котят к животу. Те, почувствовав запах молока,

придвинулись к животу и жадно захлебываясь, стали насыщаться.

Наевшись, котята принялись играть друг с другом и с шерстью матери. А затем запросились на руки Карлайну. Юноша испуганно поглядел на кошку-мать. Но та, извернувшись, блаженно лежала, расслабилась, в легкой улыбке показывая зубы.

Котята, оказавшись на руках, немедленно уснули. А кошка, полежав немного, вдруг рванулась в лес, мгновенно исчезнув. Карлайн даже моргнул. Ну и скорость у этих вазлиборских кошек!

Юноша уже отдыхал, решив здесь переночевать, когда она прибежала обратно.

Кошка принесла добычу и положила ее у ног Карлайна. Громко мяукнула, на последок шлепнула его по животу хвостом, облизала котят, и ушла, не оглядываясь.

До юноши дошел ее прощальный мысленный посыл. Кошка попыталась передать сложное ощущение, но разница в мышлении позволила понять только частично, в виде простых чувств. Как он понял, кошка благодарила его и оставляла котят, обязав вырастить их и сделать охотниками.

Вот это да! Карлайн не знал, радоваться ему или горевать. С одной стороны, у него будет две вазлиборские кошки — страшных хищника, с которыми ему будет не страшно везде — и в диком лесу, и в воровском притоне. С другой, — справится ли он с ними? Не съедят ли они его, когда вырастут?

В памяти возникло понимание, что таких зверей мало приручить — вазлиборские кошки никогда не становятся домашними. Необходимо провести магический ритуал, который намертво свяжет три души и кошки уже никогда даже не подумают напасть, а тем более убить. Они всегда будут считать их своим другом-хозяином. Преподнеся их головки к своим глазам, Карлайн запел тихим голосом проявившуюся в голове клятву-присягу на древнеэльфийском языке. Котята какое-то время молчали, прислушиваясь, а потом завыли, четко соблюдая мелодию.

«Наро рекос панемум», — тихо завершил он ритуал и вздрогнул от хлынувшей энергии. Котята захныкали, получив свою порцию. Все теперь они ближе, чем кровные родичи!

Карлайн взял котят на руки, присмотрелся к последнему подарку. Это оказалась задняя нога крупного королевского оленя — добыча, среди диких хищников доступная только вазлиборской кошке. Килограммов тридцать, не меньше. Ему столько не унести. Придется разделать здесь, взяв только мясо.

Котят не встревожили ни уход матери, ни проблемы питания и защиты. Они радостно мяукали, крутясь в теплой постели. А как он их понесет? Руки желательно держать свободными. Он прикинул в уме и обрадовался простому решению. В его рубахе на животе был нашит широкий и глубокий карман. По какой причине, он не знал, — рубаха досталась ему уже старой. В этом кармане котятам будет хорошо. По крайней мере, на первых порах, пока они маленькие и смогут в нем размещаться.

Он встал и положил котят на землю. Те немедленно возмутились, недовольно мяукая и рыча. Но Карлайн отрезал им по маленькому кусочку мяса, и котята нашли новую забаву — терзать и кусать мясо, не столько поедая его, сколько играя и, видимо, представляя себя могучими кошками, убивающими больших животных.

А юноша разделывал мясо. Жалко было оставлять кости и кожу. Наученный пользоваться крайне скудным запасом продовольствия и вещей, Карлайн с грустью представлял, какой жирный бульон мог бы он получить, выварив кости, сколько в них костного мозга, и насколько полезен был бы кусок шкуры с ноги оленя.

Увы! Запас мяса оказался и без того большим для худощавого и ослабленного постоянным недоеданием юноши. А ведь он выбросил все жировые полоски и сухожилия и даже наиболее жесткие куски мяса. Нарезал мясо полосами, переложил большими листьями растущего под деревьями невысокого кустарника. Память эльфа подсказала, что это растение с редкими желтыми плодами можно использовать для более долгого хранения мяса.

Больше выбрасывать было нечего. Расставаться с нежным, вкусным мясом было сверх его сил. Он с большим трудом надел мешок за плечи и после этого понял, что с таким грузом наклониться за котятами не сможет. Пришлось повторить операцию еще раз, но наоборот — сначала положить в карман котят, а затем нацепить мешок. И двинулся вперед, пробираясь среди деревьев и кустарников.

В этот день он прошел немного. Мешали котята, не привыкшие таким образом проводить время и постоянно норовившие вылезть из кармана, груз за спиной неимоверно давил. Но больше всего его привлекала возможность остановиться и поджарить себе мяса. Он никогда не ел так много мяса. Он и в малом-то количестве ел его считанное количество раз. А здесь такие куски!

Он остановился на крохотной поляне. Точнее сказать, это была небольшая проплешина, образовавшаяся когда-то упавшим деревом. Затем на этом месте вырос кустарник и молодые деревья. Но прошлым летом здесь порезвилось стадо кабанов. Карлайну лишь осталось немного выровнять землю и набрать дров на ночь.

Котята мирно играли очередными кусочками сырого мяса, а Карлайн жарил оленину, предвкушая вечернее пиршество. Такая жизнь ему нравилась.

Глава 9

Шел третий день его путешествия по тракту. Большую часть пути приходилось прокладывать по лесам и полям, что заметно удлиняло время перехода, зато было более безопасным.

Котята привыкли к карману рубахи. Они даже приспособились, высунув головы, рассматривать меняющуюся окружающую действительность. Ели они помаленьку, но до удивления часто. Поначалу четырехлапые жаловались на отсутствие молока, жалобно мяукая, но затем привыкли. Карлайну приходилось нести в руках нарезанные кусочки мяса, чтобы то и дело вкладывать очередную порцию в требовательную пасть. И, естественно, они также быстро росли. Он уже прикидывал, что через несколько дней они уже не будут влезать в карман и им придется идти своим ходом.

Мясо таяло на глазах. Кроме кошек ему помогал исчезать сам Карлайн, жаривший утро и вечером большие порции. Мясная пища помогала расти прямо на глазах и ему, вверх и вширь. У него начали округляться мышцы на плечах, а руки и ноги стали на загляденье мускулистыми. Хотя, возможно, мясо не играло никакой роли, а все дело было в даре эльфа. Он по-прежнему легко находил травы — и для еды, и для подкрепления здоровья.

Стремительно убывающие куски мяса Карлайна не беспокоили. Частично благодаря новым навыкам ловкости и меткости, частично из-за имевшегося опыта ловли прежней жизни мелких птиц и зверушек на пастбище, он наловчился каждый вечер ставить ловушки. И еще не было утра, чтобы он не выбирал добычу из силков и сплетенных на скорую руку сетей. Несколько раз ему удавалось подбивать камнями мелких зверушек.

Так что теперь в его заплечном мешке были довольно уже небольшой кусок лосятины,

заяц и три мелких птички. И это при том, что они утром за завтраком уполовинили оставшиеся куски мяса королевского лося и съели тушку другого зайца.

Карлайн, правда, подозревал, что он занимается браконьерством и местные власти, если прознают, захотят его наказать. Но пока ему никто не встречался. А если и окажется кто, юноша прекрасно понимал, что с его обострившимися слухом и зрением он всегда заметит прохожего раньше.

На третий день после полудня он заметил на дороге стоящий обоз. Почему он стоит? Здесь не место стоянки, нет укреплений от разбойников, нет трактиров с недорогой и обильной пищей. Нет даже удобных спусков с дороги. Подойди поближе? Ему уже надоело идти вне дороги. Было обидно, что совсем рядом находится хороший тракт, покрытый булыжниками и камнями, и весьма удобный для ходьбы, а он должен плестись среди оврагов и болот, пересекая ручьи и речушки, спотыкаться и получать царапины в лесу. Если бы удалось остаться в обозе, никто бы не решился схватить его. И, может быть, ему удастся скрыть отсутствие метки.

Попробовать? Хотелось верить, что хозяин не изобьет его и не сделает рабом.

Он подошел к последним телегам обоза, состроив виновато-почтительное выражение лица. За годы сиротской жизни Карлайн сумел научиться работать с лицевыми мышцами, как настоящий лицедей. Иногда это помогало добиться небольшой добавки постной похлебки, иногда — избежать тумачков.

Стражник, стоявший у последней телеги, лениво посмотрел на него. Худенький юноша, появившийся неизвестно откуда вдали от селений, тем не менее, не вызывал у него особой тревоги. Он только передвинул рукоять сабли, чтобы было легче выхватить клинок.

— Я бедный маленький путник, осиротевший от набега жутких гномов и идущий в Гарн. Скажите, господин, у вашего хозяина нет работы за путешествие с вашим обозом.

Стражник, еще раз оглядев его фигуру, что-то пробурчал типа «в таких слабаках хозяин не нуждается», все-таки махнул рукой в голову обоза.

Карлайн воспринял это как разрешение оставаться у телег, почтительно поблагодарил, и двинулся в обозначенном направлении. Телеги в обозе были оркского типа, высокие с большими, выше него, колесами. Нагруженные товарами до самих краев, они были тяжелыми и их тащили по два огромных, размером почти с дом, быка альенской породы. Сам он их не разу не видел, но неоднократно слышал и потому решил, что других таких громадин не может быть.

Хозяина он нашел у третьей с головы обоза телеги. Тут было и объяснение остановки. Один из быков лежал. Его раздутый живот временами содрогался. Остекленевший взгляд и высунутый язык говорили о близком конце.

— Ваша честь, нельзя ли мне..., - робко заговорил Карлайн, понимая, что оказался около торговца не в самое лучшее время.

— Отстань, — раздраженно буркнул торговец, кинув на него мимолетный взгляд. Попрошайек и нищих он не любил и общался с ними при помощи плетки. Этот мальчишка явно из них. Хотя одежда вроде бы аккуратная, не рваная и вид приличный...

Котят возмутило такое отношение к их хозяину. Они дружно высунулись из кармана рубахи и зарычали на торговца.

Тот повернулся обратно, удивленно посмотрел на Карлайна.

— Котята вазлиборских кошек! — продемонстрировал он знание фауны, — парень, да ты не субидар?

Субидарами называли лекарей, лечивших скот. Они нередко держали экзотически и весьма опасных зверей. И из любви к природе, и для привлечения пациентов.

Карлайн, решив придерживаться одной версии, ответил:

— Мой отец врачевал скот. Увы, он и вся моя семья пропали во время налета гномов. Мне одному удалось скрыться и теперь я иду в столицу найти работу, а может быть и опытного мастера для дальнейшего обучения.

Торговец кивнул, выслушав довольно простую, хотя и ничем не подтвержденную версию. Его сейчас беспокоил только бык. Все телеги были предельно загружены. Если он умрет, один бык тащить телегу не сможет, оркские повозки сделаны только для пары животных. А это означает, что придется бросать телегу, полную груза. Какие убытки! А ближайший лекарь только в столице. Да и там довольно бестолковый. Услышав, что юноша субидар, пусть и всего лишь ученик, торговец взмолился:

— Спаси быка, парень, потом проси, что хочешь.

Карлайн рисковал, говоря об отце врачевателе. Вполне естественно, что хозяин обоза захочет проверить его навыки — ему некуда деваться. Карлайн не знал, сколько стоит бык, но понимал — дорого. Риск был страшный. Но иначе его выбросят из обоза. А то и просто прикуют к одной из телег и продадут в столице.

Ему очень хотелось верить, что умение ладить с вазлиборскими кошками поможет ему в лечении животных.

Подталкиваемый торговцем, он подошел к громаде быка. В голове сразу возникло понимание, что, скорее всего, бык наелся желтой полыни. А в ней иногда встречаются коричневые клопы. Они попали в живот быка и там под воздействием желудочного сока стали распадаться. Появилось много газа, живот раздуло, он сдавил все остальные органы и отравил кровь в кровеносных жилах. Бык сейчас умирает, легкие и сердце работают плохо, все остальное тоже.

Прежде всего необходимо воткнуть в живот трубку, чтобы лишний испорченный воздух через нее вышел, живот уменьшится и бык оживет. Затем следует дать ему ведро теплой воды с мелко нарубленной придорожной кандилой, добавив туда для вкуса две горсти серой муки и полгорсти соли. Быка вырвет, клопов из желудка вымоет. Немного подождать, если воздух в трубке будет снова появляться, дать еще ведро. Если нет, трубку надо вытащить, дырку залепить сосновой или еловой смолой. А быку дать ведро теплой воды с танзилой, добавив опять же муки и соли. Это успокоительное лекарство успокоит желудок и постепенно вычистит кровь. С утра бык будет почти здоров и сможет тащить телегу. А к приходу в Гарн животное совсем забудет о своей хвори.

Все это пронеслось в голове моментальной быстротой. Карлайн солидно произнес:

— Хорошо, ваша честь, я постараюсь поднять быка, но у меня нет ни инструментов, ни лекарств, поэтому я попрошу вашей помощи.

— Ты только назови, — засуетился торговец, оживая на глазах.

— Мне нужна трубка с отверстием с половину моего мизинца, заостренная с одной стороны, — потребовал Карлайн.

Торговец задумался, пытаясь понять, есть ли у него в обозе нечто подобное.

— Трубка мальбекских наемниц, — подсказал стоявший рядом с ним стражник, судя по более богатой одежде, их старший.

— Да, — вспомнил торговец, — Наним, принеси. Они у меня в большой сумке.

Стоявший рядом с ним слуга рванулся вдоль обоза.

— Нужно ведро теплой воды, — продолжил перечислять Карлайн, — туда засыпать две горсти муки, полгорсти соли, три горсти мелкорубленной кандилы. Вот этой травы, — пояснил юноша, показывая на жухлую траву у обочины. — Еще в одном ведро надо приготовить настой из рубленой танзилы. Такая с синими цветами. На лугу должно быть много. Две горсти рубленой травы. Опять две горсти муки и полгорсти соли. И смола древесной, если есть.

Торговец погнался выполнять просьбу другого слугу. За смолой отправился стражник, она у него была для выделки кожи.

К этому времени вернулся первый посыльный, принес трубки мальбекских наемниц, вложенных друг в друга. Они были с разными отверстиями — от почти соломинки до хорошей тростинки. Амазонки из Мальбекского княжества, в котором господствовал матриархат, по слухам, метали их с такой ловкостью и силой, что крупными пробивали рыцарскую броню в рукопашной схватке, а мелким с десяти шагов попадали в глаз.

Трубки передали Карлайну. Он посмотрел на ширину отверстий и выбрал вторую. Теперь предстояло самое сложное — воткнуть ее быку в живот в нужное место. Нельзя сказать, что он ни разу не пользовал скот. У пастухов всякое бывает. Один раз теленка принимал, корова отелилась не в срок. Другой раз с коровой что-то случилось и, чтобы она не издохла от болезни — тогда ее есть было нельзя — перерезал ей глотку. Если бы кругом не было людей, глядящих на его действия с широко раскрытыми глазами, он бы, не задумываясь, уверенно воткнул трубку.

Но все равно получилось хорошо. Глаза бояться, а руки делают. От медленного, но настойчивого нажатия трубка до половины вошла в живот быка. Толпа ахнула от такого изуверства. Старший стражник шагнул к Карлайну, положив руку на рукоять тесака и остановился, понимая, что субидар лечит, а не убивает. А бык даже не дернулся.

Из трубки немедленно под большим напором пошел испорченный воздух. Противно завоняло. Часть людей поторопилась отойти, зажимая нос, но большинство, глядя на хозяина, нетерпеливо ожидающего последствия лечения, осталось.

Живот опал, напор воздуха в трубке ослабел. Карлайн, следуя подсказывающей памяти, смочил указательный палец слюной и поднес к концу трубки, чтобы проверить с какой силой выходит воздух из живота, и ничего не почувствовал. Получилось! По-видимому, больше испорченного клопами воздуха не было. Но тельца самих клопов остались. Придется пока трубку оставить.

Карлайн прошел к голове быка. Тот шумно дышал, приходя в себе. Язык уже был за зубами, глаза не стекленели, а были закрыты. Выживет ли? От этого во много зависело ближайшее будущее Карлайна. Лечение благотворно подействовало на животное, но он не бог и любой пустяк погубит ослабевшего быка.

Глава 10

Надо почесать за ухом. Разнообразие ради, это подсказал опыт молодого пастушонка, который, однако, пас коров уже почти четыре сезона в полном одиночестве. Он наклонился, задрал ухо быку и принялся энергично тереть.

Бык открыл глаза, любопытно скосил взгляд, интересуясь, как идиот не дает ему полежать.

— Вставай... — ласково попросил Карлайн, — как его зовут?

— Дубоцвет, — сказал кто-то позади него.

— Вставай, Дубоцвет, пора травку кушать, теплую затирку пить.

Бык с интересом огляделся, увидел ведро, вполне справедливо решил, что это для него, с большим трудом поднялся. По торопливым командам торговца его подперли с боков, несмотря на вполне возможную опасность, что бык рухнет и задавит кого-нибудь из несчастливцев до смерти.

Дубоцвет устоял, с интересом сунул голову в ведро. Соблазнительный вкус муки и соли заставил его жадно выпить содержимое. Из трубки часть пошла стала вытекать обратно. Карлайну пришлось пальцем заткнуть отверстие. Впрочем, держать пришлось недолго. Едва слуга успел подхватить ведро, как быка вырвало. Зеленовато-желтая вода потоком полилась из широкой глотки. Когда вода закончилась, пошла слизь, а затем Дубоцвет долго кашлял и чихал, почти как человек.

— Му-у! — громким воплем огласил он окрестности, будучи не согласным с такой жизнью.

Однако теперь он окончательно ожил, шумно дышал, уверенно стоял на ногах. Подобрал какой-то зеленый пучок, принялся жевать.

Карлайн снова смочил палец. Воздух по-прежнему не выходил. Явно тельца клопов вышли. Да и наличие аппетита говорило об идущем выздоровлении. Карлайн осторожно вытащил трубку. Пнет еще ногой, вон у него какие копыта. Вмиг окажешься на кладбище. По шкуре от слабого раздражения прошла мелкая дрожь, но Дубоцвет сдержался, лишь повернул голову, укоризненно посмотрев на мучавшего его человека.

— Дайте ему второе ведро, — облегченно скомандовал, — там успокоительное, пусть живот не болит.

Взял у стражника кусок затвердевшей смолы, отколупнул кусочек, размял в руках, залепил дырку. Быстро заживет. У него в стаде коровы куда большие царапины залечивали, если вовремя смазывать смолой повреждения.

Дубоцвет недоверчиво понюхал содержимое ведра. Рвота ему сильно не понравилась. Но пахло вкусно. Он повернул голову к Карлайну, признавая в нем старшего.

Карлайн подошел к ведру, положил руку на лоб быка. На него, как он и ожидал, наплыла волна ощущений: остатки боли в голове, легкая тошнота, доверие к людям, перемежаемое недовольством к возчику, больно бывшего его сегодня кнутом.

«Пей, малыш, это вкусно», — он выделил немного силы и направил на быка волну теплоты и доброты. Дубоцвет протяжно замычал, помотал головой и принялся пить. Выхлебав всю воду, бык поднял голову к лицу Карлайна, дыхнул на него и облизал щеку.

Положив руку на голову, Карлайн почувствовал, что Дубоцвет наполнен признательностью к нему. Он понимал, кто его спас и излечил от смертельной болезни и теперь был благодарен спасителю.

Карлайн похлопал его по шее и предложил торговцу отправить быка пастись вместе с остальными. К этому времени хозяин обоза, понимая, что сегодня ослабевший бык не работник, приказал поставить телеги на лугу большим кругом, а быков пустить пастись. К ним надо было добавить выздоравливающего страдальца, предварительно покормив его фуражной подкормкой. Здоровенным быкам не хватало одной травяной пищей и в походе им обязательно добавляли питательной смеси из муки и подсыпки. Дубоцвету можно было дать даже двойную порцию, о чем юноша сообщил торговцу.

Хозяин благосклонно кивнул. Он был очень благодарен неведомо откуда взявшемуся лекарю, спасшего его от потери груза на несколько тысяч серебряных монет. По этому

поводу его можно было щедро наградить — торговец при всех щедрой рукой всыпал в тощий кошель юноши несколько горстей серебра, и пригласить к своему костру, пообещав щедрый походный ужин. Он даже позволил одному из котят укусить его за палец и не поморщился, хотя у этих хищников и в таком возрасте челюсти были уже достаточно сильные.

Карлайна посадили на кусок войлока около палатки торговца и он смог накормить уже требовательно мяукавших котят, успевших изрядно проголодаться. Кусочки выделяемого мяса становились не столь маленькими. При чем приходилось давать по два куска, а одному из котят, растущего особенно быстро, даже три.

Уже в темноте, при свете костра, состоялся ужин, который был действительно щедрым: мясная похлебка, рис, сваренный с миндалем, несколько видов засахаренных фруктов и соленых овощей. Любой зажиточный дворянин поморщился бы от такого безвкусного, «мужицкого» набора пищи, но Карлайну, который многие блюда видел впервые и распознавал их только памятью эльфа, ужин показался царским.

Котята не отставали от своего хозяина ненасытно грызя кидаемые им кости. Растущие зубы росли и чесались, требуя нагрузки, а мясо, хотя и было сытным, но податливым. Между делом котята изображали грозных зверей, рыча друг на друга, на людей. Но поскольку они были еще маленькие, то вызывали у окружающих не страх, а смех. И еще, на что обратили постепенно внимание все сидящие у костра, — на Карлайна они не рычали. Кошки признавали лидерство человека и не собирались его оспаривать, считая его старшим родичем.

Понемногу разговорились. Торговца звали Лакав и он был доверенным лицом его светлости герцога Рандава VII — полноправного и самодержавного правителя Ламодийского герцогства. Старший стражник обоза Кобот был полусотенным герцогской гвардии и в таком состоянии торговцу почти не подчинялся.

Опыт малолетнего подростка из отдаленного селения привел Карлайна к неправильным выводам и здесь эльфийский дар помочь никак не мог — это была малоизвестная для эльфов сторона человеческой жизни. Лакав отнюдь не был хозяином обоза — большая часть товара принадлежала герцогу — порох, железо, ткани, вино. За их покупку и провоз торговец отвечал своим имуществом, а если надо и жизнью. Его труд оплачивался толикой денег, но самое главное — в счет жалованья ему разрешалось провозить несколько телег своего товара.

Лакав не роптал. Если бы он решился, как и другие, более рискованные, отправиться за товаром самостоятельно, то шансов вернуться у него было примерно столько же, сколько остаться прирезанным в придорожной канаве. А так, герцогская подорожная защищала почти от всех разбойников. Ибо все знали — нападение на своих людей его светлость не прощал и появлялся на землях нечестивого барона с огромным войском. Не только барон и его семья — все население баронства уничтожалось или продавалось в рабство, имущество и скот вывозилось, замок уничтожался. Оставался большой участок опустевшей земли, который даровался одному из вассалов или попросту захватывался соседями.

А для тех, кто не боялся даже этого, были три десятка профессиональных воинов, каждый из которых мог справиться с тремя — четырьмя ратниками баронских отрядов.

Лакав был не зря столь щедр с Карлайном — в обозе у него находилось всего три повозки с собственным товаром. Если бы он бросил одну, то в накладе бы не остался, но и прибыли не оказалось бы. И, кроме того, ему из собственного кармана пришлось бы оплачивать потерю быка и телеги. А они стоили дорого, очень дорого.

Кобот тоже оставался доволен. Любое происшествие в обозе косвенно отбрасывало на него тень вины в глазах герцога. Ибо, спрашивается, почему ты не бросился, не исправил промашку торговца, не нашел виновника? И после такого упрека ни тебе наградного серебра, ни доверительных разговоров с офицерами гвардии.

Именно поэтому они были добродушны и не жалели похвал. Лакав пообещал сообщить о нем герцогу. При дворе, разумеется, был свой субидар, но оба собеседника отозвались о нем весьма прохладно — мясник, задавака, коновал. Удавалось ему только лесть, из-за которой герцог его и взял. Но уже после первого лечения, когда субидар угробил собаку из охотничье своры герцога, его светлость и слышать не хотел о нем.

Кобот одобрительно кивал и со своей стороны пообещал подтвердить слова торговца. Понизив голос, добавил:

— Стражники говорили, что из твоего мешка пахнет кровью. Вообще-то в лесах герцогства охотиться может только герцог и, по его особому разрешению, некоторые дворяне. Остальные являются браконьерами и их ждет или большой штраф, или продажа в рабство. А если герцогская стража поймает на месте охоты, может просто забить до смерти.

Карлайн поскучнел, понимая, что снова вляпался в неприятности.

— Мы никому не скажем, — утешил Кобот, — но на твоём месте я бы выбросил мясо, а мешок сжег.

— Не мучайся над этим, — засмеялся Лакав, — мы умеем отвечать добро на добро. К тому же иметь в хороших знакомых способного субидара куда лучше, чем мчаться доносить о мелком проступке. Но с мясом лучше расстаться.

— Хорошо, — согласился Карлайн. А что ему еще оставалось? Приходилось надеяться, что мясная похлебка покажется котяткам по нраву. Вазлиборские кошки отличались всеядностью, поедая любую мясную пищу, даже жуков и пчел, хотя и предпочитали свежее мясо крупных животных. Он отхлебнул глоток сладкого чая. Лакав и Кобот пили пиво, но ему по малости лет не дали, да он и не просил. Один раз ему в праздник налили кружечку пива. Не понравилось. Так что чай, в который не пожалели сахара, вполне устраивал его.

— Ничего, парень, — приободрил его Лакав, — столица любит дерзких и талантливых. Тебя ждут большие успехи, — подумав, добавил менее определенно: — если не споткнешься, конечно. Раем Гарн тоже не является и жрать друг друга у нас любят, как и в других городах и странах.

Глава 11

При въезде в столицу их остановила привратная городская стража, потребовавшая пошлину за въезд в пользу города и мзду для себя. Но Лакав вытащил подорожную с герцогской печатью. Стражники поскучнели.

— В обозе все люди ваши? Нет приبلудных? Все с метками? — проформы ради спросил старший стражи. Связываться с людьми его светлости было себе дороже. Шепнут в недоброе время герцогу, получишь плетей, а то и из стражи вылетишь.

— Нет, — невозмутимо произнес торговец, — здесь только люди герцога.

Он, конечно, понимал, что провел человека без документов, — Карлайн честно повинился, что не имеет подорожной метки. Но очень не хотелось подставлять субидара, вчера так легко излечившего ценного быка, сегодня как ни в чем не бывало тянувшего с напарником телегу и довольного жизнью. Да и не видел он никакого вреда от тоненького и на вид весьма слабого юноши для Ламодийского герцогства.

Обоз тронулся дальше. Быки, предчувствуя близкий конец пути, обильную кормежку и теплое привычное стойло, пошли быстрее. На одном из перекрестков Лакав показал наиболее короткий путь на улицу Мастеров. Закинув за спину новый мешок, подаренный торговцем, с двумя кусками мяса — зажаренным — для себя, и сырым — для котят, и лепешкой, Карлайн прошел всего три перекрестка, когда оказался у цели, выйдя на нужную улицу. А вот лавку пришлось поискать. Улица оказалась хотя и широкой, но длинной и запутанной.

Лакав, видимо, не очень сильно разбирался в расположении столичных улиц. Пройдя более километра, юноша почти вернулся к перекрестку, откуда он вышел, а потом пошел параллельно движению обоза.

Лавка Тинниля оказалась практически в центре и выглядела большим богатым домом. Карлайн остановился в замешательстве. Он был в сравнительно чистой и заштопанной одежде и вымыт — спасибо вчерашней таверне, где они заночевали, — в ней оказалась мойня с горячей водой. Всего за одну медную монетку разрешалось мыться, сколько душе угодно. Тем не менее, он понимал, что сейчас его воспримут за нищего. Не ходить же с открытым кошельком, показывая, сколько в нем серебра. Отберут, да еще обвинят в воровстве.

Карлайн подождал еще немного. Котята заворчали, не понимая, почему хозяин остановился у ворот. Они снова выросли и теперь по необходимости держали головы высунутыми из кармана — полностью уже не вмещались.

Делать нечего. Жилище Тинниля он нашел, теперь бы встретиться с самим хозяином. Решительно толкнул дверь. Привратник — рослый мужчина с коротким мечом на поясе, сидевший напротив входа, — бросил на него недовольный мимолетный взгляд и зарычал:

— Убирайся отсюда. Здесь если и подают, то оплеухи и затрещины.

— Господин, я..., - начал Карлайн, но привратник не желая слышать оборванца, уже поднимался, чтобы вышвырнуть, одновременно ругаясь по оркски.

Слитый рык двух кошек заставил его прекратить оба занятия. Подопечные юноши уже стали крупными котятами и орали почти по-взрослому. А какой страшный охотник вазлиборская кошка в Ламодийском герцогстве знал каждый. Даже если она маленькая, не руку, так палец откусит без особых трудностей. Следующий раз он будет оглядывать пришедших повнимательней. Особой трудности разглядеть две немаленькие кошачьи головы на груди у юноши не существовало.

— Так бы и сказал сразу, — совсем другим тоном заговорил привратник, словно это Карлайн был виноват, не произнеся заветного слова, — сейчас передам хозяину. А ты присядь пока, — кивнул он в сторону скамейки напротив своего стула

Мужчина ушел. Карлайн огляделся. Собственно, это еще была не лавка, а небольшое помещение в которой сидел привратник. Видимо так было положено в лавке, в которой, исходя из местоположения в городе, бывала знать.

Когда через некоторое время эльф с привратником пришли к привратницкой, они застали идиллическую картину. Котята, которым, как и всем детям, надоело неподвижно сидеть, выбрались из кармана и устроили вольную борьбу. Изображая свирепую схватку, они сплелись в один клубок, рыча и рыкая друг на друга.

Появление незнакомцев заставило их отскочить под защиту Карлайна. Чувствуя себя в безопасности, они зарычали на вошедших.

— Дорогой гость, — обрадовался Карлайну Тинниль, — я жаждался тебя. Лед, этот

человек ко мне, — сообщил он привратнику, — не беспокойся. Карлайн, бери своих зверей и пойдем в мой кабинет.

Из привратничьей они оказались в лавке и погрузились в аромат завораживающих запахов. Даже кошки, не довольные, что оказались на руках и пытающиеся покусать юношу, притихли и принялись шумно вдыхать воздух, пытаясь определить, что это так вкусно пахнет.

Кабинет Тинниля скорее напоминал лабораторию. Кругом лежали связки сухих трав. Виднелись многочисленные банки, в которых растения находились в различных рассолах и сиропах. Эльф прошел к своему стулу, находящемуся позади обширного стола, заваленного всякой всячиной.

— Как ты, наверное, догадался, я — Тинниль. А ты Карлайн. Твои кошки лучше всего говорят о человеке, получившего частицу эльфийской души и способностей первородного народа.

— Да, господин, — поклонился юноша.

— Называй меня просто Тинниль, — предложил эльф, — у нас, первородных, не принято чваниться друг перед другом. Расскажи лучше о себе. Талид Ясноликий, мой кровный побратим, написал, но очень коротко.

— Да, госп..., Тинниль, — виновато закончил Карлайн, — но позволь мне вначале покормить котят.

— Конечно. У тебя есть пища?

— У меня есть немного мяса.

Тинниль встал, достал из шкафа металлическую тарелку, освободил часть стола.

— Давай сюда. Никогда не видел, как едят вазлиборские кошки.

Карлайн вытащил кусок сырого мяса, мелко его нарезал и поднял котят, которые чувствовали запах мяса и покусывали его за ноги, предлагая их угостить. Затем поставил котят на стол. Те, проголодавшись, набросились на мясо, подозрительно поглядывая на эльфа — вдруг отберет? — и периодически рыча на него.

— Хорошие котята, — оценил Тинниль, — как ты их назвал?

— Никак, — виновато сказал Карлайн.

— А к туалету приучил? Нет? Они же у тебя кругом гадить будут! Покопайся в памяти, которую ты получил в дар от Тлани, там должны быть все сведения. Мы — эльфы, мы лучше всех знаем о них.

Карлайн за эти дни научился обращаться с эльфийским даром. Он как бы спросил у себя и через некоторое время в памяти всплыли необходимые знания. Дурак бестолковый! Оказывается, он столько пропустил.

— Вспомнил? — на лице показалась добрая улыбка. — Ну-ка, здесь есть самец?

— Этот, — безошибочно угадал Карлайн, — почти круглая голова, более густые усы. — Он поднял котенка за шкурку, не обращая внимания на возмущенный вопль, посмотрел на живот, — точно. Я назову его Данг. А это самочка, мордочка треугольная, волосы на лице чуть реже. Ты будешь Длани.

Отпущенные котята весело завилыли хвостиками, имена им явно понравились. Но мясо они есть не переставали и, когда доели, попросили еще. Пришлось отдать и свой кусок. Только после этого, полностью съев все мясо, котята сонно прижались к руке Карлайна. Но на Тинниля время от времени все равно взрыкивали.

— Я чувствую слабую магию, но не могу понять, о чем она, — Тинниль с

любопытством провел рукой над котятами и едва не поплатился — Данг внезапно прыгнул и цапнул воздух около руки уже полностью оформившейся зубастой пастью. Только стремительная реакция первородного уберегла его от раны.

— Фу ты! — поперхнулся эльф от неожиданной опасности, — ну вы, зверье, повежливее!

Данг уже сонно посмотрел на него и отвернулся. Только помахал хвостиком.

— Ты как-то привязал их к себе? — высказал догадку Тинниль.

— Я..., - Карлайн замялся, — как бы это сказать, у меня не хватает слов, чтобы объяснить... Мне показалось, надо связать нас троих единой душевной нитью. Я выделил немного силы и соединил их души со своей.

— Хм, — изобразил раздумье Тинниль. А Карлайн добавил:

— Да, кстати, Ясноликий передал заклятие, определяющее меня.

— Давай, — согласился Тинниль, провел рукой над левой рукой. Карлайна знакомо кольнуло, — заклятие правды. Ясноликий постарался, не пожалел силы. Я обошелся бы и без него — вазлиборские кошки признают только чистых душой первородных. Тебе как-то придется объяснять для непосвященных, почему они привязались к человеку. Про магическую привязь лучше не упоминай, не всем эльфам это нравится. А теперь расскажи свою историю.

Карлайн рассказал, стараясь ничего не пропустить. Тинниль помолчал, обдумывая информацию.

— И какой у тебя дар? — спросил он.

— Мне кажется, — неуверенно сказал Карлайн, — я — лекарь-субидар.

Он рассказал, как лечил быка и какие ощущения у него были.

— Вполне, — подумав, согласился Тинниль, — у меня к тебе будет несколько предложений. А пока бери котят, я покажу, где у них будет туалет. А то, судя по тому, сколько они съели, он им срочно понадобится. И, извини, мне надо минут на пять выйти.

Глава 12

Котята сходили в туалет. Тинниль показал, как и куда надо убирать за ними. А потом перешел к делу:

— Я тебе верю о том, что ты субидар. Но ты сам можешь ошибиться, а одного лечения явно мало для определения дара. Поэтому предлагаю тебе попробовать дар лечения в нашем узком эльфийском кругу. Я приведу охромевшего единорога. Наши животные гораздо выносливее и крепче людского скота. Но и они могут заболеть. У нас здесь нет своих лекарей — они обычно не покидают Эльфланд. Сами эльфы вылечить не смогли. Боги вручили каждому из нас умение исцелять, но оно достаточно скромно. Местный придворный субидар — шарлатан, которого давно надо выгнать вон, предварительно выпоров. Герцог держит его только из-за отсутствия замены. Хорошо? — он внимательно посмотрел на юношу, — ты можешь отказаться.

Карлайн задумался. Конечно, ему предоставляется возможность с треском провалиться. А может, так и надо? Забыть о даре и наняться в услужение. К тому Тиннилю, например. Деньги все равно кончатся. А у него еще пара кошек, которые едят все больше дорогого мяса.

А если получится, заняться врачеванием скота. Незачем сидеть на шее эльфа, который так ласково принял его.

— Я согласен, — сказал он раньше, чем додумал эту мысль.

— Замечательно, — Тинниль посмотрел на котят, — твои питомцы могут побыть в одиночестве несколько часов?

— Наверное, — ответил Карлайн, — когда они были совсем маленькими, мать оставляла их, отправляясь на охоту. Данг, Длани, мне придется уйти, скоро я вернусь.

Котята внимательно посмотрели ему в глаза, словно все поняли. Данг разворчался, но Длани толкнула его боком и он притих.

— Я принесу им воды и похлебки. Она эльфийская, то есть без мяса, но ничего, не все время им на одном мясе сидеть. А ты пойдешь в лавку готовой одежды. Надо тебя одеть и обуть, как приспевающего целителя, а то пока ты, извини, больше похож на нищего. Хотя манеры у тебя совершенно дворянские.

Карлайн покраснел. Тинниль рассмеялся.

— Я дам провожатого, чтобы ты не заблудился. У тебя в запасе часа три, не больше. Там придут эльфы, сообщение с посыльным я отправил.

— А если не придут?

— Может и не придут. Прибегут или прилетят. Ты знаешь, как тяжело эльфу видеть искалеченного единорога? И ты не понимаешь, почему я с тобой столько вожусь? Конечно, письмо собрата — важная причина, но еще для меня важнее надежда, что ты поднимешь единорогов. Не думай, — перехватил он взгляд Карлайна, — не думай, если не получится, я тебя не выброшу. Человек, получивший дар эльфа, сам почти эльф. А эльфы своего никогда не оставляют. Вот и Над.

В комнату вошел пожилой орк, церемонно поклонившись Тиннилю и, что удивило юношу, и ему.

— Над, своди парня в одежную лавку, присмотрите приличный для нашего уровня костюм. Пусть подгонят его по размерам. И ботинки. У вас часа три.

— Да, господин, — орк снова поклонился, — молодой господин, пойдете. Три часа — это мало.

Они пошли в направлении, откуда Карлайн пришел. Дорога показалась ему немного известной, но вскоре они свернули за угол, потом еще раз и вскоре юноша перестал понимать по какой части города они идут. Для него стало полной неожиданностью оказаться около двери с вывеской «Одежда».

Хозяин лавки был сама предупредительность. Его совсем не беспокоило, что он будет одевать нищего. Под его руководством Карлайн снял свое тряпье, одел нижнее белье, полотняную рубашку, носки, которые держал в руках впервые, хотя и слышал о них, свободного покроя брюки, сюртук, ботинки. Ему показалось, что все подошло идеально, но хозяин остался недоволен и начал гонять своих подмастерьев, ушивая и укорачивая одежду. Они едва уложились в отведенное для них время, которое Карлайн простодушно считал чрезмерным и собирался немного прогуляться по городу. Когда они рассчитывались за одежду, получился казус. Оба потянулись за деньгами, словно собирались заплатить вдвойне.

— Над, одежда для меня, значит, плачу я, — пришлось нажать Карлайну.

— Но хозяин..., - попытался сопротивляться орк.

— С хозяином поговорю я сам.

— Хорошо, — пришлось смириться орку и Карлайн, почти счастливый, впервые в жизни заплатил такие большие деньги. В своем селении у него никогда не было денег.

— Идите в новой одежде, молодой господин, — предложил орк, — вы в ней выглядите

очень красиво. И потом, — признался он, — обновка выглядит уж слишком необмятой. Выкинуть старый костюм?

Карлайн сначала хотел согласиться, но привычка нищего жителя бедной провинции сработала, он попросил взять его с собой. На всякий случай.

По пути он вспомнил о котятках, они зашли в мясную лавку купить говядины.

Котятка играли, но когда он вошел с мясом, сильно обрадовались. И хозяину, и мясу. Похлебка без их внимания не осталась, но им была нужна плоть животного.

Он накормил котят, раздумывая, как бы перекусить ему самому, когда вошел орк.

— Молодой господин, — объявил он, — скоро я подам ужин. Для вас специально готовится мясное блюдо. А пока во внутреннем дворике вас ждут эльфы, приведшие единорога.

Ужин — это хорошо. Эльфы... Они все же пришли. Карлайн засуетился, опрокинул кошачью миску с водой, вызвав негодование котят, на которых попали брызги. Постарался привести себя в спокойное состояние. Такой дерганый он никого не вылечит.

Медленно вышел из комнаты. Котятка, намереваясь передохнуть после настоящей еды, переполошились и поспешили следом. Попытки Карлайна остановить их оказались неудачными. Ни лесть, ни угрозы не подействовали. Они ловко ускользали от его рук, оставаясь поблизости. Впервые оставшись без него несколько часов, котятка требовали присутствия родителя. Пришлось уступить. Эльфам могло надоесть ожидание.

Когда он показался, среди первородных прошла волна разочарования. Он мог их понять — человек, то есть низший, совсем еще маленький. Что он мог сделать?

— Человечек, — презрительно сказал одетый в традиционную одежду лучников эльф, — Тинниль, этот кусок дерьма стоит нашего прихода?

Он мог бы еще сказать немало уничижительных слов, но котяткам, вошедшим вслед за юношей, критика не понравилась. Они грозно зарычали, заставив эльфов пораженно застыть.

Несмотря на почти взрослый рык, все-таки это были котятка и первородные могли расправиться с ними, даже не берясь за оружие. Но эльфов шокировал уже сам факт присутствия у человека вазлиборских кошек, к тому же защищавших хозяина. Особенно неистовала Длани, необычайно рассерженная словами эльфа. Она подскочила к нему и, глядя на него снизу вверх, испустила повторный громкий рык.

— Гм, — эльф был смущен, — уважаемая кошка, как ее, Тинниль? Уважаемая Длани, я поспешил с оценками и беру свои слова обратно. Я даже извиняюсь перед ним.

Кошечка, послушав, напоследок оскалила зубы и ушла, гордо помахивая хвостиком.

— Вы слишком долго живете среди людей, родичи, и начинаете перенимать их поспешность, — Тинниль явно наслаждался картиной, — я же вам говорил, это не обычный человек. К сожалению, большего поведать не могу, тайна не моя. Но у него есть дар, с помощью которого он может помочь нам.

— М-да, — эльф, дававший Карлайну нелестную характеристику, явно оказался старшим, — действительно поторопился. Послушай, юноша, наш родич говорил о тебе как о талантливом субидаре. Попробуй вылечить нашего младшего родича. С Маной всегда были не страшны любые невзгоды. Я тебе объясню, что с ней...

— Не надо, — вскинул руку Карлайн. Надо было подготовиться к разговору с животным и лечению. А всякие разговоры только отнимают силы.

Он подошел к единорогу. Мана оскалила зубы, но сопротивляться не стала. Карлайн

положил ей руку на лоб рядом с рогом. На него хлынули волны недовольства, раздражения. Единорог был недоволен своей болезнью, неумением помочь старшим братьям, своей затворнической жизнью в хлеву, и, наконец, странным человеком, от которого, однако, пахло и знакомым эльфийским духом.

«Ты хорошая и красивая», — Карлайн стал передавать ей свое тепло и радость.

«Кто ты?» — ответная мысль, наполненная чувством крайнего удивления, была четкой и понятной. Бык Дубоцвет, излеченный недавно, передавал только свои чувства и ощущения.

«Я получил от Посвященного к Свету дар лечения и хочу излечить тебя».

«А сможешь?»

«С твоей помощью — да. Что у тебя болит?».

«Левая передняя нога. Она не работает в полную силу и из-за этого я хромаю».

Карлайн присел и начал водить ладонями вдоль ноги. Любопытные кошки, чтобы лучше видеть, подошли поближе. Ману такое соседство начало нервировать. Запах хищников предупреждал ее о большой опасности. Она всхрипнула и начала перебирать ногами, мешая лекарю определять причину хромоты.

— Данг, Длани, — укоризненно сказал он, — вы мне мешаете.

Он взял их за шкурки и отнес к стоящему в нескольких метрах стулу. Котят запротестовали, но он пригрозил им пальцем. Поняв, что хозяина не разжалобишь, они смирились. Благо со стула было все хорошо видно.

Карлайн вернулся, погладил единорога по гриве на шее, шепнул, что им больше не помешают и снова присел. Поначалу работа шла сложно. Нога казалась здоровой. Но раз Мана хромает и жалуется именно на эту ногу, значит, какая-то причина есть. Кости, мясо, шкура, — кажется, все в порядке. Он медленно водил вдоль ноги, пытаясь определить, где находится повреждение. Вот здесь Мане немного больно. Что искалечено? Кожа не повреждена, мясо тоже, кость ничем не затронута. Одна из гибких веревок, которые есть в каждой руке и ноге, находится не на месте!

Это сухожилие, — всплыло в памяти, — при его повреждении или омертвлении нога или рука будет работать только частично или вообще перестанет двигаться.

Карлайн уже знал, что он будет делать. Но перед этим он встал, положил ладонь на лоб единорогу.

«Я нашел причину твоего нездоровья, — сообщил он, — жила в больной ноге повреждена».

«Мне больше не скакать по зеленым полям?» — в голосе чувствовалось отчаяние.

«Я помогу тебе. Но будет больно — придется разминать ногу. Ты должна терпеть и не пинать меня копытами. Мне придется так лечить тебя несколько раз».

«Я готова на все, только вылечи».

Глава 13

Примерно через час он позволил себе отдохнуть, решив, что на сегодня достаточно. Единорог осторожно пошел по дворику, пританцовывая от радости. Больная нога больше не была больной и сгибалась так же, как остальные. Эльфы заворуженно глядели на свершившееся чудо. Никто из них не смог вылечить младшего родича, а человеческий детеныш, на которого в будни даже не хотелось бросить ленивый взгляд, сделал ее здоровой.

Карлайн устало улыбнулся. Знали бы все, как им с Маной было тяжело. У него были знания, что надо делать, у него было представления, как это делается, но полностью

отсутствовал опыт. А требовалось гладить ногу с усилением, одновременно проводя через ладони немного силы, перерабатывая ее в тепло. Сухожилие должно было сдвинуться на должное для него место, где его не станет пережимать мясо, через него пойдет кровь и оно полностью заработает.

Мана тихонечко ржала от боли, в ее глазах появились слезы, но она терпела. Цена этой боли было полное выздоровление и она держалась.

Кто-то из эльфов пытался двинуться на помощь единорогу, но его удержали. Лекарь лечил. А боль... Боль спутник всех живых.

И вот свершилось! Он смотрел на танцующего единорога, радуясь вместе с другими. Выздоровевший единорог означал, что он действительно лекарь-субидар. Это его счастье и это его новая обязанность — лечить живых.

— Лечение еще не окончено, — остудил он общий восторг, — сейчас разогретая нога остынет и хромота вновь появится. Понадобится еще не меньше трех раз прийти ко мне для продолжения лечения.

— Мы явимся, — торопливо сказал эльф, еще недавно ругавший Карлайна, а теперь смотревший почти благоговейно.

Мана, протанцевав победный танец, подошла к юноше, положила ему голову на плечо.

«Спасибо тебе. Ты вернул мне жизнь».

«Впереди еще будет боль»

«Я все выдержу. Ты великий лекарь. Я расскажу всем друзьям об этом».

Карлайн погладил Ману по шее, в ответ почувствовал волну признательности, направленную на него.

Тинниль кашлянул, привлекая общее внимание.

— Родичи, пришедший в Гарн человек, получивший эльфийский дар лечения, настоящий субидар. Но у меня есть сомнение, что дар — это только память и умения. Уж слишком он хорошо лечит. Похоже Посвященный к Свету Первого Листа Ясноликий несколько поторопился с оценкой случившегося.

Старший первородный подумал, почесал переносицу. Спросил с ноткой сомнения:

— Ты полагаешь...

— Да, — четкой сказал Тинниль, — по видимым чертам — это Алитэ!

Опешившие эльфы заговорили разом, опровергая, соглашаясь, негодуя и восторгаясь.

— Конечно, мы не будем сразу же объявлять об этом, — уточнил Тинниль, — торопиться некуда. Карлайн, я позже тебе объясню. Родичи, посмотрим на нашего юношу, как он себя ведет, как лечит. А когда всем станет ясно, вынесем вердикт, подтверждающий или опровергающий. Напишем в Эльфланд, пригласим Посвященного к Свету Второго или Третьего Листа. А может и Старейшие снизойдут.

Согласившись, первородные ушли, уведя единорога, который действительно начал хромать. Но это уже никого не беспокоило. Раз субидар сказал, что можно вылечить, значит, вылечит. Напоследок они договорились о следующем визите и о лечении Карлайном остальных больных единорогов.

Котята, сидевшие тихо все время лечения, с уходом эльфов, овладели внимание Карлайна. Пришлось поиграть с ними, загоняв до того, что они свалились на пол, на свои спинки и, раскинув лапы в стороны, принялись отдыхать и остывать.

Тинниль, с интересом смотревший на игры, заметил, что, когда они вырастут, Карлайн может открывать для герцога и его свиты королевскую охоту. Он будет вне конкуренции.

Кто еще имеет в качестве охотников вазлиборских кошек?

Карлайна занимало другое. Его называли Алитэ. Это плохо или хорошо?

— Послушай, ты пообещал рассказать мне, кем я стал.

Тинниль нерешительно замолчал. Было уже поздно — приближалась полночь... Но с другой стороны, юноша должен знать.

— Алитэ — это разумное существо, связанное с одним из богов. Всевышний помогает ему, посылая знания и умения, питая его переработанной силой богов, которую он черпает из небесного поля силы, называемом Алитэ. Поэтому и избранник носит это имя. Никакой Посвященный к Свету не в состоянии дать столько. Алитэ может очень много. Тебя, скорее всего, привечает Тамил — бог врачевания.

— Но я неплохо разбираюсь и в травах, — возразил Карлайн.

— Конечно, — не возражал Тинниль, Тамир — бог-травник, родной брат Тамила и потому они делятся часть своих знаний с избранниками друг друга. Я могу немного лечить, также, как и ты — разбираться с травами. А, впрочем, посмотрим на будущее. Ты показал себя очень даровитым субидаром. Давай лучше поговорим о твоей дальнейшей жизни. Что ты теперь собираешься делать?

— Лечить, раз уж мне дан такой дар, — пожал плечами Карлайн, — сниму поближе к окраинам дом — там дешевле, — и начну принимать больных животных, — он помялся, не зная как подойти к острой, но важной для него теме. Решил рубить напрямую, — скажи мне Тинниль, как объяснить ваше высокомерие, частые набеги на людские селения, кровавые и грабительские. Вы же такие красивые и сильные. Как так?

Эльф засмеялся.

— Поймешь ли ты?

Карлайн обиделся.

— А ты говори проще и на человеческом языке. Авось пойму.

— Ну-ну, — предостерегающе поднял руку Тинниль, — не вздумай только обидеться. Объясняю. Понимаешь, в мирозданье есть две противостоящие силы: добро и зло, темное и светлое, плохое и хорошее. С одной стороны, нежить — вампиры, зомби, ожившие скелеты и другие чудовища. Во главе них стоят сару. Однолапые раздают зло помаленьку, двулапые готовы разрушать целые города и страны, трехлапые — сильные волшебники, погрязшие в своем зле. С другой стороны — эльфы, спасающие мир от зла, от страшных болезней, землетрясений и вихрей. До всего этого сару большие охотники.

Так получилось, что все живые — эльфы, гномы, орки — это добро. Даже кровожадные гномы и беспощадные орки. Они переродились телом, но души остались светлыми. А нежить — это смерть и тлен. Нет добрых вампиров и нет темных эльфов. Говорящие это либо лгут, либо являются приспешниками тьмы.

И только люди волею богов являются двуликими, смотрящими одновременными на свет и тьму. Вы можете быть приспешниками тьмы и сторонниками света, как ты. Именно из людей тьма собирает душевную силу и сторонников. Особенно это быстро происходит на границе Эльфланда, где тьма постоянно пытается создать свои крепости. Эльфы вынуждены постоянно уничтожать поклонников тьмы, чтобы теневые облака зла не накапливались. А чтобы маскировать свои намерения первородные вынуждены грабить людей, а потом продавать награбленное. Хотя и первое и второе нам противно. Ты прав только в одном — некоторая часть эльфов черствеет в непрерывных боях и иногда становятся кровожадными. В них начинает проникать зло. За этим присматривают Посвященные, хотя и им бывает

трудно.

— Но у нас нет приспешников зла! — возмутился Карлайн.

— Первым признаком нарастания количества приспешников тьмы является нарастание зла. Скажи, не было ли в вашем селении излишней жестокости, преследование слабых, насилия и избиений?

Карлайн сжал челюсти. Все правильно. Верится с трудом, но все так похоже, что является правдой.

Тинниль, помолчал, предложил, заговорив о другом:

— Останавливайся у меня. Когда я снимал этот особняк, думал сделать специальные мастерские по изготовлению духов и пудры. Увы, здесь меня переиграли конкуренты. В итоге я занимаю полдома, а плачу за весь. Твоя же выгода будет в то, что, как ты заметил, моя аптека находится в хорошем квартале. Знать, а именно знатные сановники платят много, на окраину не поедет. А здесь, зайдя за лекарствами для себя, они ненароком увидят вывеску субидара. И потом, ты задумывался, чем ты будешь лечить? Конечно, ты сам сильное снадобье, но полностью без настоек и микстур не обойтись. Хозяевам же животных нужны не описания лекарств, а вылеченные любимцы. И, значит, ты должен давать лекарства. Где они у тебя?

— Пойду соберу в..., - Карлайн споткнулся. О каком лесе можно говорить в столице? Придется тратить целые дни в поисках нужной травки. Его осенило: — здесь можно получать травы у тебя в лавке.

— Молодец! — поощрительно и немного насмешливо сказал Тинниль, — я тебя уговорил?

Да! — твердо сказал Карлайн. Если Тинниль немного заработает на его труде, это будет небольшая благодарность за помощь эльфа. Что бы он делал без его помощи? Ходил бы по улицам с возможностью быть ограбленным и даже убитым.

— Тогда смотри, — прервал его размышления Тинниль, — в твоей половине четыре комнаты. То есть кабинет, спальная, приемная для лечения и гостиная у тебя уже есть. Внутренний двор разделяется на две части. В одной, крытой, ты можешь держать своих зверей.

Данг и Длани, внимательно слушавшие разговор, заворчали, впрочем, беззлобно, на эльфа. Тот хмыкнул, продолжил:

— Во второй половине будешь осматривать и лечить крупных животных. Кстати, здесь есть отдельный вход. Но проводить через него посетителей не рекомендую. Не очень прилично. Первоначально он был спланирован как черный вход для подвозки на телегах дров, продовольствия, фуража и так далее. Лучше всего, чтобы посетители входили через привычным вход. Лед, кстати за несколько медяков в месяц будет встречать и твоих посетителей.

— М-гм, — Тинниль оглушил его хозяйственными соображениями. Сам Карлайн добрался бы до понимания своих нужд месяца через две. Но кое-что его не устроило, — Тинниль, но зачем мне четыре комнаты. Хватит и одной. И убираться меньше.

Эльф внимательно посмотрел на него, размышляя, продолжать ли загружать еще, в сущности, мальчишку. Решил, что надо:

— Карлайн, лечить ты можешь, это я уже видел. Но теперь ты должен научиться поражать воображение пришедших. Пусть все видят — они пришли к ВЕЛИКОМУ и МОГУЩЕСТВЕННОМУ СУБИДАРУ, способному излечить одним взглядом. Иначе, да

если животные будут уходить здоровыми, их хозяева останутся разочарованными. Извини, но пока вид твой не столь привлекательный и не работает на тебя. Видел, как поначалу встретили тебя мои родичи? А это всегда влияет на оплату труда. Надеюсь, ты не собираешься работать за гроши? Ты, наверное, удивишься, когда узнаешь, что три четверти вещей в моем кабинете — это хлам, главная задача которого — пудрить мозги вошедшим и придавать моему труду таинственность.

Карлайн действительно удивился. Он-то все принял за чистую монету и преисполнился к эльфу большим уважением.

— Я помогу тебе обставить твой приемный покой. Составлю документы о твоих успехах у эльфов. С остальным ты справишься сам. Далее, — Тинниль засмеялся, когда увидел, как вытягивается лицо юноши от осознания возникших проблем, — тебе надо нанять помощницу и прислугу.

Карлайн подумал, что давно надо посчитать количество денег в кошельке. Сможет ли он продержаться хоть первый месяц?

— Чувствую, считаешь свои деньги. Не стоит! Труд простонародья стоит дешево, а таких мастеров, как мы, — очень дорого. Ты будешь платить в месяц служанке десять медяков, кухарке — пятнадцать, помощнице — двадцать. А тебе за излечение одного животного хозяин должен заплатить не меньше десяти серебряных монет. НЕ МЕНЬШЕ Знаешь сколько в одном серебряке медных монет? Одна серебряная монета равна ста медякам. Аренда твоей части дома обойдется в три серебряных монеты в месяц, еда — половина серебряка, если без разносолов, — он скептически посмотрел на кошек, — эти троглодиты будут съедать мяса еще на половину монеты. А когда вырастут — на две, а то и три.

Котята возмущено встали, зарычали во всю мощь своих голосов, протестуя против троглодитов.

— Какие мы обидчивые, — удивился Тинниль, — надо будет постараться меньше их обижать, — сказал он как бы про себя, — а то вырастут и съедят.

Котят такой гастрономический подход устроил. Они снова легли, словно предлагая продолжить.

— Так что, — подытожил эльф, — двух — трех посетителей тебе хватит, чтобы справиться со всеми расходами за год. Все остальное пойдет на обеспечение спокойной старости.

Глава 14

Жизнь стремительно налаживалась. И даже без особых усилий со стороны Карлайна. Понадобилась помощница — Тинниль вспомнил о знахарке Малиде, кое-как обеспечивавшей себя пищей мелкими заказами простонародья. Посланный за ней орк привел аккуратно, но очень бедно одетую сухонькую старушку. Малида, узнав, что ее берут на службу за двадцать медяков в месяц, едва не рухнула от радости в обморок. Сама она зарабатывала за этот же срок три — четыре медных монеты.

Малида предложила в кухарки двоюродную сестру Хану, а та в свою очередь привела свою пятнадцатилетнюю старшую дочь Равну, порекомендовав ее в прислуги.

Карлайну осталось только подтвердить их заработки и дать задаток — половину месячной оплаты. Хана, получив деньги на закупку продовольствия, сходила на рынок, и в их половине запахло едой. Равна неумоимо прибиралась в комнатах, и без того уже

блестевших чистотой. Десять медяков за месяц заставляли во всем угождать хозяйину. Она даже сунулась к котяткам, но те на нее так зарычали, что бедную девушку пришлось окатывать водой, а Карлайн категорически запретил кому-либо соваться к кошкам. Со временем притрутся, но пока кормить их могли только Карлайн и Тинниль.

Но ему тоже пришлось проявить активность, когда речь зашла о получении звания лекаря-субидара и разрешении на лечение животных в Гарне. Без этих патентов деятельность Карлайна была бы незаконной и сурово наказуемой.

Главную роль здесь играло столичное отделение гильдии лекарей. Оно принимало решение, а уж затем, если гильдия соглашалась, чиновники магистрата утверждали его, ставя на патентах большие городские печати.

Всех смутил возраст просителя. Обычно полноправным лекарем становились в зрелом возрасте, юноша же тянул самое большее на роль ученика. И у него не было никаких бумаг, удостоверяющих право быть лекарем. Последнее, правда гильдию и магистрат беспокоило не сильно, но возраст... Залечит он любимца знатного сановника или первородного и тогда вместе с ним пострадают и выдававшие патент. А штрафы большие — не меньше трех — четырех сотен серебряков. Откуда у мальчишки такие деньги? Придется платить выдавшим документы.

От немедленного и категорического отказа останавливали только личности просителей. Впервые за человека, да еще в столь юном возрасте, просили благородные эльфы. Презрительное отношение первородных к людям было прекрасно всем известно. Стоило поломать голову. Ибо многоуважаемый травник Тинниль, лечащий многих представителей знати, в том числе его светлость герцога, и воины из гвардии герцога были слишком большим аргументом, чтобы махнуть на парня рукой.

В общем, представители лекарской гильдии, выслушав рассказ эльфов о чудесном выздоровлении единорога, помявшись, все же согласились выдать патенты на звание лекаря-субидара и разрешение на практику в городе. И то надо сказать, потребность в субидаре была очень велика. Карлайн заплатил четыре серебряных монеты пошлины и получил два пергаментных свитка. Теперь он был полноправным лекарем и мог уже завтра начинать прием.

Для начала он вылечил единорогов. Болезни были сложные, а опыта лечения у него никакого. Выручал дар эльфа и некоторое умение обращаться с животными. Через неделю все пять больных единорогов, включая Ману, были здоровы, а Карлайн получил от благодарных эльфов непомерно большой мешок серебра — пятьсот серебряных монет.

— Собственно, тебе уже можно не работать, — заметил Тинниль, — этого количества монет хватит на всю оставшуюся жизнь.

Карлайн внимательно оглядел мешок.

— Но ты ведь тоже работаешь не только из-за денег, — заметил он.

— Резонно, — усмехнулся Тинниль, — хочешь совета? Положи деньги в банк. И сохраннее и дополнительные доходы получишь. Рекомендую Мальбекский денежный. Его поручателями являются мальбекские наемницы, а во всем мире еще нет дураков, кто хотел бы объединить наемниц против себя.

Дождавшись согласия Карлайна, Тинниль посоветовал ему взять с собой патенты, поскольку в банке его еще не знали, и отправил с ним орка в качестве носильщика и охранника.

Мальбекский денежный банк преуспевал, судя по его расположению. Огромное здание

стояло в центре города на берегу реки Чистой, разрезающей столицу на две неравные части. Здание окружал обширный сад, в котором так было приятно отдохнуть, перед входом в банк.

Клерк за стойкой, увидев мальчишку, преисполнился пренебрежения, но на всякий случай вежливо спросил:

— Что-то угодно?

— Молодому господину необходимо открыть счет и положить деньги на хранение, — грозно взревел орк. Оказавшись среди чужих, Над преисполнился спеси и высокомерия, не говоря, а буквально выкрикивая слова.

— Да-да, конечно, — согнулся в поклоне клерк. Орк его не особенно испугал, а вот волшебное слово деньги заставило забыть о возрасте юноши.

Он записал необходимые сведения и льстиво попросил список о месте и времени рождения или другие документы, равные по значению. Увидев патент на звание лекаря-субидара, клерк залебезил еще больше. А когда орк положил на стол мешок с пятью сотнями серебряных монет, клерк уже был готов летать вокруг них и сдувать пыль с макушек. С такими деньгами в банк приходили очень редко, — примерно раз в сто лет.

Денег было так много, что служащий не смог поднять его. Это только могучий орк в одиночку приволок мешок. Пришлось позвать еще двоих товарищей и они, рассыпав деньги в десять банковских кошель, унесли их для подсчета и взвешивания. А Карлайн оказался владельцем красиво оформленного свитка, в котором говорилось, что Мальбекский денежный банк принял от Карлайна ибн Саади Кафара пять сотен полноценных серебряных монет, которые он обязуется выдать в любое время по первому же требованию их хозяина и добавлять одну десятую от общей суммы за каждый полный год.

Тинниль был прав. Он мог больше не работать. Пятьдесят серебряных монет, выдаваемые банком за пользование его деньгами, вполне обеспечивали безбедное существование даже дворянину. А уж бывший пастух, по его представлению, стал бы купаться в роскоши.

Карлайн широко улыбнулся и пошел по городу, высокомерно разглядывая прохожих. По его взгляду можно было подумать, что это отпрыск высокопоставленного древнего дворянского рода, по ошибке надевшего одеяние зажиточного горожанина. И встречавшие его взгляд на всякий случай низко кланялись. У знати свои привычки, а гордой шее есть хорошее лекарство — веревка, ибо не дворяне не имели привилегии лишаться жизни путем отрубания головы. Увы!

Глава 15

Тинниль в хорошем настроении вышел из своего кабинета. У его светлости, властителя Ламодийского герцогства Рандава VII, сегодня болела голова. Он благоразумно не стал лечить ее кружкой крепкого темного, понимая, что такая доля пива может в конечном итоге привести к вчерашнему результату. Поэтому ограничился запиской к Тиннилю с просьбой послать флакон чудодейственной эльфийской настойки, присовокупив к ней толику серебра, и отправив все это с посыльным.

Герцог был здоров, как бык, но пока он не избавится от вредоносного порока запивать ужин крепким пивом или вином, у травника всегда будет возможность подзаработать на нем.

На всякий случай заглянул в привратницкую. Иногда знать уже придя к нему, останавливалась, не решаясь или сомневаясь приходить ли дальше. А Лед, при всей его надежности, достаточным красноречием не обладал. Когда было нельзя применять оркские глаголы в простонародной обработке, он начинал мямлить и запинаться. И потенциальный покупатель уходил.

Так и есть, старый известный клиент — баронесса де Саннуа. И что это она остановилась напротив стойки с лекарствами и смотрит, как этот... рогатый на новые ворота?

— Рад вас приветствовать, ваше сиятельство. Вы затрудняетесь с выбором лекарств?

Баронесса была человеком на редкость мнительность, постоянно находя у себя различные болезни. Тинниль с нею не спорил, он лишь мужественно выслушивал жалобы, включая потраченное время в стоимость услуг. Клиенту он выписывал всегда одно и то же — легкое успокоительное, меняя только сиропы.

— Нет, господин Тинниль, на этот раз я пришла к лекарю-субидару. Уж очень его расхваливали эльфы из гвардии герцога. Но никак не могу его найти. А ваш привратник не может толком сказать. У меня что-то с моим любимцем, — она показала на располагавшуюся на руках крохотную собачку. Она была грустна, вяла, даже не подумав залаять на чужих, что было обычно для собачек такой породы. Действительно, выглядит больной. Сегодня баронесса на удивление права.

«Надо будет натренировать Леда», — подумал Тинниль и широко улыбнулся:

— Ваше сиятельство позвольте лично мне проводить вас к лекарю. Он еще очень молод, но пользуется большим авторитетом у моих родичей. Надеюсь, люди тоже оценят его мастерство.

— Он эльф?

— Нет, он человек.

Удивленно хмыкнув баронесса пошла по указанному пути.

Пройдя к внутреннему дворику, Тинниль понял, что они явились в очень неудачный момент. Вспомнив прошлые годы, Карлайн чистил каменный пол от грязи.

Баронесса надменно поморщилась. Мало того, что этот мальчишка совсем не похож на известного лекаря животных, как расписывал его эльф, так он еще и занимается простонародным трудом! Обычно такая работа поручается нищим и оборванцам. Она решительно убрала собачку в широкий рукав платья, сшитый так специально для ее

любимица.

Карлайн понял, что первый его посетитель может оказаться последним. Он укоризненно посмотрел на эльфа. Тот только удрученно вздохнул. Накануне от привратницкой к кабинету была протянута сигнальная веревка. Стоило в привратницкой дернуть за один конец, на другом зазвенел бы колокольчик. И Тинниль об этом забыл, и уж тем более Лед.

Оставалось последнее средство. Карлайн тихо свистнул. Котята, в своих вечных играх куда-то забежавшие, чутким слухом услышали призыв хозяина и вылетели на его запах. Увидев нового человека они мякнули, здороваясь, и на всякий случай зарычали.

Баронесса остановилась.

— Простите, а это кто? — поинтересовалась она осторожно, — на обычных кошек они не совсем похожи.

— Это вазлиборские кошки, ваше сиятельство, — наобум протитуловал он ее. Увидев, что эльф быстро утвердительно кивнул, заговорил более уверенно: — они еще маленькие, им недели две.

— Вазлиборские кошки? — воскликнула она, — но ведь их невозможно приручить.

Котята, сев по обе стороны от Карлайна, удивленно смотрели на баронессу. Они впервые видели представительницу высшей знати и теперь пытались разобраться в отраженных огнях драгоценностей и запахе вкусно пахнущих духов. Каждодневно поедая мяса вдвое больше, чем весили сами, они были уже больше средней кошки. Еще через несколько дней их можно будет сравнивать с собаками.

— А откуда они у вас? — баронесса попыталась разобраться с новым явлением в столичной фауне.

— Мне их подарили.

— Кто?

— Мать — кошка, конечно, кто же еще? — удивился Карлайн вопросу.

— Но ведь, говорят, они огромные, — не переставляла удивляться баронесса, — я знаю, встреча с ними оканчивается смертью.

— Метра в два с половиной в длину и весом килограмм, наверное, сто пятьдесят, — улыбнулся Карлайн, — сначала она захотела мной пообедать, но затем мы с ней договорились.

— Ну, хорошо, давайте, посмотрите моего мальчика, — неуверенно сказала баронесса, приходя в себя от встречи с опаснейшими хищниками, пусть и небольших пока размеров. Но при этом, она внимательно просмотрела благодарственное письмо эльфов-гвардейцев, написанное на общем языке, но стилизованное эльфийскими рунами, патент на звание лекаря-субидара и патент на право заниматься лечением в Гарне.

Вздохнула, вытащила из рукава собачку.

— Собственно, деваться уже некуда. Столица называется — субидара нормального нет. Только поосторожнее, прошу!

Собака легла, безучастно глядя перед собой. Карлайн осторожно положил ей палец на лоб. Возникло ощущение печального настроения, меланхолии, все это перекрывали боли в животе, перекатывающиеся по всему телу.

Карлайн осторожно перевернул собачку на спину, осторожно исследуя живот. В голове возникло понимание, что у собачки забиты желчными камнями желчный пузырь и протоки, из-за этого собачка постепенно умирает. Надо раздробить камни в протоках, а затем в

пузыре. Как? Ответ появился сразу же. Надо представить, как из головы тоненьким потоком в палец идет сила и направлять ее на камни, измельчая их. Только осторожно, чтобы не разрушить сами протоки и пузырь.

Он погладил собачку по голове, выпустив каплю силы и преобразовав ее в ощущение тепла и сострадания. Ничего, мальчик, твоя болезнь не смертельная, хотя запущена очень сильно. Палец одной руки он оставил на голове у собачки, успокаивая, а пальцем другой осторожно начал дробить камни, начиная с края проток. Сначала лечение шло трудно, он не раз ошибался, заставляя собачку оскалывать зубы от боли. Потом стало легче, он очистил обе протоки, и частично сам пузырь. На этом остановился. И он устал, и собачка. Пусть отдохнет, поправит здоровье. Убрал руки.

Освобожденная собачка сразу же перевернулась на живот. Вслушалась в себя. Боль почти ушла. Она радостно затыкала.

Для баронессы ожившая собачка была чудом, возвращением из царства мертвых. Не очень-то надежный субидар подержал пару минут пальцами и излечил! Она подхватила собачку на руки, расцеловала. Собачка, радуясь с ней, громко лаяла. Полный бардак и сумасшедший дом!

— Ваше сиятельство, — выждав паузу, сказал Карлайн, — прошу вас принести мальчика еще через три дня. А сейчас я выпишу вам лекарства и напишу, как их давать.

Он откровенно рисковал, поскольку с большим трудом мог только поставить свою подпись, но...

— Не беспокойтесь, ваше сиятельство, мой посыльный принесет лекарства вам на дом.

Баронесса, удивившись словам Карлайна, который явно делал что-то не то, успокоилась и милостиво кивнула. У нее появилось прекрасное настроение.

Глава 16

Эльфы ли были этому причиной, или, может быть, благодарная баронесса поспешила сообщить при дворе герцога о талантах нового субидара, но количество посетителей стремительно возросло. В иной день по четыре — пять представителей знати, богатых горожан приходили со своими заболевшими любимцами.

Посетителей было бы еще больше, если бы не заоблачные цены. Каждое животное приносило не меньше двадцати — тридцати серебряных монет. Из них, правда, несколько приходилось отдавать Тиннилю за лекарства и уплатить налоги в городскую и герцогскую казну, но все равно оставшейся суммы было астрономически много. Карлайн даже подумывал о снижении оплаты, но Тинниль посоветовал посмотреть пункты договора с гильдией, который он подписал, практически не глядя.

— Тебя никто не поймет. Знать и горожане решат, что ты не настоящей субидар, а собратья по гильдии проклянут.

Кое-как прочитав договор (он проучился в местной деревенской школе всего лишь год и читал плохо), Карлайн уяснил, что он обязался не снижать общегородские цены. Нарушителю грозил огромный штраф в тысячу серебряков и пожизненное лишение звания субидара во всех странах. Пришлось заткнуться.

Зато он мстительно удвоил плату своей прислуге и помощнице. Те вели себя безукоризненно, стараясь во всем угодить щедрому и очень способному хозяину. Малида всегда приходила в приемный покой рано, вытирала мебель от пыли, мыла пол в лекарской, не допуская Равну. Все инструменты и лекарства были расставлены в должном порядке,

свежие полотенца, тазики, холодная вода для хозяина, любившего глотнуть глоток — другой, находились под рукой. Быстро научившись театральным приемам игры «на посетителя», она могла показать себя важной помощницей или добродушной бабушкой, невзначай похвалить Карлайна, рассказать о каком-нибудь «трудном случае», из которого хозяин вышел с честью. На фоне молодого Карлайна ее старость позволяла сделать из них идеальную пару.

Хана и Равна такими талантами не владели. Зато Хана готовила простые, но очень вкусные блюда. Благодаря ее заботам Карлайн снова подрос, а его фигура продолжала обростать мускулами и даже некоторым жирком.

Равна, помимо трудолюбия, попыталась блеснуть и другими талантами, несколько раз прозрачно намекнув о готовности принести вечерний или утренний чай прямо в постель. Вряд ли тут стоило говорить о чувствах или хитром расчете. Равна всего лишь боялась потерять высокооплачиваемую работу и пыталась найти дополнительные гарантии. Ибо, оказавшись без работы, она имела только два варианта — идти в служанки за еду и пару медяков в месяц, вполне естественно попадая в постель хозяину, или сразу направиться в бордель.

Тинниль, каким-то образом узнавший об активности девушки, предупредил Карлайна, чтобы тот и не думал заводить любовницу таким образом.

— Это будет слишком заметно. Вы люди молодые, у вас, что на душе, то и на лице. Это не слишком хорошо скажется на отношении к тебе со стороны посетителей. Лекарь — это почти что дворянин. Тем более, твои кошечки делают тебя столь загадочным.

Тинниль не зря стал подлизываться к вазлиборским кошкам. Прежние издевательские отзывы теперь могли окончиться весьма печально. За два месяца кошки значительно подросли, превратившись в перекормленных догов с большими зубами, всегда готовыми вонзиться во что-нибудь податливое. Правда, домашних они не трогали, понимая, что они из своей стаи, а гостей с животными даже привечали. Хитромудрые хвостатые легко раскрыли логическую цепочку гости — деньги — мясо. Им даже нравилось играть «на посетителя», каменно развалившись на своих грузных деревянных тумбах, стоявших по обеим сторонам от стола Карлайна. Или, наоборот, грозно рычать, заставляя гостей — бледнеть, а их любимцев — пускать лужу. Карлайн поначалу опасался, что кошки начнут негативно влиять на посещаемость, но, оказалось, гостям это даже нравилось. Без зверей молоденький субидар выглядел бы слишком бледно, а его грозные звери были дополнительной гарантией успешного лечения.

Однажды, впрочем, с гостьей чуть не случилась истерика. Маленькая двухлетняя девочка — дочь посетительницы, находясь в том возрасте, когда все неведомое не страшно, а интересно, подошла к Дангу, решившему размять косточки на полу рядом с Карлайном. Мать, увидев дочь рядом со страшной кошкой, оказалась в полубормочном состоянии, умоляюще глядя на субидара. Ей теперь уже было не до заболевшего попугая. А девочка принялась гладить кошку по голове, что-то лепеча ему на своем детском языке.

Данг ласку воспринял охотно и даже развалился на полу, чтобы его было легче гладить. В итоге матери пришлось дать успокоительные капли «за счет заведения», а дочка капризничала, ревела и никак не хотела уходить от «холосей коски».

На следующей день приехал отец девочки. Как оказалось, дочь откровенно вила из родителей веревки. Карлайн поначалу перетрусил, ожидая претензий, но bravому офицеру хотелось только одно — посмотреть, что за кошка прельстила его дочь. Увидев, что это вазлиборские кошки, он поскучнел. Достать их не могли помочь ни деньги, ни связи.

Но и расходы на кошек у Карлайна выросли. Как и заботы. Те не только съедали за день заднюю ногу взрослого быка, но еще хотели играть. Приходилось заказывать меховщику мягкие манекены животных, натянутых кожей. Внутри были шерсть, отрезки кожи и материи — в общем все отходы производства. Такой игрушки игривым зверям хватало на три — четыре дня, затем приходилось заказывать новую. Поначалу меховщик брал за игрушку серебряк, но увидев регулярные заказы, быстро сообразил, что нет смысла отваживать перспективного покупателя. Теперь Карлайн платил три десятка медяков за штуку.

Бывали и разовые расходы денег и нервов. Однажды, когда посетителей не было, Карлайн читал книгу. Давалось это занятие для него с большим трудом, но он не отступал, уже понимая, что умение читать и писать тоже является важной чертой таланта лекаря.

Внезапно на улице разнеслись панические крики и возгласы о помощи. Карлайн выглянул в окно — прохожие разбегались, бросая свое имущество. На столицу совершен налет? Кем? Герцог Рандав VII был мудрым и осторожным политиком, неплохим полководцем. Врагов, решившихся напасть столь подлым образом, у него не было. Карлайн недоуменно пожал плечами и сел читать дальше.

Увы, скоро юноша узнал причину. В кабинет вбежал запыхавшийся Лед.

— Ваша милость, — взволнованно сказал он, — ваши питомцы каким-то образом сумели выбраться на улицу и перепугали массу народа.

Лед, почитание которого перед Карлайном и его кошками достигло невероятной величины, излишне почетно его именовал. Милостью мог быть мелкий дворянин или высшие чиновники городской администрации. Но сейчас было не до субординации.

Карлайн стремительно выбежал на улицу, в тайне надеясь, что это ошибка и его кошек там нет. И сразу же понял наивность своих надежд. Его кошки, достигшие уже полутора метров, грациозно бродили по мостовой, радуясь жизни и стремясь найти еще кого-нибудь, кто мог порадоваться вместе с ними.

Разгневанный Карлайн оказался для кошек неприятным сюрпризом. Сначала Данг и Длани попытались симулировать тупость и непонимание, заигрывая с ним, но после нескольких оплеух и злобной ругани кошки предпочли отступить, удрав во внутренний дворик через парадный вход.

Тинниль, любопытства ради выглянувший на улицу, только присвистнул.

— Жди неприятностей, — коротко посоветовал он.

И они пришли, эти неприятности, в виде полусотни гвардейской пехоты и чиновника магистрата. Полусотня окружила дом двойным кольцом, а чиновник с полусотенным-прапорщиком и несколькими гвардейцами решительно вошел в дом.

Карлайн немного расслабился, увидев, что полусотенный его знакомый Кобот, дружески пожавший ему руку. Но чиновник испортил все настроения. Он потребовал уплатить штраф в сотню серебра и умертвить вазлиборских кошек. В противном случае — изгнание, а, может быть, уголовная палата. И чиновник величаво и грозно посмотрел на мальчишку-лекаря. Ему разрешалось подумать до завтрашнего обеда.

Кошки, наконец почувствовав себя провинившимися, пришли к нему на полусогнутых лапах, жалобно вглядываясь в суровое лицо хозяина-друга. Карлайн только погладил их по головам, вздохнул. Они всего лишь дети, что с них взять? Придется уходить из города, пока действительно за него не взялся уголовный судья, а за них — палач.

Тинниль был с ним одного мнения.

— Это же дикость страшная, — возмущался он, — убивать животных только за шалость!

Если бы они стали людоедами, но они только играли! И даже не поцарапали никого.

Если они изгонят тебя, я тоже уйду. Можно перебраться в Мальбекское княжество. Местные наемницы понимают толк в лекарях и травниках. А пока я пушу весть о несправедливости решения магистрата. Герцог не останется в стороне.

Глава 17

К обеду следующего дня большая толпа городских стражников во главе с несколькими чиновниками двинулась к дому Тинниля, чтобы то ли арестовать Карлайна, то ли выгнать из Гарна вместе с его страшилищами.

Но к этому времени события уже развивались стремительно и неотвратимо, перестав быть только городскими. Беготня Тинниля возымела свои результаты. На утреннем разводе караулов командир эльфийского отряда гвардии в деликатной форме сообщил герцогу, что эльфы возмущены вчерашним решением магистрата изгнать лекаря-субидара из Гарна. Лекарь за короткое время сумел излечить всех больных единорогов в отряде. И поскольку единороги священны для первородных, они расценивают этот шаг магистрата как личное оскорбление.

Теперь настало время задуматься его светлости. Эльфийский отряд был ценным приобретением. Большинство правителей не смогло установить с первородными правильных отношений. А он сумел.

Хотя, разумеется, помогло и стечение обстоятельств, и милость богов. Несколько лет назад небольшая группа эльфов, спасаясь властей Гайворонского ордена, оказалась на территории герцогства. Орден был религиозным государством во главе с командором. Его мракобесие переходило все границы, превосходя мерами по преследованию первородных даже самые суровые страны.

Израненные первородные, спасавшие какую-то свою реликвию, были лакомым кусочком. Командор потребовал немедленно выдать своих врагов. Рандав отказался. Тогда ему предложили продать на серебро по весу эльфов. Предложение было заманчивым.

Но герцог отверг все предложения, не испугался войны, которая вылилась в несколько стычек. Первородные были размещены в благоприятных для них условиях и вылечены, а в Эльфланд немедленно был отправлен гонец.

Пришедшая на земли людей огромная эльфийская армия была ответом на послание. Герцогство, конечно, не тронули, но Гайворонский орден едва не пал, и, ослабев, вынужден был стать вассалом герцога. А для него самого был выделен отряд первородных и разрешена торговля с Эльфландом на протяжении ряда лет.

Пришедшие эльфы, прекрасно понимая уникальность и благородство поведения герцога, демонстративно были лояльны и неподкупны, демонстрируя чудеса храбрости. Нередко сверхметкая стрельба из луков становилась решающим аргументом в сражении. Многие соседи, в том числе и более могущественные, не решались нападать, зная о его лучниках. На протяжении пяти последних лет на границах герцогства царили мир и спокойствие, хотя почти все остальные страны воевали друг с другом. И вот теперь между ними может пройти трещина.

Искренне пообещав за кратчайший срок разобраться с болванами из гарнского магистрата и сообщить об этом эльфам, герцог приказал немедленно выслать полусотню гвардейцев человеческого отряда для охраны дома лекаря, вызвал коронера и потребовал срочно разобраться с этим делом и доложить через два часа.

Коронер попытался сообщить о нереальности сроков, но посмотрев на побелевшее в бешенстве лицо монарха, сглотнул и помчался поднимать своих подчиненных.

Но на этом утренние неприятности для герцога не закончились. Пришла отдаленная родственница и жена коннетабля баронесса де Саннуа. На правах родственницы и старой женщины она частенько поучала его. Не очень приятный гость. Но коннетабль, будучи главой могущественной дворянской группировки, всегда являлся его верным соратником, глуша нетерпеливые настроения молодежи, среди представителей которой были и прямые претенденты на герцогскую корону.

И потому Рандав VII встретил баронессу искренней улыбкой, отпустил нехитрую шутку о ее состоянии, поинтересовавшись, что она пила накануне.

Баронесса отшутилась в ее стиле, соленом и едком. Они немного поболтали, перебиваемые брехней Джоба — маленькой собачки баронессы, которую предпочитала носить его в рукаве платья. Джоб недавно тяжело заболел и все уже облегченно поставили на нем крест, но почти умершую собачку неожиданно излечил новый лекарь-субидар. Придворные чертыхнулись, но на всякий случай записали адрес. Лекарь никогда не бывает лишним.

— Да, кстати, — перешла к делу баронесса, — этого мальчика глупый магистрат собирается выселять из города.

— Какого мальчика? — не уяснил герцог, понимая под образом мальчика Джоба. Зачем городским чиновникам связываться с собакой баронессы?

— Да лекаря же! — удивилась баронесса непонятливости собеседника, — Рандав, ты должен поправить этих дураков!

Герцог сумел кое-как избавиться от нее только через полчаса, клятвенно пообещав честно разобраться в конфликте.

Но когда в комнату вошла его нынешняя метресса Луиза де ла Шато с сухим надменным видом и маленькой дочкой на руках, герцог почти вслух взвыл. Чем же он прогневал богов, которые так испортили ему все утро?

С таким видом Луиза являлась, если он умудрялся чем-то оскорбить (по ее мнению). А девочка была дополнительным аргументом. Только они двое и лекарь гильдии знали, что дочь не от мужа болвана, служащего капитаном в полку неподалеку от столицы. Личным рескриптом герцог разрешил капитану каждую неделю проводить выходные в столице, осчастливив его до глубины души. Знал бы он, в чьей постели его жена спит остальные ночи! Отцом девочки был он и Луиза хотела показать какой он плохой родитель.

— Подожди, Луиза! — быстро заговорил он, пока она не начала длинный монолог, в котором пунктов обвинения будет не меньше, чем в речи прокурора, требующего для виновного смертную казнь, — ты будешь говорить о мальчишке лекаре, которого магистрат выкидывает из города.

— Да, — удивленно сказала женщина, не понимая, откуда он знает о ее намерениях.

— Мне сегодня уже мозги вывихнут, — пожаловался герцог, — я уже почти готов оправдать его, что возьмешь с парня в такие-то годы. Но для придания законности решению подожду коронера, посланного утром рассмотреть подробности дела. А чтобы пугливый магистрат не вздумал совершить какой-нибудь дурной поступок, я послал охранять дом лекаря полусотню гвардейцев.

Луиза, приготовившаяся к штурму мощной крепости и накопившая много энергии, теперь не знала, куда ее девать.

— Понимаешь, этот мальчик, он так беззащитно выглядит, — пожаловалась она, — правда, эти ужасные кошки...

— Кошки? — герцог, приготовившись к занудливому скулению, насторожился.

— Да, — нервно засмеялась она, — кошки в размере больших догов. Очень больших. Мари полезла к одной из кошек. Я была уже готова разразиться в истерике, думая, что девочку разорвут в клочья, а та полезла мурлыкать, начала играть. Мари потом едва вытащили домой, где она закатила такой плач. Мой капитан даже назавтра поехал к лекарю узнать, где можно купить такую животину, но оказалось, это невозможно.

— Вазлиборские кошки, — задумчиво произнес герцог, — откуда он их достал? И как они его не съедают?

Глава 18

День для Карлайна, да и для Тинниля проходил нервно. Утром дом окружили гвардейцы. Возмущению Тинниля не было предела. Он вышел поговорить с командиром и вернулся задумчивый.

— Вчерашнее происшествие взято под контроль самим герцогом. Видимо, до него сумели достучаться. Я не зря вчера прошелся по нашим клиентам. Нас всего лишь охраняют.

— Ты думаешь? — скептически протянул Карлайн.

— Да, мой недоверчивый человечек, — засмеялся Тинниль, — посмотри, сколько животных ты уже вылечил. Думаешь, у их хозяев есть желание остаться без такого лекаря? Правда, не знаю, к какому выводу придет сам герцог. Будем ждать.

Гвардейцы действительно охраняли дом, а не держали жильцов под домашним арестом. Когда Тинниль вместе с Ханой совершил короткий визит в хлебную лавку напротив, никто не пошевелился, чтобы задержать их.

Через час в дом вошел неприметный человек, одетый как зажиточный горожанин.

— Коронер герцогского суда, — представился он, — хотел бы, с вашего разрешения, задать несколько вопросов.

Тинниль и Карлайн переглянулись и согласились.

Вопросы оказались чистой формальностью. Казалось, коронер выполняет ритуал, чтобы потом доказать законность своих действий.

— Скажите, господин Кафар, — обратился он в конце к Карлайну, — а нельзя мне посмотреть на ваших вазлиборских кошек? Очень интересно. Я только один раз видел шкуру кошки.

Карлайн улыбнулся.

— Разумеется, господин коронер, вы можете посмотреть на них. Только предупреждаю, у них довольно своеобразный юмор. Могут попытаться запугать, сделают какую-нибудь гадость.

— М-да? — удивленно сказал коронер, — но я все же попробую.

Кошки встретили появление нового человека с интересом. Они чувствовали нервозность хозяина и чутьем связывали ее с пришедшим.

Длани осторожнохватила пастью руку коронера и заставила его сесть на стул. А Дангсел около ног и стал требовательно смотреть в глаза.

Но коронера животные не напугали, а очаровали. Еще бы, они уже были точной уменьшенной копией взрослых кошек и достигли около семидесяти килограмм веса.

— А если они взбунтуются? — задал коронер логичный вопрос.

— Они не взбунтуются, — настолько уверенно сказал Карлайн, что коронер ему поверил, хотя было непонятно, как хрупкий юноша собирается совладать с двумя хищниками, уже способными переломить ему позвоночник одним ударом лапы, или разорвать на куски мощными челюстями.

— Вы знаете, — нерешительно сказал коронер, — поскольку вчерашний бедлам будет рассматривать сам герцог, вас, скорее всего, пригласят во дворец. Так вот, частным образом я бы вам рекомендовал взять с собой зверей. Они вызовут там огромный интерес и сыграют положительную роль в решение вопроса.

Коронер оказался прав — ближе к обеду их действительно попросили явиться во дворец. Но сначала у дома показались чиновники магистрата с большой свитой из стражников. И они даже попробовали проникнуть в дом.

Численность горожан никак не отразилась на действиях полусотни. Гвардейцы презрительно глядели на пришедших, не пытаясь что-либо предпринять. Они были слишком на разных уровнях. Командир гвардейцев четко выговаривая слова, порекомендовал всем немедленно удалиться, или он «выжмет из них весь жир и надерет задницы». Чиновники что-то пробубнили, переговариваясь между собой и незаметно испарились.

Через некоторое время явился посыльный от герцога, слегка застрявший около прапорщика.

— Его светлость принял правильное решение, — одобрительно сказал Тинниль.

— Ты обладаешь даром пророчества, Тинниль? — удивленно спросил Карлайн.

— Никакого пророчества, — категорично ответил эльф, — только логические допущения. Посмотри, из дворца явно по нашу душу явился гвардейский офицер в чине сотенного командира. Сотник — это очень много для простолюдина, которым ты являешься. Если бы тебя понадобилось арестовать, явились бы люди коронера или, на крайний случай, десятник с несколькими гвардейцами. И потом, какую особенность ты еще видишь?

Карлайн пожал плечами, затрудняясь ответить.

— За тобой пришел эльф. Не человек, а первородный, герцог должен знать, что после излечения единорогов эльфы на твоей стороне. Понимаешь? Тебе сразу показывают, какого приговора можно ожидать.

Теперь Карлайн понимал. Покрутил головой, поприветствовал вошедшего сотника. Тот ответил четким воинским салютом.

— Господин Кафар, — в утонченной вежливости сотника не слышалось никакого превосходства, — его светлость, герцог Ламодийский Рандав VII просит вас, если вы имеете такую возможность, поприсутствовать при решении вчерашнего конфликта.

— Присутствовать? — Тиннилю стало интересно.

— Ха, — фыркнул сотник, — наш маленький друг сумел приобрести столько покровителей, что я сильно удивился, когда герцог сам не отправился к нему. Наверное, подумал, что не все из свиты войдут в этот дом.

Он с очевидным любопытством посмотрел на кошек, шумно втягивающих воздух. Им нравилось, как пахли первородные.

— Скажи, а их ты не хочешь взять?

А почему бы нет. Коронер, кстати, рекомендовал.

— Красивое будет зрелище, — обрадовался эльф бесплатному празднику.

Зрелище действительно получилось интересным, хотя и не для слабонервных. Они пошли ко дворцу по многолюдным улицам... поначалу многолюдным. Грациозно

вышагивающие звери, громоподобно рычащие, как и вчера, навели жуткую панику. Через пять минут в ближайшей округе никого не было. Только разбросанные вещи.

Сотника это насмешило.

— Послушайте, Данг, Длани, а вы не хотите на войну? Всех врагов разгоните.

Данг, по натуре ленивый, как и все кошки, предупреждающе зарычал. Куда-то отправиться от теплой лежанки и миски с мясом ему совершенно не хотелось. Длани, любительница приключений, рыкнула уклончиво.

Дворцовая гвардия из людей оказалась нервами покрепче, оставаясь на своих местах. Правда, гвардейцы на всякий потихоньку подтягивались друг к другу, понимая, что в случае нападения они совершенно беззащитны в одиночку.

В большой приемной сотник предложил подождать, сообщив, что сходит, доложит. Карлайн осторожно сел на край роскошного кресла. Кошки предупреждающе зарычали — их немного беспокоила новая обстановка, но затем успокоились и улеглись в ногах юноши.

Сотник доложил герцогу о выполнении задания, но не сообщил, что субидар привел виновников конфликта. Герцог приказал ввести его в зал.

Дверь распахнулась и в них показался торжественно разодетый мужчина — мажордом, как позже узнал Карлайн.

— Господин Карлайн, — громогласно объявил мажордом. Затем он увидел зверей и побледнел, — вазлиборские кошки? Зачем они здесь?

Данг лениво повернул голову, беззвучно открыл пасть. Мажордом икнул, шмыгнул в двери, Карлайн услышал, как тот фальцетом заверещал:

— Карлайн ибн Саади Кафар!

После чего, судя по звуку шагов, мажордом поспешил удрать. Карлайн оказался в затруднении. Входить ему или нет? Похоже, приглашать его некому. Лучше войти.

— Данг, Длани, вперед.

Данг, как мужчина, пошел первым, мягко прыгнул в открытый проем дверей и, приземлившись, подал голос. Впервые со времени строительства в парадном зале приемов Ламодийского герцогства раздался звучный рык вазлиборской кошки.

Участники приема решили, что наступил конец их жизни. Две трети разбежались с прытью тараканов, и криками вспугнутых ослов. Остальная треть осталась в своих креслах только по причине глубокого обморока.

Длани, входя, зарычала не менее громко, но эффект был уже смазан. За ними скромно вошел Карлайн.

Ему представилась дивная картина. В центре на противоположной стороне находился массивный трон с герцогом. Его светлость был шокирован не менее своих поданных, но заметив, что эльфы, составляющие половину охраны, даже не думают хвататься за луки и вообще ведут себя очень спокойно, тоже успокоился и принялся разглядывать вазлиборских кошек. Как и огромное большинство людей, он видел их впервые. Ибо, если человек видел кошек на природе, он незамедлительно умирал, становясь частью пищеварительной цепочки.

По обоим сторонам от трона у стен находились кресла. На них в самых живописных позах лежали несколько дам и даже два кавалера. Кроме герцога из знати в сознании осталась только молодая женщина с двухлетней девочкой, пришедших к ним какое-то время назад.

Карлайн прошел часть зала, конвоируемый кошками, и остановился, не зная, что делать

дальше. Наступила пауза. Герцог, любуясь крадущейся красотой грозных четырехлапых хищников, не собирался помогать юноше.

И тут ему на помощь пришла девочка. Это для всех взрослых рык вазлиборских кошек означал страшную опасность. А для нее это был сигнал, что ее любимая мягкая игрушка рядом. Она вырвалась из рук матери и побежала к Дангу. У герцога сердце забилося с перебоями.

Но Данг только понюхал обхватившую его девочку и осторожно потерся об ее голову. Громкое урчание наполнило зал.

— М-гм, — опомнился герцог и громко позвал: — где у меня мажордом? Где этот бездельник?

Мажордом осторожно высунулся из запасного выхода. Герцог его заметил. Громко скомандовал:

— Позвать мою трусливую свиту. Привести в себя упавших в обморок. Где коронер? — подождав, пока придворные начнут рассиживаться в своих креслах, опасливо поглядывая на опасных гостей, начал рассуждать, — как я понимаю, сегодня было повторение случившегося вчера. Эти милые киски вышли погулять, никого не трогая, — он с удовольствием посмотрел, как девочка, забравшись на Данга, почесывает ему за ухом, от чего тот стал выдавать удвоенные порции мурлыканья, — а трусливые горожане разбежались, как сегодня моя..., м-да.

Он обвел суровым взглядом присутствующих, заставив свитских поежиться и глубже вжаться в кресла.

— Коронер, ваше мнение?

Коронер прекрасно понимал настроение герцога и к тому же сам пришел к тому же мнению. Поэтому без промедлений заговорил:

— Совершеннейшая правда, ваша светлость. Эти две милые киски вышли немного погулять, а простонародье разбежалось, своими громкими криками пугая кошек. Возможно даже нанесли моральную травму животным. Ваша светлость, по итогам проведенного расследования, выношу на ваше мнение приговор:

— Подвергнуть штрафу на двести полноценных серебряных монет, — он посмотрел на замершего Карлайна, — город в лице магистрата за глупость и панику, а также за стремление нанести ущерб герцогству. Наш юный лекарь оказался очень умелым субидаром и многие высокопоставленные особы являются свидетелем этого. Изгнание его из Гарна привело бы к тяжелым последствиям. Я уж не говорю об этих двух прекрасных добродушных зверях.

И он вопросительно посмотрел на герцога.

Мэр города попытался робко возразить, но находящаяся в десятке шагов от него Длани, повернула голову в его сторону, и негромко, но очень выразительно заворчала. Мэр снова потерял сознание.

Рандав VII с усмешкой глянул на него и объявил:

— Да будет так! Из этой суммы сто серебряков пойдет в нашу казну, сто — лекарю за беспокойство.

Глава 19

Через полгода нахождения в Гарне Карлайн мог считать себя настоящим горожанином, живущим в столице полнокровной жизнью. Знать и верхушка горожан окончательно

признала его настоящим лекарем и бежала к нему при малейших проблемах их животных. Сумел он наладить отношения и с городом. После крупного штрафа магистрат на него сильно обиделся, пока одному из менее оскорбленных не пришла в голову мысль использовать единственного в городе лекаря-субидара на пользу горожан.

Гарн, как, впрочем, и другие города Дайяры, буквально захлебывался от моря крыс. Мало того, что эти твари были противны на вид, таскали продукты и портили вещи, так они еще и распространяли множество болезней. От них страдали все — от герцога до последнего попрошайки. И представитель магистрата, смиренно опустив глаза долу при виде вазлиборских кошек, недовольных посетителем и потому рыкающих и бьющих хвостами, скромно спросил, не может ли господин лекарь помочь бедным горожанам.

О, Карлайн сыграл одну из своих лучших ролей в жизни. Он разразился патетической речью о любви к своей новой родине, о готовности работать на нее бесплатно (но не более двух дней в неделю) и попросил всего лишь оплатить материалы для создания яда — десять ведер по половине серебряка каждое.

Цена в соотношении с возможным результатом была мизерная и чиновник, довольный выполненным поручением, ускакал на полусогнутых в магистрат. Местные шишки, все-таки посомневавшиеся, деньги выделили. И одним летним вечером группа дворников, проинструктированная Карлайном, принялась раскладывать отраву — зерна ржи, пропитанные легким ядом, который убить не мог, но серьезно вредил здоровью.

А субидар принялся за дальнейшую работу. Используя память эльфа, Карлайн сумел создать такой яд, который не сразу убивал грызунов, а заставлял ее от сильной боли и холода выползать на солнечные площади. Его тоже разбросали следом за первым.

Горожане были предупреждены о предстоящей травле и что будет происходить. Но происходящее поразило самых скептически настроенных. Умиравшие крысы брели, шатаясь, по улицам, собирались на площадях в кучи и там подыхали. Дворникам только оставалось сгребать их в тачки и увозить на окраину, где в огромном костре их сжигали.

После такого зрелища большинство горожан убедилось, что лекарь еще и маг. Крысы единственно только могилу себе не вырывали! И потому жители молчаливо признавали за ним право ходить с двумя страшными кошками по улицам без всякого поводка или намордника.

Карлайн усмехнулся. Попробовали бы они надеть намордник на вазлиборскую кошку! Скорее, Данг и Длани сами бы заставили горожан ходить в намордниках и на поводке.

— Хозяин, к тебе посыльный от герцога, — сообщил Рад. Большие деньги, зарабатываемые Карлайном, требовали охраны. И не только кошками. Юноша это понимал. По случаю он нанял двух вышибал, выполняющими, кроме охраны, еще много других функций. Их прежний хозяин — эльфийский купец, уезжал к себе домой на покой, ликвидируя все дела, и заботливо подыскивал для своих людей нового хозяина. Карлайн очень был не против и таким образом у него появились Рад и Ламус.

Гвардеец сдержанно, но вежливо кивнул. Наверняка из дворян. Сообщил:

— У его светлости недомогает боевой конь, его старый и надежный товарищ. Герцог сильно расстроен и просит, — гвардеец тоном выделил последнее слово, — помочь ему.

Карлайн оценил вежливость герцога. Его светлость очень учтив. После той истории с кошками, которая, как рассказывали эльфы из гвардии, очень насмешила его, он обращался с Карлайном почти как дворянином.

— Рад, Ламус, собирайтесь, пойдём в герцогский дворец. Данг, Длани, вы останетесь.

Такое приказание очень не понравилось кошкам. Они зарычали, переполошив весь квартал, принялись царапать каменный пол, бить хвостами, Данг показал, что сейчас бросится на хозяина. Кошки очень убедительно имитировали недовольство, хотя на самом деле они и не хотели выходить из дома. Ленивые звери только что плотно пообедали и единственное желание, хорошо читаемое на их мордах, было связано со сном. Тем более, на улице шел дождь, столь нелюбимый кошками.

Карлайн легко разгадал их игру. Весело оскалился в ответ на рев животных, немало удивив гвардейца. Тот ожидал, что лекарь хотя бы начнет их успокаивать. Но вместо этого юноша шлепнул Данга по спине, мгновенно успокоив его, и начал выспрашивать Тинниля, что у того есть общеукрепляющего и успокоительного для крупного скота. Нагрузив телохранителей лекарствами, Карлайн отправился вместе с еще не пришедшим в себя гвардейцем. Тот и поначалу не показывал излишне дворянской спеси, а после спектакля, учиненного кошками, и вовсе признал превосходство лекаря.

Герцог встретил их на плацу, где нетерпеливо мерял шагами пространство.

— Наконец-то, — проворчал он, — не торопитесь прийти на помощь, господин субидар.

Карлайн не стал указывать его светлости, что пришел сразу же, не мешкая. Герцог нервничает из-за болезни коня, надо его понимать.

Жеребец монарха стоял в обширной конюшне. Его болезнь была видна даже ничего не понимающему в лечении человеку. Мутный взгляд, прерывистое дыхание, полная апатия. Он даже не обратил никакого внимания на пришедших. Кормушка была полна зерна, а поилка — воды.

— Адрон не ест, не пьет, отказывается выходить из конюшни, — пожаловался герцог, — раньше буянил, несколько раз приходилось ремонтировать помещение. Пройди кто мимо — ржал от злости на полгорода. Настоящий боевой конь. А сейчас..., - он махнул рукой, — вылечи парень, озолочу.

— А что же ваш субидар? — из вежливости поинтересовался Карлайн, обратив внимание на неприкаянно стоящего шагах в десяти человека.

— А-а! — герцог махнул рукой, — говорит, что сглазили. Приглашали и жрецов, и священников. Не помогло. Звали эльфов, но те в лицо мне рассмеялись и порекомендовали принести самого субидара в жертву. Наверное, так с ним и сделаю.

Карлайн улыбнулся, потом посерьезнел. Жеребца надо осмотреть и лечить. Иного выхода не было, судя по внешнему виду, скоро ему будет совсем плохо и конь умрет. Он подошел к яслям, положил руку на лоб жеребцу. Тот был огромным, просто какой-то суперконь. Юноша с опаской посмотрел на его большие копыта. Зримо представил, как они пинают. Ужас!

Постарался отвлечься от страшных мыслей и успокоиться. Надо понять, как себя чувствует конь. Понемногу он погружался в ощущения и чувства коня. Боль в животе, нет даже не в животе, а в кишках. Тошнота, противное ощущение крови во рту. И постепенно растущее желание умереть и избавиться от всего этого.

Карлайн привычно поделился теплотой, радостью жизни, постарался утихомирить боль.

Конь удивленно посмотрел на него. Что-то спросил. Но в отличие от единорогов, коня Карлайн не понял. Он постарался вслушаться лучше, представив себя тоже большой, могучей лошадью.

«Кто ты?» — он услышал вопрос.

«Я пришел вылечить тебя».

«А сможешь?»

«Я вылечил единорогов. Ты их знаешь?»

«Знаю. Задаваки, как и их хозяева. Но бегают они быстро и стрелам в глаза смотрят, не прячутся».

«У тебя что-то с животом. Я должен его пощупать. Ты ведь не будешь пинаться?»

Адрон мотнул головой, подтверждая, что не будет.

Юноша стал мягко поглаживать живот, пытаясь найти место болезни. Странно, но желудок не болел, желчный пузырь не был воспален, печень, почки — все в относительном порядке! Карлайн вытер выступивший на лбу пот. С таким он сталкивался впервые. Жеребец казался здоровым, хотя и на внешний вид, и по ощущениям он болен! Может, действительно его сглазили?

Глава 20

Он перешел к задней части живота. А кишки-то немного побаливают. Такое чувство, через них проходило что-то крупное, их поцарапавшее.

Он снова положил руку на лоб коня. Тот охотно откликнулся. Ему стало немного легче от перекаченной силы, появилась надежда на излечение.

«Что ты ел в последние дни?»

«Последние? Ничего. Воды немного пил. Мне больно».

«А до болезни?»

Карлайн понял — жеребец что-то утаивает.

«Скажи, это очень важно. Твоя болезнь произошла именно от этого».

«Несколько дней назад я съел веревку».

«Зачем?» — удивился Карлайн.

«Мне было скучно», — мысли Адрона приняли виноватый оттенок. Жеребцу было стыдно от совершенно глупости.

Карлайн, теперь зная, что надо искать, заскользил по коже живота. Если веревка застряла далеко... Нет, конец находится почти в прямой кишке. Хотя это даже лучше. Если удастся схватиться за него, то можно попытаться вытащить все веревку.

— Вылечишь? — герцог буквально подпрыгивал на месте, любопытно следя за манипуляциями лекаря.

— Надежды остаются, — дипломатично сказал Карлайн, — на вашем месте, ваша светлость, я бы выпорол конюха. Он оставил на яслях веревку. Адрон ее съел и теперь разбухшая веревка застряла в кишках и не дает выйти переваренной пище. Если так пойдет, через несколько дней конь умрет.

Герцог заскрежетал зубами, бросил взгляд на конюха. Тот что-то забормотал, потом скис, понимая, что оправдаться ему не удастся.

— Молись! — рявкнул герцог на него, — это последнее, что тебе остается.

Карлайн остановил кровожадные замыслы герцога.

— Ваша светлость, мне нужны кусачки размером с ладонь.

— Бегом к кузнецу, — рявкнул Рандав. Сразу человек пять рванулись исполнить приказ монарха. Тот в таком настроении мог наказать, несмотря на положение и степень вины.

Карлайн положил руку на лоб Адруну.

«Это веревка, — сообщил он жеребцу, — она застряла в кишках и не дает выйти

отходам. Я постараюсь вытянуть ее через задний проход. Будет больно, но другого выхода нет. Ты не будешь пинаться?»

«Не буду, сам виноват. Ты правда меня вылетишь?»

«После того, как я вытащу веревку, я тебе дам с водой специальное лекарство, оно выведет все отходы из кишок и желудка. Потом ты получишь успокаивающее и станет гораздо легче».

Волна надежды и сдерживаемого счастья прошла по телу гиганта.

— Ваша светлость, еще мне нужны несколько ведер горячей воды, ведро серой муки и несколько горстей соли.

Герцог махнул рукой. Еще несколько человек рванулось к кухне.

А ему предстояло сделать самое трудное — вытянуть веревку. Принесли кусачки. Юноша замялся.

— Ваша светлость, сейчас мне придется провести небольшую операцию, может вам лучше выйти?

— Я знаю, какого цвета кровь, — твердо сказал герцог.

— Но если...

— НЕТ!

— В таком случае я попрошу вас не мешать мне, даже если вас шокирует сама операция.

— Это я обещаю!

Карлайн погладил Адрона по боку, подошел сзади, погрузил руку с кусачками в задний проход.

Герцог возмущенно возопил, но мешаться под руками не стал, понимая, что сейчас не до него.

Рука Карлайна медленно продвигалась по липкой, теплой траншее. Кусачки во что-то уткнулись.

Веревка?

Он изо всех сил напряг свой внутренний взгляд. Кажется, да. Попытался захватить зубчиками за конец веревки. Несколько раз не удавалось. Лекарь уже начал отчаиваться, когда зубчики надежно ухватились за веревку. Потянул на себя, почувствовал, что коню стало больно, другой рукой поделился с ним своей силой. Немного помогло, но боль все равно оставалась. Ничего, терпи, коняка, веревка понемногу выходит.

Вытащив руку с концом веревки на свежий воздух, дал обоим передышку. Конь жалобно заржал. Карлайн положил руку без кусачек ему на лоб.

«Потери, немного осталось».

«Ты не знаешь, какая была длинная веревка», — пожаловался жеребец.

«Смешной, — улыбнулся Карлайн, — я вытащу веревку только частично, а когда она перестанет задерживать отходы, дам тебе лекарство. Веревка и выйдет вместе с отходами».

Жеребец облегченно вздохнул.

«Тогда тащи, — предложил он, — а то чем дальше, тем меньше хочется».

Под зубовный скрежет и ржанье жеребца он протянул еще на несколько ладоней. Проверил внутренним взглядом. Все, веревка выйдет и так.

— Ваша светлость, далее веревка пойдет естественным путем. Дайте мне половину ведра воды, — приказал Карлайн стоявшему рядом слуге и проверил вода. Из горячей она стала теплой. — Где мука? Положите в воду одну горсть и щепотку соли. Рад, флакон номер шесть.

Все флаконы для легкого распознавания были обозначены определенной цифрой. И сам поймешь, и слугам проще.

Карлайн, опираясь на эльфийские знания, накапал в ведро тридцать капель. Потом подумал, добавил еще десять. Кишечник закупорен, лекарства надо больше.

Размешал полученный раствор, поднес к Адрону. Положил ладонь на лоб.

«Выпей, очень надо».

«Я не хочу», — как ребенок закапризничал жеребец.

«Это лекарство, оно немного растворит переваренную пищу и заставит кишки сжиматься и разжиматься. Давай же, такой большой, а ведешь себя, как жеребенок».

Адрон потряс головой, возмущаясь, но к ведру наклонился и шумно стал пить. Несколько глотков воды и ведро опустело.

«Я ничего не чувствую», — пожаловался жеребец.

«Подожди, пройдет несколько минут», — пояснил Карлайн.

Он отошел к герцогу и произнес ту же мысль. Герцог понемногу успокаивался, хотя веревка, торчащая из филейной части коня, его нервировала.

Но вот Андрон, повинувшись позывам, напрягся и пустил мощную каловую массу. Потом еще и еще. Все, что накопилось за несколько дней, выходило одним порывом. С отходами легко выскользнула и веревка.

А Карлайн стал готовить успокоительное лекарство. В ведро с теплой водой он добавил три горсти муки, три соли, потребовал от Рада флакон номер девять, накапал оттуда двадцать капель содержимого. Пока Рад помешивал в ведре, подошел к Адрону, положил руку на лоб.

«Немного побаловывает в животе, но уже легче», — сообщил жеребец.

«Сейчас ты выпьешь успокаивающее, станет совсем легко и, может быть, даже захочется спать. Захочется есть — ешь»

«Спасибо тебе».

«Пожалуйста. Будешь жевать веревки — зови».

Жеребец шутливо толкнул его мордой, добродушно заржал.

— Все, ваша светлость, лечение закончено, я могу идти?

— Подожди, — сказал герцог, — притащите ко мне прежнего субидара, — велел он гвардейцам.

Тот чувствуя неладное, вяло сопротивлялся, но куда ему было отбиться от двух рослых солдат.

— Говоришь, сглазили, — недобро прищурился герцог, — вот что, ребята, вышвырните его вон из дворца. И дайте перед этим хороший пинок. — Повернулся к Карлайну, — с сегодняшнего дня ты — герцогский лекарь и субидар.

Глава 21

Он вернулся к вечеру, уставший, но довольный. Добиться расположения самого герцога стоило немало. Его светлость, как говорили, человеком был вспыльчивым, но справедливым. Тинниль, узнавший о благополучном лечении, порадовался за Карлайна и подтвердил его мысли.

— Благорасположения его светлости добиться не просто, но если он убедится, что ты существо бесполезное, его щедрости не будет границ.

Данг и Длани, пришедшие на шум и запах хозяина, довольные его появлением,

заигрывали с ним, толкая богами и захватывая пастями руки и ноги. С некоторых пор они стали более осторожными в играх с ним, осознав, что сильнее его и могут покалечить.

Карлайн покормил их, проследив, чтобы костей было почти столько же, сколько мяса, и выдал новые игрушки с привлекательными запахами диких коз. Пусть поиграют.

Пришли знакомые эльфы из герцогской гвардии, поздравили юношу с успешным лечением, выставили на стол бутылку старого вина.

— Теплое ты получил местечко, теперь будешь крутить и герцогом, и его окружением как хочешь. О своем здоровье знать вполне естественно бережется не меньше, чем о четырехлапых любимцах.

Карлайн неловко отшучивался, он быв лучше отпил чаю, но первородные принесли вино от чистого сердца. Его шокировало само представление. Эльфы угощают человека! Увидели бы жители его селения, у которых их заносчивость и гордыня вошли в поговорку.

— Я буду лечить животных, но не людей, — на всякий случай пояснил он, — ведь я только лекарь-субидар.

— Наш маленький друг немного заблуждается, — мягко улыбнувшись, сказал один из эльфов, — мне пришлось побывать в этой, так сказать, конюшне, — несколько презрительно выделил он последнее слово, — так вот, герцог объявил о твоём статусе ЛЕКАРЯ и СУБИДАРА, а не лекаря-субидара. Я прекрасно слышал интонацию, с которой он говорил.

— Но у меня нет патента лекаря, — растеряно сказал Карлайн.

— Ты опять ошибаешься, — теперь в разговор влез уже Тинниль, — у тебя патент лекаря-субидара и если ты думаешь, что слово лекарь ничего не означает... В основном ты лечишь скот, но можешь и людей. Гильдия и магистрат это подразумевали с самого начала. Или ты думаешь, вас, умеющих лечить, так много?

Карлайн застыл с открытым ртом. Вот это да! От удивления он сделал большой глоток вина и закашлялся под дружный, незлобивый смех. Тьфу ты!

Выпив по бокалу вина и еще раз поздравив лекаря эльфы ушли. У них впереди был трудный день. У Карлайна и Тинниля тоже и потому, поужинав, они собирались отправиться спать. Но пришел Лед и озабоченно сказал, что прибыли посыльные. Три гвардейца из состава людского отряда. Этого еще не хватало! Какие еще неприятности могут возникнуть уходящим днем? Эльф и лекарь переглянулись. Но посыльных его светлости не выкинешь, как нашкодивших щенков. Пришлось пригласить.

Впрочем, они зря переполошились. Старший из гвардейцев, восхищенно и немного испуганно посмотрев на немедленно появившихся кошек, потягивающихся и многозначительно раскрывающих пасти, доложил, что его прислали для передачи господину лекарю платы за лечение. И положил на стол небольшой кошелек.

Гвардейцы ушли.

— Наш герцог либо страшный жлоб, что на него непохоже, либо, — эльф взял кошелек, — либо здесь...

Он вытряхнул содержимое на ладонь. Пять монет. Золото!

— Что ж, — глубокомысленно сказал Тинниль, — поздравляю, ты стал любимцем его светлости. Золотые монеты так просто не дают, даже за лечение любимого коня. Молодец!

На ночь Карлайн устраивался с Радом в спальней. Ламус недавно женился и юноша великодушно разрешил телохранителю ночевать дома, хотя это и было вопиющим нарушением обязанностей охранников.

Кошки, спавшие круглосуточно и так же круглосуточно бодрствовавшие, ночевали в

доме, где им угодно и ходили как им вздумается. Направить на путь истинный их уже стокилограммовые туши не мог даже хозяин. А уж остальных кошки и слушать не желали, рычали и многозначительно плотоядно облизывались. Вазлиборские кошки подчинялись только природному зову, а все остальные должны были слушаться их рыка. Тинниль постепенно привык к тому, что, придя в кабинет, он видит развалившихся на полу кошек, красноречивым рычанием намекающих на наступивший в этот день праздник. Или в самый разгар приема больного, пришедшего определиться с диагнозом и подобрать лекарства, в проеме двери показывалась рычащая морда, пугающая в первое время посетителей Тинниля до полусмерти.

Карлайн на разбойное поведение своих питомцев смотрел равнодушно. Если боги решили создать кошек такими, то сможет ли он возражать? Тинниль был с ним полностью согласен, прислуга попробовала возражать (кто чем мог: Рад — палкой, Равна — криком, Хана — кухонной утварью), но потом смирилась, получив несколько болезненных укусов. Тем более, кошки бродили бесшумно и единственно, что они требовали — все двери должны быть открыты. Женской части это не нравилось, но после дважды выломанной двери Лед, который также исполнял обязанности плотника, предупредил, что больше целых дверей у него нет. Пришлось смириться и с открытыми дверьми.

Но именно это их и спасло. Карлайн давно видел десятые сны, когда в одной из комнат раздавался громopodobный рев кошек. Рад проснулся раньше, зажег свечу и побежал на рев. Кошки напрасно орать не будут.

Карлайн, наспех одевшись, схватил кинжал и направился следом за ним. По пути он сориентировался. Рев раздавался из внутреннего дворика. Его окликнул Тинниль, тоже проснувшийся и спешащий на шум с коротким палашом и лампой, наполненной земляным маслом. Комментарии эльфа были коротки и очень неприличны.

Предстояло услышать или, точнее, увидеть объяснение кошек по поводу поднятого шума. Ибо вплоть до сегодняшней ночи они такого бедлама не устраивали, понимая, что людям и эльфам когда-то надо отдыхать.

Рад разглядывал какую-то темную массу на полу, на которую кошки рычали. Когда Карлайн подошел поближе, от увиденного у него стало першить в горле. На полу лежало растерзанное тело человека. На этот раз им никак не оправдаться. Выгонят из Гарна или даже осудят. И герцог не поможет. К убийцам в герцогстве относились очень плохо.

Пришедшие женщины заохали, тоже ожидая самое худшее. Если не хозяина, то его кошек ожидало самое плохое. Настроение юноши упало еще больше.

Тинниль был настроен иначе. На пессимистичные, почти истерические высказывания Карлайна он рассудительно ответил:

— По существующим в герцогстве законам, проникновение в чужое жилье без представителя официальных властей наказуемо. А к нам залез вор. Виновник платит большой штраф или продается в рабство. Впрочем, если пострадавший дворянин или служащий герцогской администрации, то вердикт выносится герцогом. А у него один приговор — смерть. На радость черни виновника четвертуют или колесуют. Наши кошки только исполнили приговор.

Он сунул руку в карман.

— Я как раз взял два листочка валерианы. Данг, Длани это вам.

Кошки, учуяв запах приводящего их в экстаз растения, перестали рычать. Длани тронула лапой эльфа, намекая, что надо бы угостить. Получив по листочку, они вначале их

облизывали, прижав к полу, а потом положили в рот и принялись сосать как леденец.

Тинниль зевнул.

— Прикажи своим кошкам покараулить тело. И ни в коем случае не есть. А утром вызовем чиновника из магистрата.

Рад покачал головой.

— Придется и мне покараулить. Боюсь, ваша честь, что о воровстве здесь речи не идет. Посмотрите, он одет в свободную черную блузу и черные штаны с красным поясом. Обычная одежда вышедших на дело убийц. И еще нож. Это оркский ритуальный клинок. Говорят, если им убить, то душа уже не возродится.

— Не возродится, — Тинниль задумчиво посмотрел на нож, — вот он какой. Нас заказали по высшему уровню. И, как я понимаю, главной жертвой должен был стать Карлайн.

— Почему? — смущенно спросил юноша. Прожив всю сознательную жизнь в постоянной смертельной опасности, он не испугался новой угрозы. Ему стало неудобно перед остальными жильцами дома, которые едва не отправились на тот свет из-за него.

Тинниль, увидев его реакцию, принялся расспрашивать. А когда узнал, оглушительно захохотал, что было для спокойного, уравновешенного эльфа крайней редкостью.

— Иди спать, — посоветовал он, отсмеявшись, — завтра будет тяжелый день. Впрочем, если Рад прав, а я вижу, он прав, то тебя не судить будут, а благодарить.

Утром пришедший Ламус был немедленно отправлен в магистрат. Чиновник стражи, услышав об убийце, явился быстро, оставив своих людей, кроме одного, на улице.

— У вас, несомненно, находится амулет, призывающий несчастье, — рассудил он, — такое количество преступлений случается только в борделе, что в разбойном квартале. Где покойник?

Увидев останки, он присвистнул, спросил, не сдвигали ли тело, и принялся за тщательный обыск, попросив Карлайна сдерживать кошек. Те не то, чтобы приставали к нему, но крайне заинтересованные, совали свои носы буквально под руки чиновника, чем нервировали его. Карлайну пришлось прикрикнуть на них, а Дангу даже дать подзатыльник. Тот оглушительно ревел, обнажал клыки, царапал лапами пол, требуя, чтобы хозяин, как настоящий мужчина, вышел на честный бой, но все же отошел от тела и лег рядом с Длани.

Повозившись с полчаса, чиновник велел спутнику принести носилки и с напарником унести его морг.

— Дополняя свою мысль о неприятностях, — улыбнулся чиновник, — хотел бы сказать, что их итогом является очередное обогащение господина лекаря. Магистрату пора вводить отдельную городскую подать на вашу оплату. Ваши кошки убили Юна-висельника, одного из главных мерзавцев Гарна. Он так надоел городу, что магистрат назначил за его голову семьдесят серебряных монет, видимо, в надежде, что никто не сможет их получить. Ха-ха! Я доложу сегодня же мэру эту неприятную новость. А вы, в случае чего, обратитесь к герцогу, а то мэр у нас большой сквалыга, может, так сказать, забыть.

По-видимому, чиновник был не очень высокого мнения о своем начальнике. Карлайн, впрочем, с ним был вполне согласен. Пусть раскошеливается.

Глава 22

Обычно зная, озабоченная болезнью своих любимых животных, сама посещала скромное жилище лекаря. Но иногда его вызывали, как, например, герцог. Или животное

была большая и не могла передвигаться. А иногда из-за спеси.

Сегодняшний случай, по мнению Карлайна, был именно из разряда гордыни. Леона де Карфинд графиня Моренд баронесса Леканд прислала просьбу приехать в ее скромный домик и осмотреть ее любимую кошку. Немедленно. Десять рослых слуг придавали этой грозной просьбе небывалую силу. Посыльный прибыл в роскошно украшенной карете, а слуги — на породистых лошадях.

— Одна из самых знатных и богатых женщин герцогства, — тихо сказал Рад, — еще неизвестно, чьи владения больше — ее или личный феоде герцога.

Посыльный — немолодой мужчина, судя по надменному виду дворянин, стал нетерпеливо пристукивать каблуками ботинок. Откуда ему знать, что вазлиборские кошки с их тончайшим слухом воспринимают постукивание как движение жертвы. Нет, человека они не убьют, но наиграются всласть.

Карлайн не успел предупредить посыльного графини, две молнии пролетели через коридор и комнату и повалили его на пол. К счастью для посыльного, кошки научились осторожно обращаться с нежной человеческой плотью. Иначе два стокилограммовых тарана разорвали бы тело на куски. Но все равно, вдруг оказаться на полу и видеть жуткий оскал двух кошек было тяжелым испытанием.

— Данг, Длани, — спокойно сказал Карлайн, — отойдите от достойного господина. Это невежливо.

Длани обижено зарычала, Данг грозно взревел. Кошки намекали, что это их честная добыча. Но от жертвы все же отошли.

— Извините, господин, — Карлайн помог встать посыльному, — сейчас я пошлю за сумкой с лекарствами и некоторыми инструментами и мы отправимся. Рад, возьми саквояж. Мы выходим.

Мужчина вдруг улыбнулся.

— Мне намекали, что вы человек своеобразный, но чтобы настолько своеобразный... Проучили вы меня. Кстати, вы не дворянин? Ну хотя бы воспитывались в дворянской семье? Слишком уж вы ведете себя, как дворянин. Простонародье воспитано иначе.

— Я едва помню своих родителей, — покачал головой Карлайн, — но вряд ли. Мы кое-как сводили концы с концами. Практически голодали.

Посыльный похмыкал и повел Карлайна к карете. Внутри карета была не менее роскошной. Юноша даже не смог определить, из каких материалов обивка и сиденья.

— Карета сделана из редчайших и потому дорогих материалов. Цените милость графини. На моей памяти такой чести удостоивались не многие приглашенные.

Карлайн, оставшись без привычных кошек, поскуучнел. Почести графини его интересовали не столь сильно. Скорее всего, придется разговаривать со вздорной старухой, которая ополоумела от своего богатства, кичится знатностью и, за неимением детей, сюсюкает с кучей наглых кошек. Хоть заплатит она нормально? Денег у него было уже так много, столько, что в банке просили сообщать о времени его предполагаемого визита, чтобы присылать карету, как для одного из самых уважаемых вкладчиков. Но терпеть унижения бесплатно...

Скромный домик графини оказался пятиэтажным замком, занимающим целый квартал. Карлайн мрачно решил, что если она заплатит менее ста серебряков, он здесь больше не покажется.

Они прошли мимо двух рослых слуг в ливреях и двинулись вверх по лестнице. Раду путь

преградили и он остался в ливрейной. Пришлось нести саквояж самому. Еще одна причина для мрачного настроения. Карлайн вскоре потерялся в бесконечной череде комнат и коридоров. Когда его спутник неожиданно остановился около одной из дверей, он по инерции пролетел еще несколько шагов.

Провожатый недовольно посмотрел на него, постучал в дверь. Дождался разрешения войти, открыл дверь. Вошел первым, поклонился, представил Карлайна.

Юноша вошел, услышал стук закрываемой двери, оглянувшись, увидел, что посыльный ушел. Слева от входа в этой небольшой комнате за столом сидела светловолосая девушка. Лет семнадцати — восемнадцати, — определил Карлайн, — довольно симпатичная. Служанка или родственница графини? Одета хотя и скромно, но не из дешевых тканей.

Увидел стоящие неподалеку от нее костыли, удивился. Девушка была на вид здорова. Они у ней вместо мебели? У богатых свои причуды.

Он галантно поклонился, девушка кивнула. Карлайн хотел сесть на стул, но единственный свободный находился около девушки. Неизвестно как она отреагирует, еще начнет кричать. Вот скандал-то будет! Лучше он постоит.

Девушка пошевелилась:

— Вы так молоды для лекаря. Сколько вам лет?

Карлайн решил немного пофамильярничать. Вспомнив, как парни вели себя в него селении, весело ответил:

— Почти шестнадцать, крошка.

Если бы он в это время смотрел на девушку, заметил бы, как дернулось ее лицо от такой вольности. Но его занимал роскошный гобелен на противоположной от нее стене. Когда же он повернулся, она пришла в себя и ее лицо ничего не выражало.

Подумав, она позвонила в колокольчик.

В комнату вошла молодая служанка, поклонилась.

— Слушаю, ваше сиятельство.

Карлайну стало не хватать воздуха. Он прислонился к стене, тяжело дыша и потея от стыда. Так обратиться к графине. И с чего он решил, что она будет старухой? Нет, он не преклонялся перед сиятельной знатью, на его взгляд, они состояли из той же плоти и болели такими же болезнями, но грубить хорошенькой и кажущейся такой беззащитной девушку было верхом хамства.

Служанка выслушала приказание, вышла.

— Прошу простить меня, ваше сиятельство, я не знал, кто вы, — проблеял Карлайн.

Графиня улыбнулась.

— Ну же, смелее. Наглый вы гораздо интересней.

Карлайн обиделся и надулся. Лучше бы она была старухой. По крайней мере, выглядела бы пострашней.

Вошла служанка, следом за ней двое слуг несли большую плетенную корзину. В ней лежала кошка, жалобно мяукая.

— Господин де Кафар, — властно заговорила графиня. Девушке в комнатке больше не было — за столом сидела властная владелица богатств и людей, — у моей кошки Малики сломаны обе передние ноги. Вы возьметесь ее вылечить?

Вместо ответа Карлайн склонился над корзиной. Графиня назвала его дворянином. Приставка де давалась только им. Но это не оправдывало ее действий. Ноги были сломаны явно умелой человеческой рукой! Она любит издеваться над животными?

Он покосился на нее. Вроде бы нормальный человек, а творит такие жестокости. Карлайн знал подобных людей, измывающихся над себе подобными, но особенно над животными. Ибо человек может дать сдачи, его кое-как защищает закон, животных же никто не защищает. Да, графиня, вы полны скверны. А как мило выглядите! Познакомить ее с его вазлиборскими кошками?

Стараясь не глядеть на графиню, Карлайн спокойно ответил, что готов вылечить кошку где-то за три-четыре недели. Или, может быть, раньше. Все будет зависеть от состояния самой Малики. Девушка кивнула.

Он осторожно разжал кошке челюсти и влил с помощью пипетки несколько капель сильнодействующего снотворного. Животное так было измучено, что почти не сопротивлялась, только тоненько запищало, жалуясь на жизнь. Вскоре она заснула.

Карлайн умело состриг шерсть на сломанных лапах. Приготовил гипс, попросив немного воды, прогипсовал бинты. Используя тоненькие металлические пруточки, зафиксировал сломанные ноги, чтобы кости правильно срослись, обмотал их бинтами. Сейчас гипс застынет, ноги получат защиту на время выздоровления.

Еще раз покосившись на графиню, юноша выложил из саквояжа несколько склянок.
— Ваше сиятельство, в этой баночке болеутоляющее. Я оставлю вам пипетку. Вечером необходимо дать вашей кошечке пять капель этого лекарства. А в этой успокоительное, которое можно использовать и как снотворное. Тоже пять капель. Если кошка не будет засыпать, дайте еще пять. Не запутаетесь, ваше сиятельство? Кошачье болеутоляющее под цифрой семнадцать, успокоительное — двадцать два.

Графиня улыбнулась от назидательного тона лекаря. Когда он принялся за лечение, стеснительность сразу исчезла. Ей стало понятно, что, несмотря на пугающую юность, перед ней настоящий врачеватель. Причудливые слухи о его умениях, разошедшиеся по городу, скорее всего, правдивы и ее кошка будет излечена.

— Это пища, показал Карлайн на два следующих флакона. Под номером тридцать два — рыбий жир, тридцать три — говяжий бульон. После того как проснется, покормите с пипетки. И ни в коем случае не давайте ей вставать! У вас много людей, пусть слуги покараулят. Если кошка будет настаивать, дайте ей успокоительное. Периодически необходимо носить ее в туалет.

С позволения вашего сиятельства, я хотел бы навестить больную с утра.

— Да, разумеется, я пришлю за вами карету, — властно, но покорно согласилась графиня, — во время болезни можете посещать мое жилище постоянно. Вы, кажется, хороший субидар.

Глава 23

Карлайн ушел, раздираемый противоречиями. Молоденькая графиня, старше его всего лишь двумя или тремя годами, не оставила юношу равнодушным. Но властность, а, самое главное, жесткость в обращении заставляли его сторониться девушки. Она являлась представительницей одного из самых знатных родов, а он — бедный простолюдин. Нет, теперь-то не бедный, но знатности ему это не добавило.

Наверное, знатное происхождение позволяло ей совершать непонятные для него поступки. Например, ломать ноги своей кошке. Он сравнил графиню с Равной. Та было очень простодушной и бесхитростной, совершенно понятной. А эта Леона...

Но вскоре после возвращения ему стало не до самокопания в душе. Прискакал

взбудораженный гвардеец с известием, что один из лейтенантов гвардейской пехоты был нечаянно ранен в бедро и истекает кровью. Его перевязал местный служитель, играющий роль что-то вроде санитаря, но кровотечение ему остановить не удалось.

Раненый из пехоты, значит, человек. Герцог не разбрасывался эльфами, используя их только в качестве лучников — конных и пеших. Это было плохо. Не то, чтобы Карлайн жалел людей больше первородных, но эльфы были гораздо выносливей и крепче здоровьем. Раненый эльф имел больше шансов выжить, чем раненый человек.

Гвардеец привел запасную лошадь. Торопливо уложив саквояж, Карлайн кое как взгромоздился на нее. Он имел небольшой опыт конской езды, но все равно выглядел в седле, по словам Тинниля, как мешок овощей. С соответствующими ощущениями. Поэтому предпочитал передвигаться пешком или, если повезет, в карете. Но раненый торопил и поэтому приходилось терпеть неудобства.

Когда он прискакал, лейтенант лежал без сознания. Герцог был серьезно озабочен. Мало того, что он мог потерять одного из преданных ему людей, так еще возникала и проблема замены офицера. В людской части было всего три высокопоставленных командира, — полутысячный Граф де Ланс, которого он по новомодной привычке уже третий год называл капитаном и два сотника (лейтенанта). Все остальные — десятники (сержанты) и полусотенные (прапорщики) — по армейским традициям тоже считались офицерами и при переходе в армейские части получали офицерское звание. Кроме того, они могли претендовать на дворянское звание. Но по сути говоря, командирские функции были только у трех высших офицеров. Остальные играли роль унтеров. И вот теперь с одним из офицеров беда.

Карлайна он встретил с радостью, к которой примешивалось недоверие. Вытащить веревку из живота жеребца ему удалось без всяких затруднений, Адрон здоров и прекрасно себя чувствует, судя по числу укусов у окружающих. Виноватого конюха выпороли, но так, чтобы не покалечить... Сможет ли лекарь залечить тяжелую рану?

Лейтенант граф де Моньер был мужчиной лет тридцати, обремененным прелестной женой и тремя детишками от трех до десяти лет. Она стояла в изголовье мужа, а дети, напуганные произошедшим, были непривычно для их возраста молчаливы и неподвижны.

Рядом стоял виновник ранения — гвардеец явно благородного происхождения. У них был учебный поединок, но оба увлеклись и один из сильных ударов граф неловко отбил. Клинок шпаги пропорол ногу. Гвардейца пока никто не обвинял, но если лейтенант умрет, у него начнутся серьезные неприятности.

Карлайн уверенно продрался через толпу, стоящую вокруг раненого, положил руку на лоб. Память эльфа подсказала, что у него небольшой жар, лихорадки нет, сердце стучит чуть замедленно. Рана не тяжелая, но вытекло много крови. Надо сшить кровеносные жилы и зашить саму рану. Если не будет осложнений, лейтенант выздоровеет через две — три.

Карлайн кивнул в такт своим мыслям. Оглянулся, словно впервые увидел всех и властным тоном потребовал покинуть помещение.

— Вам тоже, ваша светлость, — сообщил он герцогу, который подразумевая свое положение, собирался остаться. То же самое он потребовал от графини.

Герцог и графиня собирались поспорить, но юноша смотрел спокойно и твердо. Им пришлось уступить и уйти. При этом герцог бросил предупреждающий грозный взгляд, а графиня — просительный. Теперь все было в руках богов и молоденького лекаря.

Он остался один с санитаром гвардейцев, который должен был ему помогать. Пока

санитар ходил за горячей водой, вспорол бинты. Рана показалась страшноватой, но он не испытал никаких чувств. Житель приграничного селения, Карлайн с раннего детства видел убитых и раненых, а когда подрос, перевязывал раны, в нескольких случаях даже сшивал их. Однажды ему пришлось отрезать разможенную кисть. Лекарей у них не было, жители сами спасали жизни близких. Рана лейтенанта ничего нового ему не показала. К тому же, память эльфа подсказала, что рана не тяжелая, а скорее средняя. Нервные жилы не задеты, кость не сломана. Мясо же заживет быстро, лишь бы операция была проведена хорошо.

Карлайн подождал, пока санитар приготовит рану, обмыв ее и убрав возможный мусор, вытащил из саквояжа хирургические инструменты и принялся сшивать жилы и плоть, потом зашил и саму рану. Нитки у него были особенные, эльфийские, полученные от Тинниля. Тело их не отторгало и рана заживала быстрее. От причиняемой боли лейтенант в середине операции очнулся. Пришлось накапать ему снотворное. Лейтенант снова задремал, но не до конца, чувствуя боль и негромко вскрикивая.

Но вот операция закончилась. Перевязав рану, убрав инструменты и потребовав вечером сменить повязку, Карлайн вышел из комнаты. Графиня, глядя на лекаря, залитого кровью ее мужа, испуганно спросила срывающим голосом:

— Он умер?

Такой же вопрос задал капитан гвардии.

— Да что же вы его хороните! — рассердился на них юноша, — после операции я влил в него снотворного. Его сиятельство спит. Беспокоить его нельзя.

Он смягчился, глядя на тревожное лицо графини.

— Хорошо, графиня, вы можете войти на пару минут. Без детей. И вы, ваша светлость, — поклонился он герцогу. — Больше никого не пущу. Капитан, буду вам признателен, если вы поставите у дверей пару человек, чтобы не пропускать праздношатающихся.

Капитан кивнул, тотчас же отдал необходимые причины.

— Ваша светлость, — остановил он Рандава, — раненому необходимы помощь и обычные услуги — пища, горшок, наблюдение.

Герцог, не спросивший о состоянии здоровья и потому не попавший под ругань лекаря, кивнул. Впрочем, стоявший рядом пожилой человек, оказавшийся отцом лейтенанта, поспешно заверил, что обо всем позаботится.

За вечер ничего не произошло, если не считать прихода посыльного графини, принесшего увесистый кошель денег.

— Триста монет серебром и это только часть оплаты, — определил Тинниль, — послушай, — обратился он к Карлайну, — благодаря тебе я удвоил доходы, и зарабатываю сейчас десятков пять — шесть серебряков в месяц. Но ты зарабатываешь по несколько тысяч серебра. Куда тебе столько?

— Хочу город купить, — не задержавшись, сострил Карлайн и они засмеялись.

Утром он с Радом вновь отправился к раненому, поручив Ламусу передать людям графини де Карфинд, что он находится в герцогском замке.

Раскрасневшись от быстрой ходьбы, Карлайн сразу отправился к раненому. Стояла ранняя осень, по утрам было уже весьма прохладно, но это прохлада еще не замораживала, а бодрила.

Раненый уже проснулся. Сиделка под наблюдением жены кормила графа бульоном. Карлайн поздравил себя и порадовался за графа — аппетит означал идущее выздоровление, а

он сделал хорошую операцию.

Видимо герцогу сообщили о появлении лекаря. По крайней мере его светлость удивительно точно зашел в покои раненого. Поздоровавшись с юношей, герцог заинтересованным взглядом начал наблюдать за его манипуляциями.

Дав графу откусать, юноша осмотрел его — жара почти не было, лихорадка не появилась. Рана была перевязана качественно — Карлайн поставил зарубку — надо попросить герцога наградить санитаря. Он снял повязку и, не колеблясь, оторвал присохший к ране кусок бинта. Граф глухо вскрикнул, боль была ощутимой и острой. За ним вскрикнули жена и герцог, удивленные и даже возмущенные изуверством лекаря. Но Карлайн был доволен — припухлость была сравнительно небольшой, гноя вытекло немного.

— Поздравляю, ваше сиятельство, — обратился он к побледневшему от боли графу, — рана заживает без осложнений, самочувствие у вас, я вижу, хорошее. Наверное, через неделю я вам разрешу вставать.

— Благодарение богам, что вы оказались в Гарне, — глухо сказал граф, — до вас в гвардии умирали и от более легких ран. Я ваш должник. Сам я вчера уже расставался с жизнью.

Жена графа молчала, но признательный взгляд говорил, как она благодарна юноше за спасение мужа.

— Не лекарь, но вижу, все хорошо, — заметил герцог, выходя с Карлайном, — говорят, что вы делаете успехи не только в лечении. Вас видели вчера выходящим из особняка графини де Карфинд. А сегодня смотрю — карета графини уже ожидает вас около ворот замка. Леона — отличный выбор.

— У нее заболела кошка, — краснея, запротестовал юноша.

Герцог тонко улыбнулся и ничего не сказал.

Во дворе Карлайна перехватил виновник ранения. Карлайн опасался, что тот обрушится к нему с претензиями, но гвардеец рассыпался благодарностями.

— Позвольте представиться: шевалье Токар де Эрзуэль. Вы спасли мне не только карьеру, но и, скорее всего, жизнь. И самое главное, вы уберегли мой род от позора. С графом я уже разговаривал — он не имеет ко мне претензий. Все случилось совершенно случайно. Но если бы он умер, меня бы ничто не спасло.

Не давая юноше говорить, гвардеец снял с пальца массивную золотую печатку.

— Я прошу принять в знак моей бескрайней благодарности эту печатку. Она не только много стоит. Это печать моего рода — де Эрзуэлей. Я разрешаю вам пользоваться ею.

Карлайну осталось только раскрыть широко рот от удивления.

Глава 24

Выйдя со двора, Карлайн направился к карете. Ну герцог, ну сиятельный болтун. Конечно, лекарь смотрел на графиню не только как знатную дому и владелицу кошки, но и красивую девушку. Но жизнь научила его смотреть на будущее практично. Максимум, что он мог сделать — издалека любоваться красавицей.

Графиня уже ждала его в той же комнате. Кошка Малика на этот раз была с нею. Она свернулась в клубок, прижав сломанные лапки к груди и негромко мурлыкала.

Приход Карлайна был встречен графиней — с облегчением, а Маликой — настороженным ворчанием. Карлайн понимал — его приход в ее сознании связан с болью. Поэтому он повел себя как истинный кавалер, протянув кошке кусочек мяса, обтертый в

валериане. Кошка, разумеется, с добродушным урчанием его съела. А он погладил кошку по спине, рассказал, какая она красавица. Простодушная Малика забыла, кто ее накануне мучал, снова принялась мурлыкать.

Графиня с интересом наблюдала, как лекарь возится с кошкой.

— Скажите, а вы не хотите взять ее к себе? Я дам за ней большой мешок серебра. Хватит и ей, и вам.

— Вы ее словно замуж выдаете, — засмеялся Карлайн, — я возможно соблазнился бы, но мои кошки разорвут в клочья конкурента.

— Вы не знаете Малику, — не сдавалась Леона, — она сильная и выносливая.

— Ваше сиятельство, у меня вазлиборские кошки. Они еще не до конца выросли, но уже сейчас весят больше ста килограммов каждая.

— Да? — удивилась она, — жаль. Хотя, конечно, вазлиборские кошки являются весомой причиной.

— Простите, ваше сиятельство, за любопытство, — не сдержался Карлайн, — но почему вы хотите избавиться от своей явно любимицы?

— Все очень просто, — спокойно ответила Леона, — через три дня завершится траурная годовщина после смерти моего отца. По закону, поскольку прямых мужских наследников у него не осталось, с окончанием траура любой мой родственник мужского пола может объявить себя графом. Он уже известен — виконт Таннер де Ластиар — мой двоюродный брат. Это он сломал лапы моей кошке — намекает на будущую судьбу.

— Он такой жестокий? — вырвалось у Карлайна. Он досадовал на себя — почему он все сваливал на девушку. Видна же, она милая и добрая.

— Нет, он обычный. Моим людям при нем будет даже лучше. Кошка — обычное животное. Я не думаю, что мне будет совсем плохо. Меня отправят в Олину — тюрьму-монастырь ордена кардамов, где дадут прожить несколько лет.

— Вас убьют?

— У кардамов больше десяти лет никто не живет. Тяжелая погода, скромная, так сказать, пища, маленькие камеры. Меня посадят в глубокую яму, из которой вынут только мертвое тело для захоронения на родовом участке городского кладбища Гарна. Возможно, когда придет срок и де Ластиар умрет, его положат рядом со мной. Мы же родственники.

Голос Леоны не был грустным, но отдавал таким холодом, что казалось говорит не человек, а свирепая вьюга завывает за окном.

— Я поговорю о вас с герцогом, — горячо сказал юноша.

— А что он сделает? — удивилась Леона, — почти все мои люди уже разбежались. Помните своего вчерашнего провожатого?

— Да, конечно.

— Лостар был старым другом отца. Я думал он останется, но и он сегодня скрылся.

Карлайн был потрясен.

— Я сегодня же пойду к герцогу!

Он действительно направился к Рандаву VII. Его светлость назначил через час большой прием, но лекаря принял немедленно.

Карлайн с горячим юношеским темпераментом рассказал о Леоне.

Рандав хмуро поглаживал подбородок.

— Большую часть информации мне известна. Но я не думал, что это так скоро. Быстро прошел год. Самое печальное, что все вершится по традициям и законам. Я не могу

напрямую вмешаться — меня никто не поймет — ни свои дворяне, ни правители других государств. Первые ответят дворянским бунтом, вторые — нападением.

Карлайн хмуро посмотрел на него.

— Вы отказываетесь помочь бедной девушке? — глухо спросил он.

Юноша, сам не понимая, вел себя откровенно нагло. Рандав не прощал меньшего даже знатым дворянам, а простолюдина он мог размазать в тонкий блин и выставить на всеобщее обозрение расчлененное тело. Но будучи дальновидным правителем, он понимал, что лекарь вполне может ему помочь. Он никому не говорил, однако, его очень не устраивало развитие событий, когда Леону де Карфинд, чей род традиционно являлся его твердым сторонником, заменит бретер, лихач, легковесный дворянин, практически чужой поданный. И что из того, что он уже клятвенно обещал быть на стороне герцога. Ранее он то же самое обещал другому правителю. Поэтому на эмоциональную вспышку юноши Рандав ответил улыбкой.

— Мой юный друг, вы немного горячитесь, — укоризненно сказал он, — я обосновал вам возникшие трудности. Но это совсем не говорит об отсутствии моей заинтересованности. Безвыходных ситуаций не бывает.

Герцог остановился, раздумывая, втягивать мальчишку в смертоносную игру или нет. Совсем еще юный. С другой стороны, жизнь его так потрепала, что он повидал гораздо больше, чем кузен графини виконт Таннер. Надменные эльфы стремятся к дружбе с ним и ни в чем не отказывают, вазлиборские кошки, которые оценивают людей только с гастрономической стороны, слушаются небрежного движения мизинца своего хозяина. Главное, надо будет проверить, как у него со шпагой. Хоть какой-то клинок он брал в руки?

— Традиции не оставляют женщин совсем уж беззащитными. Любой дворянин может выступить на защиту наследницы. И если она согласится видеть его своим защитником, дворянин становится официальным опекуном вплоть до ее выхода замуж.

— Но я не дворянин! — горестно воскликнул Карлайн, простодушно выдавая свои тайные замыслы.

Герцог едва не улыбнулся. Ах, юность, юность. Где его шестнадцать лет!

— Подойди ко мне после приема, — попросил он, — наш разговор еще не окончен. А пока иди за мной

Многозначительно улыбнулся, потрепал по плечу. Пора было отправляться в парадный зал, где уже толпились придворные и просители. Жизнь была ключом и правитель государства должен был помнить не только о судьбе графини де Карфинд, но и множестве других дел и забот.

Глава 25

В парадном зале было, как говорится, яблоку некуда упасть. Большой прием, собираемый один раз в месяц, являлся событием для герцогства значительным. Даже для дворянина (за исключением титулованной знати) получить приглашение на него было заметным успехом, а уж простолюдины из магистрата и богатейшего купечества считали желанный билетик на прием событием всей жизни. И были готовы заплатить за него очень многим — деньгами, услугами герцогской короне, преданностью.

Мажордом, выполняя приказание герцога, с трудом пристроил Карлайна у самой двери. Стоящие рядом удивлялись появлению на приеме молодого простолюдина, но узнав, скупно улыбались. Лекарь был фигурой очень нужной и за ним признавались некоторые

привилегии.

Герцог меж тем занимался своими монаршими делами. Он ввел во владение нового владельца феода — старшего сына умершего барона де Хорна, принял клятву верности у нескольких подросших дворян, дал согласие на брак молодого шевалье де Виорна. Последнее действие было сплошной фикцией, но традиции требовали одобрения сюзерена. Решил несколько имущественных споров. Разумеется, до этого дела были обглоданы стряпчими, неплохо на этом подкормившихся, и рассмотрены судами. Герцог уже ничего не мог сделать. Но традиция! Судебная тяжба считалась оконченной только после официального решения правителя.

Впрочем, Рандав VII все же был абсолютным монархом. Целый ряд решений с налоговых льгот, перераспределении феонов, назначении на должности были им приняты самостоятельно. Подсказки советников и происки заинтересованных лиц только делали решения для окружающих очень неожиданными, но подходящими самому герцогу.

Но самое неожиданное и сенсационное произошло в конце приема. Запели фанфары. Глашатай провозгласил:

— Карлайн ибн Саади Кафар, герцогский и городской лекарь и субидар. Пройдите ближе к трону. В ознаменование заслуг и доблестных поступков, его светлость соизволил принять вас в герцогскую гвардию в чине сержанта.

Зал ахнул. Людская часть гвардии при нынешнем правящем монархе Рандаве VII играла самые разнообразные роли. Помимо основополагающей обязанности — быть отборным ядром армии Ламодийского герцогства, гвардейцы являлись телохранителями герцога. Именно из гвардии черпались кандидаты на государственные должности. Новая традиция нигде не была прописана, но занять даже самый незначительный пост без службы в гвардии стало невозможно. Самые знатные дворяне не чурались прослужить год — другой рядовым гвардейцем, чтобы затем попроситься на освободившийся пост или просто уйти в отставку с правом ношения мундира и наслаждаться жизнью с репутацией «верного человека» в глазах монарха. Получить же звание сержанта и выше означало войти в очень узкий круг разумных существ, которым герцог доверял и на которых в первую очередь лился золотой дождь наград и пожалований.

Капитан гвардии, широко улыбаясь, протянул ошеломленному Карлайну сержантские эполеты. Тот едва не выронил их, еще не осознав, что судьба в очередной раз совершила крутой поворот, за шкуру таща его к вершинам жизни.

Он что-то промямлил о своей благодарности и готовности служить герцогу, чем вызвал на его лице очередную улыбку. Подождав, пока все утихнет, монарх дал сигнал. Вновь прозвучали фанфары. Заговорил герцог:

— Сержант нашей гвардии имеет право за хорошую службу и особые отличия быть зачисленным в ряды дворянства. Мы очень довольны его деятельностью на нашей службе и считаем возможным уже сегодня возвести сержанта Кафара в дворянское достоинство.

Он торжественно спустился с престола к Карлайну. Глашатай, который, похоже, имел еще обязанность подсказывать кандидатам на поощрения их действия. Он незаметно оказался справа чуть позади юноши и шепотом подсказал:

— Встаньте на левое колено.

Карлайн встал на левое колено. Герцог вынул из ножен шпагу, опустил на правое плечо и торжественно сказал:

— Властью, данной нам богами и предками, возвожу вас, Карлайн ибн Саади Кафар, в

дворянское сословие с титулом сьера.

Приглашенные на большой прием, похоже, были готовы либо коллективно упасть в обморок, либо потерять дар речи, но в зале стало очень тихо. За какие-то несколько минут пусть талантливый, но все-таки лекарь, то есть ремесленник, превратился в сержанта гвардии и титулованного дворянина. И пусть сьер был одним из самых низких титулов, но для огромного большинства простых дворян и он был неосуществимой мечтой. А тут какой-то мальчишка...

В полной тишине Рандав VII возвел нового дворянина в его статус и в ответ, при подсказке глашатая, Карлайн произнес вассальную клятву верности.

— Я милостиво присваиваю новому дворянину его герб.

По его приказу внесли большой лист бумаги. Большой рыцарский щит был разделен на две части. На верхней части были изображены две вазлиборские кошки, стоящие на задних ногах. В нижней — фрагменты личного герцогского герба. Его светлость не только произвел Карлайна в дворяне, но и сделал его своим непосредственным вассалом. Отныне он стал не только сюзереном, но и синьором и любое оскорбление сьера становилось и его оскорблением. Это уловили все присутствующие, кроме, пожалуй, самого новоявленного дворянина.

Герцог милостиво кивнул, по его приказу принесли шпагу в потертых ножнах.

— Это моя первая шпага, полученная мной от отца в семнадцать лет. С ней я пришел к герцогскому престолу и отбил попытку самозванцев лишить меня законных монарших прав. Я вручаю ее тебе, Карлайн ибн Саади де Кафар, и надеюсь, что ты не посрамишь старого клинка.

Под дружное рукоплескание герцог самолично надел пояс со шпагой на Карлайна. Тому едва не стало дурно от нахлынувших чувств.

Глава 26

Присутствовавшие на большом приеме спешили уйти из замка, чтобы поделиться необычной, сенсационной новостью об огромной милости его светлости к мальчишке лекарю.

— Держу пари, мои поданные сейчас ломают головы о причинах невиданных милостей к тебе, — герцог был серьезен, но глаза смеялись, — наверняка, они решили, что ты мой бастард.

Карлайн смутился.

— Теперь ты убедился в моих намерениях, господин лекарь? Остается только одна проблема. Хочу спросить тебя как дворянин дворянина — ты шпагу хоть один раз в руках держал?

Карлайн, подумав, отрицательно покачал головой.

— Ни разу? Плохо.

Рандав пригласил его пройти за собой. Оказалось, что они попали в специальную комнату для фехтования.

— Я покажу тебе несколько боевых приемов, чтобы проверить твои способности. По слухам, де Ластиар хорошо владеет шпагой и неоднократно убивал на дуэлях своих противников. Не хотелось бы отпускать тебя на верную смерть... Может, ты передумаешь, дворянский титул я тебе оставляю.

Карлайн судорожно сглотнул. Ему хотелось помочь беззащитной графине, этой

белокурой девочке, выглядевшей так беззащитно. Но платить за это собственной жизнью никакого желания не было. Рассудком это понимал, но чувства горячо были против пассивного наблюдения в стороне. Им подали учебные шпаги в ножнах.

Герцог красивым жестом вынул шпагу из ножен и прекратил его метания.

— Попробуй так же, — предложил он Карлайну.

Тот попытался возразить, как он сможет, впервые взяв шпагу, показать такое сложное движение. Но герцог строго посмотрел на юношу и тот промолчал, схватившись за эфес шпаги.

Рука начала неуклюже вытаскивать шпагу, он попытался обратиться за помощью к дару Тлани, но внезапно вместо уже привычного объема знаний и навыков сам оказался/всплыл/почувствовал себя на золотистой дороге, пронизывающей бескрайнюю голубую даль. Все его тело вдруг пронзило ощущение крайнего блаженства. Это длилось мгновение. Он снова оказался напротив герцога и почувствовал, как надо продолжать движение, какие мышцы напрячь. Вышло не столь красиво, но вполне достойно. Его снова научили!

— М-гм, — издал герцог неопределенный возглас, — ты действительно в первый раз взял шпагу?

— Клянусь всеми богами, — побожился Карлайн сам несколько удивленный своими способностями в военной сфере. Ведь он — избранник бога врачевания!

— Попробуем некоторые приемы, — предложил Рандав, — встань в оборонительную позицию.

Он показал, как надо встать. Карлайн почувствовал, что тело самостоятельно выбирает движения. Словно он когда-то умел фехтовать, но с тех пор прошло много лет и тело порядком подзабыло боевые приемы, а теперь постепенно их вспоминало.

Герцог пожал плечами, потребовал позицию атаки с трех четвертей. Он только начал показывать, когда Карлайн уже практически самостоятельно показал набор движений.

— Попробуем учебный поединок, — кровожадно потребовал Рандав, недовольный скрытностью юноши. Не мог так работать со шпагой новичок! Языком можно трепать сколько угодно, но движения тела ясно показывают, кто передо тобой — начинающий неумеха или опытный боец. Карлайн больше походил на ветерана в отставке. Герцог бы уже обрушился на него с претензиями, но смущал возраст. Ветеран в пятнадцать лет?

На всякий случай Рандав начал осторожно и едва не пропустил удар. Пришлось быть более активным. Вскоре ему пришлось драться в полную силу, поскольку Карлайн, вначале фехтовавший как-то заторможено, усилил натиск. В конце концов герцог понял, что он проиграл. В настоящем поединке он, как минимум, был бы дважды ранен. А может быть уже лежал на земле мертвый.

— Черт побери, — выругался он, — только не говори мне, что ты новичок. Меня учили лучшие мастера фехтования, отец не жалел денег, выписывая их из других стран. Я трижды менял стиль боя, используя редчайшие связки. И что же? Ты тоже с легкостью менял стили боя, всюду превосходя меня. Знаешь, что это такое?

Карлайн осторожно покачал головой, опасаясь еще сильнее разозлить герцога.

— Это значит, тебя учили учителя лучше моих. Ты — бастард, — уверенно сказал Рандав, — не мой, я за такими вещами тщательно следил. Другого монарха. А может, — пришла ему в голову другая мысль, — может не бастард, а законный наследник, жертва дворцового переворота. Если, конечно, ты мне не врешь. В каких кампаниях ты участвовал?

Карлайну тоже было не по себе. Он прекрасно знал, что в его жилах не течет монаршая кровь. А уж кампании... Смешно. Все заключалось в даре. Но тогда какой он, этот дар? Если единство травника и лекаря еще можно объяснить, как это сделал Тинниль, то умение драться на шпагах никак с ними не связано.

Он застенчиво улыбнулся, поскольку большего не оставалось.

— Ваша светлость, — взмолился он, — я с вами совершенно правдив. Сам не могу понять, откуда во мне это умение. До сегодняшнего дня я не брал в руки шпаги!

Видя отчаяние юноши, герцог смягчился.

— Ну-ну, не стоит так горячиться, — посоветовал он, — твои умения, хоть и удивительные, и таинственные, сейчас только на руку. И на счет кампаний я пошутил. Тебе нет еще пятнадцати, какие военные действия? Повторим-ка поединок.

Они снова скрестили шпаги и опять герцог, к немалому удивлению, оказывался в роли более слабого. Он проиграл два учебных боя и один с большим трудом свел вничью. При чем, как ему показалось, ничья эта целиком была заслугой Карлайна, довольно неуклюже уступившего поединок.

Это было довольно унижительно и чувствительно било по самолюбию. Зато герцог понимал, что шансы оставить виконта с носом стремительно растут. Графиня Леона останется полноправным властителем владений своего отца, а ему не придется страдать от острой, словно зубная боль, проблемы со своевольным вассалом. Он устроит пышные, торжественные похороны де Ластиару. На официальном уровне.

Рандав постарался привести свои чувства в норму, чтобы не напугать Карлайна. Юноша слишком важная фигура в его расчетах, не надо из-за такого пустяка, как тренировочные поединки, поставить на грань провала его тонкие замыслы.

Герцог даже дружелюбно улыбнулся, показывая свое расположение. Пригласил на следующий день прийти в замок, посмотреть Адрона.

— С ним, благодарение богам, все в порядке, — пояснил он, — просто осмотри. Я тебе очень доверяю.

Умелый собеседник, герцог сумел поднять настроение Карлайна, из замка он вышел полным надежд.

Напоследок он протянул Карлайну туго набитый кошелек.

— Это оплата за завтрашний осмотр.

Юноша попытался запротестовать, но герцог с загадочным видом настоял на своем.

Около ворот его остановил командир гвардейцев капитан граф де Ланс с лейтенантом бароном де Колинье.

— Сержант, — звучно спросил капитан, — ты никак хочешь зажать свое производство?

— И дворянство тоже, — добавил лейтенант.

Излишне медлительным Карлайн не был, сразу поняв направление мысли своих командиров.

— Ваши предложения, господа? — спросил он, широко улыбаясь.

— Производство надо спрыснуть, — деловито сказал капитан, — чтобы служба шла без остановок. Герцог все делает с расчетом на далекую перспективу, имея на тебя большие надежды, раз сделал сразу сержантом и сьером. У Березовых ворот есть трактир дядюшки Стоула, где мы обычно собираемся. Там неплохо кормят и подают сносные напитки. И откровенный сброд не пускают.

Березовыми являлись одни из трех главных ворот Гарна, называясь так из-за

использованного когда-то материала для строительства. Теперь они стали кирпичными, но название сохранилось. От них было ближе всего до казарм гвардии, поэтому гвардейцы чаще всего шли именно в этот трактир.

Появление Карлайна было встречено взрывом восторга. Трактир был до предела забит гвардейцами. И не только людьми, как было бы в случае производства любого другого человека, но и эльфами. Первородные считали его своим по духу и радовались вместе с людьми

— Хозяин! — демонстративно громко сказал Карлайн, передавая ему предусмотрительно выданный герцогом кошелек, — лучшего вина и закусок моим друзьям!

Глава 27

Ох, как тяжело жить на земле!

Карлайн застонал от, мягко говоря, головной боли. Голова просто раскалывалась, сводя с ума. Во рту все пересохло и попытка позвать на помощь ни к чему не привела. Только тихое шипенье.

— Очухался? — перед глазами Карлайна появился противно здоровый Тинниль, — сейчас дам любимое лекарство герцога с похмелья.

Он появился с кружкой.

— Пей! Холодная вода с настойкой из десятка трав еще никому не навредила.

Тинниль был прав. Карлайн впервые на себе убедился в мастерстве эльфа. Через десяток минут похмелье убавилось до щадимых рамок. Карлайн кое-как сел. Изнывающие от любопытства кошки сразу же поспешили к нему.

— Мяу? — поинтересовалась причинами странного поведения хозяина Длани. А Дани только боднул головой, стимулируя на рассказ.

— Как ты вчера нас удивил, да, кошечки? — поделился новостями Тинниль, а кошки утвердительно мяукнули. — Когда вчера мои родичи притащили мертвецки пьяного сержанта гвардии, я даже не узнал тебя и поинтересовался, зачем они приволокли этого пьянчужку. Но родичи сказали, что это один знакомый юный лекарь, проживающий здесь, а кошки признали в тебе своего хозяина, хотя и вертели мордами от резкого спиртного запаха. А уж когда я узнал о присвоении герцогом тебе титула съера... как ты умудрился в одночасье стать сержантом гвардии и дворянином?

Карлайн обессилено рухнул обратно в постель.

— Герцогу нравится цвет моих глаз, — кое-как пошутил он.

Тинниль, поняливо кивнул, перевел разговор на более важную для него тему:

— Да, кстати, первородные из гвардии, глядя на результат лечения графа, окончательно пришли к мнению — ты Алитэ, избранник одного из богов. Мы пришли к мнению, это Тамил — бог врачевания. Все признаки совпадает.

— Но я же не эльф! — на всякий случай возразил Карлайн, хотя сам пришел к похожему выводу.

— Был не эльфом. Сейчас в тебе много от первородного, хотя и человеком ты быть не перестанешь. Наши боги могут даровать свою милость к любому существу за помощь к своим детям. Видимо, ты оказался в числе избранных.

— Ох! — Карлайн растянулся во весь рост.

Кошки, удивленные и рассерженные непонятной ленью хозяина, подступили к нему и зарычали, требуя встать. А когда он не пошевелился, вцепились в одежду и стянули на пол.

Пришлось встать и имитировать игру, иначе кошки не отступали.

Окончательно Карлайн пришел в себя только после обеда. Надо было идти к замок к герцогу, отработать уже полученные деньги. Тинниль невзначай напомнил, что у него нет дворянского костюма. Карлайн подумал, согласился. Его одежда устроит простолюдина — мастерового, купца, мелкого чиновника. Дворяне в таком не ходят, даже самые бедные.

Озабоченный мыслью о костюме, направился к герцогу. Кошки пошли с ним, отказываясь остаться с прислугой. Карлайн два дня не гулял с ними и хвостатые банально мстили. Вдоволь поругавшись с животинками, юноша смирился. Если кошки пришли к какому-то мнению, остановить их было невозможно. Население поспешило потеряться по домам, оставив улицы пустынными. Дозорные на воротах предпочли закрыться в привратной башне. Проклятие Гарна во всей красе.

Герцог с удивлением посмотрел на занятую троицу.

— Вы взяли с собой охрану?

— Прицепились, отвязаться не могу, — стал оправдываться Карлайн.

Кошки на него зарычали, забили хвостами в раздражении, потом подошли к нему и начали толкать, едва не сбивая с ног. Карлайн положил руки на голову, передал зверям немного силы, снимая тревогу и неуверенность. Кошки успокоились.

Герцог забеспокоился за жеребца, вазлиборские кошки часто специально охотились на домашних лошадей — конина им нравилась. Как бы они не напали на Адрона. Но Карлайн, положив руки на головы кошкам, внушил им категорический запрет на причинение вреда коню Рандава. Самому жеребцу послал позыв о полной безопасности.

В итоге животные вели себя смирно. Кошки все же немного шалили, прыгая вокруг скакуна, но тот, успокоенный, не обращал внимание на передвижение двух раскормленных хищников.

Сам жеребец был здоров и полон сил, о чем Карлайн сообщил герцогу. Рандав спокойно кивнул, словно иного и не ожидал.

— Половина моей гвардии сегодня утром страдала от похмелья, — сообщил он как бы между прочим, — даже эльфы, чему я очень удивился. Ты становишься очень популярным. Первородные на моей памяти впервые так отнеслись к человеку.

— Все благодаря вашей светлости, — ухитрился увернуться юноша.

— Ба, да ты уже начинаешь напоминать придворного, — герцог засмеялся, видя, что все-таки смутил собеседника, — не ходи следующие два дня к графине Леоне, — вдруг сказал он, — это может привести к слишком невыгодным для нее слухам.

— Ваша светлость, но..., - попытался возразить Карлайн.

— С кошкой ничего не случится, ты же ее перевязал, дальше выздоровление пойдет с помощью богов.

Откуда он узнал о кошке? Карлайн бросил быстрый взгляд на герцога. Похоже, он недооценил интерес к себе с его стороны.

— Мне бы хотелось защитить графиню. Я должен быть у нее, виконт может приехать в замок внезапно.

— Я так и думал, что ты не знаешь наших обычаев. Вместо излишнего пьянства лучше бы поговорил со знающими людьми. Описание различных традиций и ритуалов составляет десятки фолиантов

Карлайн виновато опустило голову.

— Ладно, вчера был слишком важный повод, — решил герцог, — так слушай.

Претензии на титул и владения происходят в моем присутствии в парадном зале замка. Или ты думал, я останусь в стороне? Только после этой процессии Таннер может въехать в замок де Карфиндов и наложить свою лапу на графские владения.

Рандав почувствовал, что сам разволновался и начинает выдавать сокровенные мысли. Помолчал, успокаиваясь. Окинул своего лекаря повеселевшим взглядом, заговорил официальным тоном, словно находясь на троне:

— Претензии виконта Таннера де Ластияр к Леоне де Карфинд графине Моренд баронессе Леканд будут рассмотрены мной послезавтра в двенадцать часов в парадном зале моего замка, — герцог вытащил из-за пояса листок картона, — возьми, это приглашение. Только кошек своих не приводи — это не принято. Да и перепугаешь опять всех. Теперь слушай. Виконт по обычаю выскажет свои требования. После этого я спрошу у присутствующих, есть ли среди дворян желающие защитить графиню. Если желающий найдется, он должен только в этот момент высказать свое желание — обратиться к графине с просьбой выбрать ее опекуном.

— А если просителей будет несколько? — спросил Карлайн, стараясь спрятать свой жгучий интерес.

Герцог как-то странно посмотрел на него.

— Тогда выбирать будет графиня, — пояснил он. Откуда мальчику знать, что он принял необходимые меры и убрал всех конкурентов. Двое из его гвардейцев в последние дни начали проявлять колебания. Стать опекуном, а в возможном будущем мужем означало получить большие владения. Но два препятствия заставляли их сомневаться в успехе. Во-первых, графиня могла отказаться, прекрасно понимая, по какой причине каждый из них хочет стать опекуном. Леона была начитана и весьма разумна. Во-вторых, а, скорее даже, во-первых, виконт был очень хороший фехтовальщик и заядлый дуэлянт. А зачем мертвому богатства?

Рандав рассеял их колебания, отослав в провинцию на два месяца с важными поручениями, пообещав, в случае успеха, щедрую награду.

— Но я сомневаюсь, что такие храбрецы послезавтра найдутся, — медленно сказал он, — у виконта длинные проворные руки и очень острая шпага. Послезавтра он начнет пугать вас именно этим. Берегите нервы, вы, самое меньшее, не слабее его. Не бойтесь бить в живое тело?

Карлайн улыбнулся. Спрашивать об этом у жителя приграничного селения, чуть ли не каждый месяц отбивающемся от налетов врага...

— Нет, ваша светлость, — поклонился он, — мне приходилось убивать. Или хотя бы оставлять на врагах тяжелые раны. Надо сказать, ужасное зрелище.

— Виконт, несомненно, вызовет опекуна на дуэль. По обычаю, поединок состоится сразу, в моем присутствии, а свидетелями будут приглашенные стряпчие, которые представят в суд заключение о законности произошедшего. Опять же по обычаю, дуэлянты должны будут снять камзолы, прикрыв грудь лишь одной рубашкой — белой батистовой. Показать, что на них нет кольчужной рубашки. Да и кровь на белом фоне будет выглядеть более эффектно.

— Кстати, — сменил герцог тему разговора, — сьер де Кафар, вам не кажется, что вы не очень разбираетесь в дворянской одежде?

Карлайн был готов к такому упреку.

— Я сегодня же ликвидирую этот недостаток, — с поклоном сказал он, — прошу

прощения, ваша светлость, за небрежность в облачении.

Рандав хохотнул.

— Я чувствую, из тебя получится блестящий краснобай.

— Стараюсь, ваша светлость, — вздохнул Карлайн, предчувствуя новые мучения у портных.

Глава 28

Сьер Карлайн ибн Саади де Кафар в новом, еще необмятом костюме стоял едва ли не в первых рядах приглашенных на прием дворян и с некоторой растерянностью оглядывался. Он рассчитывал, как и в прошлый раз, стоять позади, у самых дверей, но мажордом, посмотрев на приглашение и взглядевшись в лицо, поставил его гораздо ближе к трону. Карлайн взгляделся в приглашение. На приглашении указано место? Ничего не понятно. Или оно специально запрятано в паутине причудливых виньеток? Как он мало знает о придворной жизни!

Вошел герцог и стало не до картонного листочка. Юноша спрятал приглашение за пояс. Начинается главное.

Сегодня Рандав VII разбирал тяжбы между наследниками. Дело графини Леонь рассматривалось первым. Еще бы! По масштабам владений и числу вассалов оно на долгие годы войдет в историю герцогства как крупнейшее.

Глашатай провозгласил, что бы истцы явились к его светлости. Первой вошла графиня. Если так можно выразиться...

Карлайн сжал зубы от возмущения за свою тупость. Она же встречала его всегда только сидя, а рядом стояли костыли! А он приписывал такую манеру надменности. Бестолковый лекарь, не кошку надо было лечить, а ее хозяйку!

Графиня медленно шла, опираясь больше на костыли, а не на ноги. Если правая еще как-то служила опорой, то на левую у хозяйки не было никакой надежды. Ее поддерживала знакомая молодая служанка. Графиня была одета в золотисто-зеленое платье фамильных цветов де Карфинд. Одежда была щедро украшена драгоценностями, а на шее находилась нитка дорогих гайворонских бриллиантов. Но, несмотря на все это изобилие, из-за сильного недуга и физической ущербности девушка выглядела не как богатая наследница обширного графства, а как бедная попрошайка. Когда она дошла до небольшого кресла напротив герцогского престола, ее лоб блестел от пота. Кресло было нарушением традиций. Небольшим. Рандав понимал, что графиня не выдержит на ногах даже небольшую аудиенцию и решил поступить по-рыцарски.

Она села и огляделась. И в этот миг их взгляды встретились: ее — твердый и прощальный, в котором уже не было надежды на будущее, а осталось только желание благородно уйти из жизни, его — решительный и влюбленный, он не позволит всяким прохиндеям издеваться над его любовью!

Он смутился и покраснел, отвел глаза. Графиня еле заметно усмехнулась. Юноша будет последним светлым воспоминанием в ее тюрьме.

Виконт в зримом противостоянии со своей кузиной вошел после упоминания его титула твердым уверенным шагом и остановился с другой стороны от трона. Смотрите, — как бы говорила его фигура, — кого вам лучше иметь — сильного мужчину в расцвете сил, который поведет многочисленное войско графства под герцогским знаменем, или слабенького инвалида, не умеющего и десять шагов самостоятельно пройти. И тем более, от такого

уродца нельзя ожидать наследников. А у него уже два сына!

Герцог с невозмутимым лицом встретил эту демонстрацию силы и уверенности.

— Графиня де Карфинд, — благожелательно произнес он положенные ритуалом слова, — собираетесь ли вы настаивать на своих правах наследовать графский титул и феод?

Герцог уже понимал, что будет. Платье фамильных цветов говорило о том, что старый граф Анри де Карфинд передал своей дочери сильный характер. Как жаль, что у него родился не сын!

— Да, ваша светлость! — твердо сказала Леона, подтверждая его мнение, — мы готовы до конца своих дней требовать соблюдения наших графских привилегий, дарованных нашему роду Ламодийскими герцогами и освященными богами. Только я — последний прямой потомок графов де Карфинд — могу носить на своей голову графскую корону!

— Виконт Таннер де Ластиар, — герцога трудно было упрекнуть в симпатиях к одной из сторон, настолько благожелателен и в то же время беспристрастен был его голос, — продолжаете ли вы настаивать на своих правах наследовать графский титул и феод?

— Да, ваша светлость! — торжественно провозгласил виконт, ничуть не сомневаясь в своей победе. Закон и традиции были на его стороне. А все остальные доводы гнездятся на кончике шпаги. — Как последний мужчина в роду де Карфинд, только я могу держать в своих руках древний родовой клинок и защищать поданных графства!

— Я прошу стряпчих разъяснить нам закон, — произнес Рандав очередную ритуальную фразу, — пусть они укажут границы прав и обязанностей претендентов, наших монарших привилегий, и пояснят, как это звучит в записанных традициях, данных нам богами.

Стряпчие только ожидали сигнала со стороны герцога. Один из них — рослый, седобородый, с правильными чертами лица, объявил:

— Генеалогическое древо, представленное обоими претендентами показывает, что графиня имеет больше прав. Она дочь последнего графа де Карфинд и его прямая наследница. Однако она женщина. Наши древние традиции, дарованные нам богами, говорят о том, что родственники с меньшими правами, но являющиеся мужчинами, имеют такие же привилегии наследования. Поэтому господин виконт равноправен графине. Закон же, опираясь на обычаи, гласит, что в случае равенства прав спор может решиться только судом богов — поединком.

Выслушав стряпчего, произнесшего известные всем слова, герцог провозгласил,

— Мы должны соблюдать законы и уважать традиции. — Он сделал паузу, спросил у присутствующих, — найдется ли из числа дворян желающий представить свою кандидатуру в опекуны графини де Карфинд и защитить ее честь и достоинство в поединке с виконтом де Ластиар?

Наступила тишина. Казалось, присутствующие даже дышать перестали. Виконт обвел надменным взглядом ряды придворных. Кто хочет обеспечить свои похороны сегодня, на крайний случай на завтра, может предложить себя в качестве трупного мяса. Он убьет его не больно.

Усмехаясь своим мыслям, Таннер едва не упустил нового поворота событий. Внезапно незнакомый, совсем еще юный дворянин протолкался сквозь передний ряд сановников и молча поклонился.

Карлайн внешне невозмутимо стоял, чувствуя, как на нем скрестились взгляды всех находящихся в зале. Ради такой минуты можно и умереть. Он выпятил грудь и положил руку

на эфес шпаги, стараясь не смотреть в сторону графини де Карфинд.

Леона, понимавшая, что никто не выступит ей на помощь и глядевшая в зал сухим надменным взглядом, не верила, глядя на внезапно появившегося защитника. Он все-таки решил его защитить! Но на что он надеется? Или его впечатлил ее взгляд. Тогда он дурачок, которому надоело жить. Как он прекрасен, но беззащитен!

Виконт сжал зубы, глядя на возникшее препятствие. Парнишка еще очень юн. Если он убьет его, это плохо скажется на его репутации. Но он убьет его, поскольку хочет быть графом. Обычай на его стороне и пусть потом местные дворяне лопочут о благородстве. Герцог будет вынужден признать произошедшее, а остальных он перебьет на поединках.

— Сьер Карлайн ибн Саади де Кафар, подтверждаете ли вы свое желание стать опекуном графине де Карфинд? — голос герцога по-прежнему был благожелательно беспристрастен. Он сам пустил карету под откос и оставалось лишь надеяться на милость богов и твердость руки мальчика.

— Да, ваша светлость! Мы желаем защищать и оберегать графиню де Карфинд до той поры, пока она не пожелает встать со своим избранником перед богами в свадебном обряде.

— Понимаете ли вы, что это означает немедленную дуэль с присутствующим здесь виконтом Таннером де Ластииар?

— Да, ваша светлость!

Герцог обратился к девушке:

— Леона де Карфинд графиня Моренд баронесса Леканд, согласны ли вы получить в опекуны сьера Карлайна де Кафар? В случае его победы только замужество или смерть смогут позволить вам отказаться от опекунства

— Да, ваша светлость! — не раздумывая, звонко подтвердила девушка. Своим согласием она обрекала его на смерть, но оставалась хрупкая надежда на помощь богов. Если же он... Она тоже умрет. Впрочем, в при проигрыше смерть обеспечена ей в любом случае.

Герцог хлопнул в ладоши. Зазвучали фанфары. Герцог торжественно объявил:

— Мы, герцог Ламодийский Рандав VII, утверждаем сьера Карлайна ибн Саади де Кафар пожизненным опекуном Леоны де Карфинд графини Моренд баронессы Леканд. Опекунство также прекращается в случае замужества графини.

Он подождал, пока замолкнут приветственные возгласы и спросил:

— Виконт Таннер де Ластииар, вы согласны с нашим приговором?

— Да, ваша светлость.

Герцог торжественно провозгласил:

— Соблюдая наши законы и почитая обычаи, мы объявляем о проведения суда богов — поединка на шпагах между виконтом де Ластииар и сьером де Кафар. Он состоится здесь, через полчаса. Следить за законностью боя будут приглашенные стряпчие, за честностью и благородством — назначенные мной дворяне. Все!

Глава 29

Сидя в кресле, Леона смотрела, как ее неожиданный опекун готовится к бою. Он снял камзол, поправил рубашку, проверил, легко ли выходит из ножен шпага. Боги, как же он еще молод! Неужели его убьют? А если отказаться от него? Пусть хоть он живет.

Глашатай, проверявший честен ли Карлайн — нет ли кольчуги, дополнительных клинков — словно подслушав ее мысль, тихо напомнил графине, что решения герцога уже не могут быть пересмотрены.

Девушка очнулась. Что это она, забыла о правилах? Теперь ей остается молить богов о счастливом окончании дуэли.

— Мне остается сожалеть, сьер, что я втравила вас в эту смертельную схватку, — печально сказала она подошедшему юноше, — надо было сдаться этому подлецу.

Карлайн удивился.

— О чем это вы, графиня?

— Таннер вас убьет. Вы хоть однажды участвовали в бою, малыш? — она позволила себе шалость.

А Карлайн нахмурился. Как он устал от своего возраста! Зло выговорил:

— Да, участвовал. И упреждая следующий вопрос — да! И еще не одного. Поверьте, я знаю, какой надо наносить удар, чтобы убить человека.

Леона посмотрела на него другим, более заинтересованным взглядом.

— Хотя я не настолько красива..., — она протянула руку для поцелуя. Карлайн неуклюже, но жарко поцеловал. Потом вытянула ленту из сложного расположения одежды, именуемого официальным платьем. Повязала ее на левую руку, сделав бант. Яркий знак, что она к нему равнодушна.

Герцог, делая вид, что не видит, про себя довольно хмыкнул. Далеко же у них зашло! Де Кафар будет не просто драться на дуэли, он будет стремиться обязательно убить своего соперника. Что и требовалось. Карлайн даст урок всем нахам, стремящимся захватить владения в его герцогстве. А мальчик-то делает просто гигантские успехи! Он готов увидеть его в качества графа де Карфинд? Конечно, происхождение... м-да. Зато она знатна как десяток дворян. Лишь бы он победил.

Запели фанфары. Глашатай громко объявил:

— Суд богов начался. Виконт Таннер де Ластияр, претендент на графский престол, дерется с сьером Карлайном ибн Саади де Кафар, опекуном графини Леоны де Карфинд. Господа, на каких условиях вы предпочитаете участвовать в поединке.

— До смерти одного из нас, — жестко сказал виконт, хищно посмотрев на Карлайна.

— До смерти, — согласно кивнул юноша. Потуги соперника запугать почти рассмешили его. Эльфы пугали пострашнее, пытая пленных на глазах у осажденных защитников селения. Он усмехнулся и заявил: — виконт де Ластияр вы — негодяй, посягнувший на честь и жизнь беззащитной девушки. Я буду жесток с вами.

Таннер побледнел от злости. Мальчишка еще поучает его! Лазутчики сообщили, что герцог демонстративно произвел его в сержанты своей гвардии и сделал дворянином. Что же сегодня одним гвардейцем станет меньше!

— Ваша светлость, — обратился к герцогу глашатай, — противники считают, что только смерть одного из них позволит им примириться.

— Да будет так! — согласно кивнул герцог. Все это были замшелые традиции, которые давно бы пора отменить за ненужностью. Но тут даже он, монарх, бессилён.

— Бой начинается! — торжественно провозгласил глашатай и торопливо отошел. Говорят, иногда дуэлянты, торопясь расправиться со своим соперником, убивали случайных людей, попавших под выпад клинка.

Виконт картинно обнажил шпагу, отбросил ножны и плавно, не меняя движения, нанес

удар. Мальчишка, войдя в бой не менее красиво, легко его отбил. Виконт позволил себе озадачиться. Странно, он рассчитывал таким ударом, по крайней мере, ранить его, а при удаче — убить.

Карлайн кожей чувствовал, что его противник попытается сразу же переломить ситуацию в свою пользу. И потому поспешил занять оборонительную позицию, выставив шпагу. Так и есть, обнажая шпагу виконт неожиданно ударил. Мерзавец! Хотя использование разных хитростей было не запрещено, но дворянская честь требовала честного поединка. Впрочем, виконта накажут несколькими косыми взглядами и откажутся принимать в нескольких домах. И только. А наградой будет богатое графство.

Виконт совершил обманный вит и нанес удар. Карлайн, отбив его, не отступил, как требовала логика фехтования, для защиты открывшегося правого бока, а продолжил движение шпаги. Острие клинка вонзилось в левое плечо виконта.

Де Ластиар с проклятием отпрыгнул назад. На плече образовалось пятно крови, постепенно расширяющееся. В толпе окружающих, уже почти не сомневавшихся в исходе боя, возник гул. Большинство полагало его победу. И, как оказалось, немного поторопилось!

Глашатай потребовал тишины и поединок продолжился. Понимая, что время теперь работает против него — рано или поздно он обессилеет от потери крови — виконт обрушил на Карлайна град искусных ударов. Но проклятие, его противник держался!

Карлайну приходилось напрягать все силы для ударов. Все знания, все навыки, пришедшие с даром, вся ловкость молодого тела, натренированного в нелегкой пограничной жизни, уходили для отражения ударов противника. Пот лился градом, Карлайн чувствовал, что в таком темпе он выстоит уже не долго.

Но виконт сломался раньше. Кровь из раны залила все левую часть рубашки на груди. С кровью уходила сила. Он снизил натиск, понимая, что вскоре не только не сумеет продолжать бой, но и перестанет двигаться. Его движения стали более медленными и размашистыми.

Этого и ожидал Карлайн. Когда виконт в очередной раз после выпада, слишком отвел шпагу в сторону, юноша сделал шаг вперед и выбросил руку со шпагой. Сильный удар не только поразил горло, но и позволил клинку пробить шейный позвонок. Все было конечно!

Герцог первый нарушил тишину, глядя на лежащее на полу то, что раньше называлось виконтом Таннером де Ластиар.

— Воля богов свершилась в честном поединке! Леона де Карфинд, вы признаетесь графиней Моренд баронессой Леканд. Титул и владения остаются за вами под опекуном сэра Карлайна ибн Саади де Кафар. Аминь!

Глава 30

Четверка лошадей неумоимо влекла карету. Леона сидела напротив Карлайна и лукаво улыбалась. Подумать только, еще час назад она каменела от предчувствия печального будущего. И вот ее спаситель, ее герой сидит подле нее, весь красный от смущения.

— Какие покои хотел бы занять мой опекун? Весь замок в вашем распоряжении.

— Ваше сиятельство, я хотел бы остаться в прежнем жилье. У меня большая практика, да и травник под рукой..., - принялся объяснять Карлайн.

— Разумеется, — покладисто согласилась графиня, хотя опытное ухо уловило бы нотки досады, — но покои у вас должны быть. Не будете же вы мыкаться по нашему маленькому домику. И кстати зовите меня просто Леона. Мы отныне почти родственники.

Она постаралась улыбнуться как можно обольстительнее, Карлайн стеснительно улыбнулся. Сбылась его мечта, он рядом с ней и даже разговаривает с ней как с равной.

— Хорошо, ваша свет... Леона. Тогда называйте меня Карлайном, если вам это не очень затруднительно.

Графиня улыбнулась, но в это время колесо кареты попало в выбоину, ее тряхнуло. Костыли чуть не упали на дно. Они оба рванулись к ним, едва не стукнулись головами. Леона успела немного раньше и Карлайн коснулся не костылей, а рук девушки. Теперь покраснели оба.

— Я бы хотел посмотреть ваши ноги, — попытался сменить тему разговора юноша.

— О! — графиня насмешливо посмотрела на Карлайна, — а вы быстры в своих поступках. Может, сначала поухаживаете?

Юноша окончательно смутился, жалобно посмотрело на нее.

— Леона, я говорю вам это как лекарь. Неужели вам всю жизнь хочется оставаться инвалидом?

Графиня посерьезнела.

— В детстве наша карета неудачно перевернулась. Я сломала обе ноги. Отец объездил чуть ли не всю Дайяру, но так и не нашел лекаря, способного излечить меня. Если вам удастся, я была бы очень благодарна.

Она с сомнением посмотрела на юношу. Его юный возраст делал надежду на выздоровление слишком призрачной.

— Не беспокойтесь, Леона, — покровительственно сказал Карлайн. Когда разговор пошел на медицинскую тему, его смущение немедленно прошло, — не знаю, какими искусными были лекари в других городах, но если такие, как в Гарне, то ничего удивительного нет.

Девушка была вынуждена признать, что лечили ее не самым лучшим образом. Хотя денег ушло очень много.

— О вас говорят только хорошее, но ведь вы лечите животных...

— Я возвращаю жизнь, — отрезал Карлайн, — что же до людей. Вы слышали о лейтенанте гвардии графе де Моньере?

— Граф, говорят, уже встает, вы хороший лекарь, — вынуждена была признать

девушка, — я согласно, — она лукаво улыбнулась, — вы увидите мои ноги.

Карлайн снова смутился от ее игривого тона. Но, к счастью, они уже прибыли. К их карете поспешила служанка, ехавшая в следующей, наемной пролетке. С ее помощью графиня с трудом спустилась на землю и заковыляла к дверям.

Парадоксально, но и в городе, и в замке де Карфиндов обо всем уже знали. Их встречали как победителей. Последние слуги и служанки, большинство из которых уже было готово сразу же с появлением виконта перейти на его сторону, глубоко кланялись графине и ее опекуну, признавая их хозяевами и господами.

Разумом Карлайн понимал их. В герцогстве вся власть была в руках дворянства. Даже всеильные члены магистрата глубоко кланялись нищему дворянину. Признай герцог Рандав виконта властителем графства, все имущество и все люди оказывались полностью в его воле. И с этим ничего нельзя было сделать.

Но сердце не желало подчиняться разумным рассуждениям. В приграничных селениях почти не было дворян. Формально все люди были равны. И хотя во многом местное общество подчинялось доводам силы, но вырасти Карлайн во взрослого человека и он мог легко подняться к вершинам власти. С учетом своих возможностей, разумеется. Да, его били и издевались, кормили впроголодь, но никто не считал его своим имуществом.

Он хмуро посмотрел на встречающую их прислугу. Мужчины и женщины насторожились, но не отступили. При старой хозяйке появился новый хозяин. Он посвирепствует, но все равно смирится с ними. Ибо какой богатый дворянин будет обходиться без слуг.

Простодушный Карлайн этого не знал и потому удивлялся их реакции. Весь опыт приграничного жителя, беззащитного сироты советовал ему убежать, прятаться в укромном уголке от побоев и даже смерти, если более сильный противник очень зол. А эти...

В доме был специальный лифт для Леоны, приводимый в действие водяным двигателем. Вместо того, чтобы кое-как ползти по лестницам, чего опасался Карлайн — графиня своими больными ногами поднималась бы весь день, они поднялись на четвертый этаж за несколько мгновений.

— Надеюсь, вы пообедаете со мной? — поинтересовалась Леона.

— Вы думаете, они что-то приготовили? — скептически протянул Карлайн.

— Еще как, — засмеялась девушка, — они же ожидали победителя. И они дождались. Правда, не того, но в сущности, какая разница? Обед должен быть роскошным и обильным.

— Вы их простите! — констатировал Карлайн.

— Несчастные люди, что с них взять. Даже Лостара. Хотя я забуду о его старой дружбе со моим отцом. Хватит с него места в моей свите.

Леона оказалась права во всем. Обед был пышный, с множеством смен блюд, но что он не для них, стало ясно при виде приготовленного спиртного — сплошь баленское красное — любимое пойло виконта де Ластияра. И кошка была не накормлена. Она жалобно выглядывала из корзины и громким мяуканьем жаловалась хозяйке на трудную жизнь.

Пока любимая и преданная служанка графини Лика, ездившая с ней в герцогский замок, и счастливая не меньше свой хозяйки, покормила кошку, Леона отпила глоток принесенного по ее указанию легкого бархатистого вина из старых запасов еще покойного графа.

— Присаживайтесь, сэр, оцените вкусы виконта, который еще позавчера прислал список блюд.

— И вы терпели все это? — удивился Карлайн.

— А я имела какую-то возможность?

Карлайн попытался найти какой-то вариант действий для сопротивления, но не находил. Выходец из примитивного, почти первобытного мира, он и варианты имел такие же — от сильного бега, от остальных при возможности отбивайся, а в остальных случаях так же спасайся бегством. Но что делать беззащитной девушке, не способной даже нормально передвигаться?

— Не обращайтесь внимания, сударь, попробуйте лучше этот салат. Он состоит из мальбекского сладкого картофеля, раков и морских соленых водорослей. Виконт знал толк в пище.

Карлайн попробовал. Действительно вкусно. Хотя вкус непривычный. Когда им принесли горячее, неслышно вошел слуга из внешней охраны и что-то сообщил на ухо графине.

— Пусть исполняют свои прежние обязанности, — равнодушно сказала графиня, пояснила Карлайну: — пришел Лостар, привел около трехсот человек прислуги. Старается, замаливает проступок.

— Не верю я им. Сегодня служат одним, завтра другим.

— Ну зачем же так. Они дали клятву служить графской семье де Карфинд. В чем они нарушили ее?

— Не знаю, — не стал вникать Карлайн в тонкости житейской мудрости, — найму для вас десяток — другой эльфийской стражи. Они бегать не будут. Эльфы своих не продают.

Леона от неожиданности поперхнулась.

— Я бы сама наняла, но они же не хотят! Служат только у герцога. Остальные люди для них видите ли низшие и им позорно у них быть в подчинении. У вас ничего не получится!

Леона с удовольствием откусила кусочек пирожного.

— Сьер, необходимо восстановить старинный обычай, прерванный со смертью моего отца. Один раз году, обычно летом, старший мужчина рода травит королевского оленя. На охоте обязательно будет присутствовать герцог, наиболее знатные дворяне. Когда был жив отец, охота де Карфиндов была одним из самых ярких событий в герцогстве.

Карлайн заколебался. Конная езда для него событие малознакомое, охотничьим оружием он владеет... А какое вообще есть оружия для охоты? Лук со стрелами, копье метательное, копье тяжелое... Трудно придется. Но если обратиться к эльфийскому дару, то возможно его научат. С оружием получилось блестяще!

Леона, заметив колебания юноши, жалобно попросила:

— Карлайн, ну пожалуйста, мы должны показать всем, что род де Карфинд существует и соблюдает обычаи.

— Но я-то не из де Карфиндов.

— Ты мой опекун и этим сказано все. Ни один из дворян в здравом состоянии не оспорит твои права. Закон и обычаи делают опекуна фактически отцом.

— Но ничего же не готово!

— Виконт де Таннер наверняка обо всем побеспокоился. Очень предусмотрительная сволочь. Готовься и ты! — Леона королевским жестом пресекла все возражения.

Глава 31

Серый семилетний жеребец прекрасной вербанской породы — снисходительно смотрел на мир с высоты своего гигантского роста. Даже Адрон, казавшийся Карлайну самым

большим конем в мире, уступал ему в размерах. Когда Карлайн пришел на конюшню, он поначалу заробел. Гора мяса мерно двигалась, поедая овес из яслей. Юноша представил на миг, что тот ест мясо и воображение охотно нарисовало ему коня, рвущего плоть на части.

Но Леона, взявшая за правило сопровождать его повсюду, требовательно на него смотрела. После возвращения она снова использовала свои носилки — паланкин, без труда носимый четверкой рослых слуг.

Карлайн вздохнул, направился к жеребцу, прозванного, как сказал конюх, Гальбоном. Тот перестал есть, удивленно поглядел на лилипута, осмелившегося подойти в сферу действия его зубов и копыт. В глазах стоял вопрос: «Ты завещание написал?» Нехорошо ощерился, топнул ногой.

Юноша постарался передать импульс доброты и искренней доброты. Гальбон оскалил зубы, но, похоже, больше от неожиданного ощущения, чем от злости. Потом он потянулся мордой к Карлайну. Тот осторожно протянул руку и положил ее на лоб коню. Воспользовался силой. Гальбон передал чувство гордости за себя, ощущение большой силы, ловкого тела, одновременно ощущение легкой тоски от почти постоянного нахождения в конюшни, тяга к неведомому хозяину, с которым можно скакать наперегонки с ветром.

Карлайн постарался передать свое единство с жеребцом, показал картинки, как они скачут по залитому солнцем лугу. «Я твой друг и хозяин, нам будет хорошо вдвоем», — пропускал он через себя к Гальбону мысли-образы.

Гальбон негромко заржал, положил голову на плечо. Затем толкнул ею, словно намекая, не пора ли бы реализовывать на практике их дружбу.

А почему бы и нет? Карлайн открыл двери, сбитые из толстых досок. Обгрызенные и измочаленные копытами изнутри, они показывали, что толщина полотна дверей не каприз конюхов, а настоящая необходимость.

Жеребец охотно вышел из стойла. Боги, какой же он был все же огромным! Карлайн понимал это и раньше, но ясли и доски стойла частично скрывали размеры. Теперь же он предстал в полной красе, возвышаясь над юношей, словно скакун былинного великана. Мелькнула мысль — если захочет растоптать, мокрого пятна не останется.

Он протянул руку к голове Гальбона. Тот легко пошел на контакт, посылая представления зеленой травы, свежего ветра, бескрайнего простора. Да он пробежаться хочет!

По просьбе Карлайна принесли конскую упряжь для скачки верхом. Слуги и конюхи, видя необычайную покладистость жеребца, подошли поближе. Гальбон сразу же восстановил равновесие в природе, укусив двоих и раздав пинки передними ногами еще троим. Народ бросился врассыпную.

Только настоящая просьба юноши помочь ему заставил одного из конюхов вернуться и укрепить упряжь. Сам Карлайн знал, как положить седло только теоретически — видел в своем селении.

Вывел коня во двор и взлетел в седло. Застоявшийся жеребец охотно перешел на быструю рысь, а затем в галоп. Провожаемый криком Леоны не ездить слишком далеко, он выехал со двора. Можно подумать, Гальбон стал его слушать. Только вдоволь набегавшись, он стал слушаться повода. Правда, все время скачки конь нес своего хозяина осторожно, словно понимал, что всадник из него никудышный.

Через час он въехал во двор.

— Я думала, ты сегодня не вернешься, — усмехнулась Леона.

— Гальбон захотел прогуляться, — Карлайн спрыгнул с коня, похлопал жеребца по шее. Тот в ответ тихонечко заржал, шаркнул ногой по земле

Осторожно подошли конюхи, опасаясь новых нападений коня. Но, нагулявшись, конь вел себя миролюбиво. Позволил выгулять себя, почистить и обмыть. А потом устроился в своем стойле — перекусить и отдохнуть.

Итак, конь милостями графини де Карфинд у него был. Надо было подумать об охотничьем оружии. Обратиться к Тиннилю? Эльфы не едят мяса и почти не охотятся. Но в оружии разбираются великолепно. Как в боевом, так и охотничьем.

Эльф удивленно посмотрел на него, когда Карлайн поделился своими заботами.

— Зачем тебе оружие, Алитэ, если у тебя есть две вазлиборские кошки — самый страшный охотник в местных лесах. Королевский олень — их любимая добыча. Они тебе его поймают, освежут и преподнесут на блюдечке.

— Но они еще не до конца выросли, я их ничему не учил.

— Вазлиборских кошек не надо учить охотиться, — категорически сказал Тинниль, — тебя же никто не учил дышать? А для них дышать и охотиться — это одно и то же. Спроси у них сам.

Кошки мирно сидели у ног Карлайна, дожидаясь, когда хозяин о них вспомнит и поиграет. А может быть, накормит или выгуляет. Впрочем, слишком долго они ждать не умели и начинали добиваться своего, слегка покусывая ноги или толкая их лапами.

Карлайн положил им руки на головы, послал картинку идущего по поляне королевского оленя. В ответ на юношу хлынули ощущения свежего мяса, удовольствия от быстрого бега и горячей крови. Кошки издали совокупный воинственный клич, перепугавший население, примерно, пары улиц. Тинниль, скорее всего, прав — вазлиборских кошек не надо учить, охота заложена в их память тысячами поколений предков. В своей первой охоте кошки могут ошибаться, могут торопиться, но ни одного шанса выжить у королевского оленя при встрече с ними нет.

Оставалось познакомить с кошками Гальбона. В естественных условиях они были врагами. Кошки — охотниками, лошади — добычей. Он пришел с ними в усадьбу де Карфиндов и сразу направился в конюшню.

Увидев кошек в опасной близости, жеребец попытался атаковать первым, понимая, что иначе его в скором времени будут доедать. Хорошо, что конь стоял в стойле, его ужасающие удары копыт приняли на себя доски яслей и стен.

Кошки в ответ издали свой знаменитый рык, заставляющий леденеть кровь у всех живых существ в округе на несколько километров.

Карлайн кое-как успокоил кошек, затем Гальбона, внушая всем трем, что они друзья и будут вместе скакать и охотиться. Через некоторое время звери нехотя признали команду хозяина. Особенно противился жеребец. Кошки уже привыкли, что в городе много ограничений на охоту и хозяин лучше них разбирается, кого можно рвать на части, а кого оставить в живых, получая за послушание несколько раз в день вкусное мясо. А Гальбон этого не знал и постоянно ждал смертоносной атаки.

Но наконец Гальбон и кошки стали привыкать друг к другу. Карлайн решил, что на сегодня хватит и вышел из конюшни во двор, оставив кошек любопытно обнюхивать стены. Его удивила собравшаяся многочисленная толпа. Охрана, слуги, повара и кухарки, конюхи и садовники — вся многочисленная челядь, вооруженная чем попало — от клинков профессиональных воинов охраны до ножей, топоров и палок остальных. Мятаж?

Но возглавляла все это воинство Леона, которую как символ графской власти несли впереди. Охрана же толпилась позади.

«Нет, — окончательно решил Карлайн, — Леоне необходимо надежная охрана, а не эти олухи. Сейчас на нее легко напасть и, поскольку она совершенно беззащитна, убить».

Он громко поинтересовался, каким богам надо молиться, чтобы собрать такое количество олухов.

Леона растеряно ответила, что все слышали рык вазлиборских кошек — страшных хищников, которые могут перебить всех в ее замке. Она собрала, кого возможно и направилась на звук.

— Ну да, — как бы не понял причин паники Карлайн, — кошки здесь. Что все шумят? Данг, Длани, выходите.

Первым вышел Данг. Он немного вопросительно и очень громко зарычал, намекая, что делегация по торжественно встрече могла бы быть менее многочисленна. Длани дипломатическим тактом не обладала, зарычав громко и сердито. Толпа на глазах стала редеть.

— Это мои ребята, разве до вас не доходила информация, что у меня живут вазлиборские кошки? Я же вам говорил.

Графиня, к которой был обращен вопрос, растерянно ответила, что, видимо, из-за больших проблем в ее жизни она пропустила интересную сплетню. А о словах опекуна забыла. Тогда было не до кошек.

— Данг, Длани, это графиня де Карфинд, вы должны относиться к ней вежливо и не приставать.

Длани рыкнула, оценила статус девушки, обнажила клыки, признавая более высокое положение графини. Данг же, хитро скосив глаза, покрутил головой, — мол, ты дурак, хозяин, к такой красотке грех не пристать. Подошел к обомлевшей Леоне, легонько толкнул головой в бок, осторожно лизнул руку, заменяя таким образом поцелуй, бархатисто заурчал, предлагая свои услуги.

— Ах ты, ловелас! — засмеялся Карлайн, — тогда охраняй ее. Что был б какой-то толк от твоих приставаний.

Данг согласно мяукнул, просительно заглядывая в глаза и завоевывая девичье сердце. Похоже, у Карлайна появился соперник.

Глава 32

Тинниль отнесся к очередной просьбе Алитэ озадачено.

— Нет, наниматься к низшим эльфы никогда не будут. Герцог исключение, он когда-то очень помог моему народу и честно выполняет договор, не стараясь обмануть первородных. Другие люди, вне зависимости от происхождения и необходимости не могут иметь воинов из числа эльфов.

Карлайн растеряно застыл. Так категорично ему отказывали впервые. Обычно эльфы понимали его с полуслова и сами изыскивали возможность исполнения просьбы.

Тинниль, хохотнул, глядя на растерянное лицо Карлайна.

— Когда ты уже начнешь взрослеть. Все принимаешь простодушно и примитивно. Человек не может нанять эльфа, но ты, Алитэ, можешь просто приказать. Ни один первородный не откажет тебе. То есть первородные будут охранять графиню, исполнять ее приказы, но подчиняться — тебе.

Карлайн попытался понять закрученный смысл изложенной мысли, не понял. Честно признался:

— До меня не доходит смысл твоего предложения. Кому же станут подчиняться эльфы?

— Вот смотри, — начал объяснять Тинниль, — лейтенант командует сотней?

— Командует, — согласился Карлайн.

— А кто нанимает воинов и является главным командиром?

— Герцог.

Вот и у вас также. Графиня станет лейтенантом для этого десятка, а ты — герцогом.

Карлайн покачал головой. Зачем так закручивать, если можно просто жить. Странные существа эти эльфы.

Полутысячник эльфов Тильд отнесся к просьбе юноши с пониманием. Ведь просил Алитэ...

У эльфов шла постепенная замена воинов — четыре раза в год группы ветеранов, отслуживших три года, возвращались в священные леса Эльфланда, чтобы там восстановиться и очистить душу и тело от тлетворного влияния человеческой цивилизации. Карлайн, однако, предполагал, что главной причиной замены является не тлетворное влияние людей, а стремление обкатать в почти боевых условиях как можно больше первородных. Не все из отслуживших хотели уходить, но возможностей остаться было мало. Вот из числа таких можно было набрать с десяток ветеранов.

Действительно ли это так, или Тильд, не желая огорчать Алитэ, приказал части первородных остаться, но уже к вечеру к дому Тинниля на единорогах подъехал десяток бывших гвардейцев — одиннадцать эльфов во главе с десятником Тилем. В отличие от людей, они не захотели менять звания. Герцог согласился. Незачем ссориться по мелочам.

Полутысячник уже объяснил подъехавшим нюансы найма, эльфы лишь желали, чтобы их привели и познакомили с графиней. Конечно, первородные и сами могли бы доехать до графского замка и представится графине де Карфинд, но формально их нанимал Алитэ, он и должен передать им объект охраны.

Подъехав в наемной карете к замку в сопровождении эльфов, Карлайн вызвал очередную волну паники. Вскоре к нему спешил Лостар, понемногу возвращавший доверие преданной им графини. Он хотел узнать причину появления гвардейцев герцога — они хотели что-то сообщить, или, всемилостивые боги, арестовать графиню. Ибо эльфов не пошлют для взятия под арест мелких дворян и, тем более, простолюдинов.

— Вызовите графиню Леону, — холодно проговорил Карлайн, в отличие от девушки он не доверял уже один раз изменившему вассалу.

Вскоре появилась в паланкине обеспокоенная Леона. Как и Лостар, она понимала, что эльфы по мелочам не приезжают.

Карлайн проигнорировал ее вопросительный взгляд, официально сообщив:

— Ваше сиятельство, мои первородные друзья, завершив службу у герцога, изъявили согласием на просьбу помочь мне. Я нанял их с поручением охранять вас денно и нощно.

Графиня удивилась, Лостар тоже. Но они не совершили бестактности, задавая бестолковые вопросы. Вместо этого Леона поручила Лостару немедленно разместить эльфов и единорогов в удобных для них помещениях. И проследить за питанием.

Когда эльфы, возглавляемые Лостаром, ушли, графиня вцепилась в камзол Карлайна.

— Пойдемте в мои покои, вы должны рассказать, как вы умудрились нанять эльфов?

— Ваше сиятельство, я чрезвычайно занят, — попытался отговориться Карлайн, но

графиня была неумолима и ему пришлось пойти за паланкином в большую ярко освещенную комнату, обычно используемую для неофициальных небольших приемов. Служанка Леона Лика налила им в фужерах немного вина, поставила чашу с фруктами и неслышно вышла.

— Я вылечил эльфам пятерых единорогов, обещался и в дальнейшем лечить единорогов и самих эльфов, — объяснил Карлайн, не придумывая новой версии.

Причина, почему первородные согласились подчиниться лекарю, прозвучала правдоподобно, но графиня, обладая изощренным умом и, несмотря на молодой возраст, большим опытом дворцовых интриг, почерпнутых, правда из книг и рассказов придворных, полностью не поверила. Она взяла фужер в руки, недоверчиво посмотрела на Карлайна долгим вопрошающим взглядом.

Юноша ответил ей искренней улыбкой, способной растворить любое недоверие. Хотя чувствовал себя немного неуверенно.

К нему было не придаться. Он ни словом, ни жестом не позволил усомниться в своем поведении. Но оставалось одно слабое место — сами эльфы. Первородные, у которых было свое представление о честности и правдивости, могли проболтаться и рассказать всю подноготную истории лекаря. И неважно, что они давали клятву и были преданны Карлайну. Они не считали его разоблачение предательством.

Он вздохнул про себя. Оставалось только надеяться на его удачливость в последующих событиях и высокомерность первородных, не любящих вести долгие разговоры с людьми.

В дверь неслышно постучали. Леона разрешила войти. Это была Лика с неожиданнн покрасневшим смущенным лицом. Интересно, — спросил себя Карлайн, — о чем она задумалась, если зашла такая сконфуженная. Ожидала увидеть здесь интересную сцену? Дурная, кто графиня, а кто я?

Лика сообщила, что всемиловый первородный и господин Лостар хотели бы ненадолго побеспокоить ее сиятельство.

Карлайн немного расслабился. Эльф среди низших вряд ли будет предаваться особой вежливости. И хотя за три года десятник пообтесался и уже не придерживался столь низкого мнения о людях, но считать их равными себе первородный никогда не будет.

Он оказался прав. Десятник Тиль равнодушным голосом оговорил основные особенности охраны, словно ему придется беречь не знатную даму, а малолетнего мерзавца, так и норовящего совершить очередную проказу. Для знати такое поведение пахло хамством.

К счастью, графиня и Лостар до сих пор оставались в шоковом состоянии. Надменность первородного они посчитали таким же обыденным явлением, как жара летним днем.

— Перейдем к условиям оплаты, — предложила Леона, когда режим охраны был обсужден и принят.

— Алитэ платит нам по три серебряка в месяц за воина, — пренебрежительно сообщил эльф.

Графиня и ее управляющий переглянулись. Странно, герцог столько платит своей эльфийской гвардии... по серебряку в день, кажется? И это без различных премий. Леона могла перечислить с десятков знатных вельмож, готовых платить по пятьсот серебряков в месяц за эльфа, лишь бы получить преданную, надежную охрану, которую невозможно перекупить, обмануть и победить.

— Карлайн, — медовым голосом, полным очарования и теплоты, произнесла, почти пропела графиня, когда эльф и человек ушли, — ты ведь расскажешь бедной девушке, чем

сумел так привязать к себе первородных.

— Ваше сиятельство, мне нечего добавить, — сухо ответил Карлайн, любезно улыбнувшись графине. Той только осталось скрипнуть зубами и погрозить пальцем.

Глава 33

Лостар, находясь в положении не полностью прощенного предателя, которого вполне могут помиловать, развил большую активность при организации охоты. За несколько дней пути от Гарна был обнаружен большой самец королевского оленя, которого постепенно отжали к месту охоты, подкармливая, чтобы не исхудал, и охраняя от браконьеров и хищников. Ко дню охоты он находился в окрестных лесах и отъедался на сочной траве и подкладываемой мучной подкормке.

Чуть в стороне от редкого леса, где должна была состояться травля оленя, находились столики с винами и закусками. Знать располагалась на некотором расстоянии от герцога согласно своим генеалогическими древами и текущим заслугами.

Впрочем, на это не обращалось никакого внимания. Так было всегда и так будет всегда. Больше всего для собравшихся был интересен Карлайн. Неведомо откуда взявшийся лекарь, лечащий животных и людей, привлекший на свою сторону эльфов, которые (виданное ли дело!) первыми раскланивались с ним, герцога, сделавшего его сразу сержантом гвардии и титулованным дворянином. Эльфы даже нанялись на службу к юноше. А его вазлиборские кошки поражали воображение. Горожане, поначалу разбежавшиеся в панике, постепенно начали привыкать к страшилищам на улицах. Первой, конечно, осмелела детвора. Данг и Длани неожиданно оказались очень тщеславными. Они были готовы часами лежать на гранитной площадке около парадного входа в дом Тинниля на глазах восхищенных прохожих, иногда живописно прогуливаясь и скаля зубы на слишком смелых, только бы на них обращали внимание.

И вдобавок, новоявленный дворянин, хрупкий юноша, почти ребенок, на дуэли в присутствии многочисленных свидетелей красочно убил признанного бретера виконта Таннера де Ластиара. Виконт многим не понравился своей заносчивостью и даже наглостью. И это только увеличило популярностью съера де Кафара.

Решение герцога Рандава VII утвердить съера Карлайна ибн Саади де Кафара опекуном графини де Карфинд в общем-то было встречено одобрительно, хотя кое-кто поморщился от мысли о его незнатном происхождении. Но их было меньшинство. Знать начала привыкать, что в Ламодийском герцогстве появился еще один дворянин, занимающий высокое положение.

С сообщением о приближении оленя все начали садиться на коней, волнующихся от вида и запаха хищников. Приглашенные могли любоваться видом вазлиборских кошек, сидящих перед своим хозяином на коне и беспокойно нюхающих воздух в тревожном ожидании охоты. Рядом с Карлайном с одной стороны в специально сделанном седле сидела Леона, с другой стороны — герцог, пожелавший лучше увидеть атаку кошек.

Лошади всех троих стояли смирно, чувствуя приближение знаменательного момента. Адрон и Гальбон уже привыкли к соседству с опасными зверями, а вот жеребца графини Карлайну пришлось успокоить посылом кусочка силы, навевая ему спокойствие и безопасность.

Карлайн немного волновался за своих питомцев. Все-таки это их первая охота. И еще ему было не по себе от своего от своего положения. Леона, герцог, кошки, эльфы, плотным

кольцом окружившие их, привлекали многочисленные взгляды знати. Карлайн привык быть... более незаметным, что ли.

Леона, одетая в охотничий костюм, лукаво улыбалась юноше. А поскольку выглядела она весьма прелестно, то глаза Карлайна невольно скользили в ее сторону и... встречали улыбку графини. Накануне она показала своему опекуну его покои. Карлайн никак не мог понять, зачем ему двадцать три комнаты. Ну если возникнет необходимость переночевать, на что ему прямо указывала графиня, хватит и одной, было бы место для кошек и их туалета. Но зачем отдельно спальня, гостиная, душевая... есть же общая? Отдельная столовая, зал для торжественных приемов, зал для частных приемов, три комнаты для несуществующих слуг, комната для Данга, комната для Длани. Графиня так и не смогла понять, что, во-первых, они не будут находиться отдельно друг от друга, а во-вторых, они не станут ночевать отдельно от своего хозяина. слишком они связаны магически, не говоря уже о привычке чувствовать вблизи друг друга. Но самое главное — его покои находились рядом с ее, а спальни имели секретный ход. «На случай внезапного нападения», — подмигнула она Карлайну. Кто в здравом уме нападет на замок, в котором десяток первородных воинов, две вазлиборские кошки и он, способный убить одним выпадом шпаги?

Юноша напомнил ей о дворянских приличиях, чем вызвал гомерический смех и постоянные поддразнивания.

Кошки зашевелились, заворчали, поглядывая на хозяина. Ага, показался королевский олень. Большой, в холке почти два метра. Сам Карлайн раньше оленей не видел, но Лостар подтвердил, что действительно большой экземпляр. Герцог почмокал губами, признавая выдающиеся размеры животного.

Со вчерашнего вечера егеря погоняли оленя, специально утомляя для последней встречи с ним животных съера. Карлайн считал, что это делалось напрасно — его кошки легко забьют королевского оленя. Но таковы были обычаи. А в Ламодийском герцогстве, как он уже убедился, к их исполнению относились очень строго.

Олень выбрался из кустов на луг. Пора!

— Данг, Длани, вперед!

Кошки только этого ожидали. Они с места начали резко набирать скорость, расходясь в стороны, чтобы атаковать с двух сторон и не мешать друг другу. Две молнии, одна крупнее — Данг, другая чуть меньше — Длани, пронеслись по лугу и сбили с ног несчастного оленя, разрывая его могучими когтями и чудовищными челюстями.

Олень отбивался ногами, старался задеть хищников ветвистыми рогами. Все тщетно. Наугад направленные удары сильных ног бороздили воздух, а мотание головой больше мешало самому оленю. Из последних сил он встал на ноги, но это движение окончательно ослабило его. Олень рухнул. Предсмертный рев, оборванный на середине, показал, что гроза всего живого — вазлиборские кошки — добыли себе еще один кусок мяса.

Карлайн погладил Гальбона по шее, слегка стукнул ногами, посылая коня вперед. Жеребец без труда понял, что ему надо к месту недавнего боя. Герцог и графиня скакали рядом. За ними двигались эльфы.

Около истерзанной туши оленя сидели кошки и вылизывали свои шкуры от крови и неприятных запахов. Людей хищники, еще не отошедшие от схватки, встретили громким рыком. Карлайн совсем не испугался. Герцог и графиня — тоже.

Кошки дисциплинировано не принимались за еду, хотя и показывали всем видом, что не против перекусить. Карлайн бы и не против отрезать кусок — другой, но дал маху — так

доверился хищникам, что не взял даже ножа. Шпагой же отрезать невозможно.

Рандав, видя затруднения юноши, слез с Адрона и отрезал передние ноги. Так их и застали подошедшие сановники и слуги — графиню в седле, Карлайна, стоящего рядом и увлеченно с ней беседующего, герцога, прикидывающего на глаз размеры оленя и кошек, активно поедающих заслуженное ими мясо.

— Располагаемся на отдых здесь, — распорядилась графиня, обращаясь к слугам, — установить шатры, разложить костры, поджарить мясо.

К ней подошли слуги, помогли перейти с коня в паланкин, чтобы немного передохнуть в своем шатре и переодеться.

— Почему ты не лечишь свою избранницу? — спросил герцог, провожая взглядом графиню.

— Она не моя! — запротестовал Карлайн.

— Ты не ответил на вопрос, — напомнил герцог, словно тема избранницы для него была окончательно решена и не подлежала обсуждению.

— На днях посмотрю ноги, прикину, что можно сделать, — нехотя сказал Карлайн. Леона медлила, не давала своего согласия на осмотр и дальнейшее лечение. Она не стеснялась процедуры, хотя показывать ноги чужому мужчине женщине, а тем более незамужней девушке сильно осуждалось обществом. То есть любовники и любовницы, конечно, были, но требовалось соблюдать хоть какие-то приличия. Не боялась Леона и возможной боли. Но причину, которая заставляла ее не давать согласия, она не называла.

Карлайну нередко казалось, что девушка боится исчезновения последней надежды. Вдруг лекарь, осмотрев ее ноги, скажет, что лечение невозможно. И тогда ей на всю жизнь оставаться инвалидом.

Герцог неожиданно подмигнул и громко сказал, повернувшись к шатру:

— Графиня, может быть вы сопроводите нас к столу? А то кушать хочется до неприличия.

Появилась Леона, переодетая в белое с золотым платье. Ей помогли сесть в паланкин. Расторопные слуги уже расставили привезенные столы, сервировали их холодными блюдами, открыли бутылки вина. На кострах дожаривалось мясо по-орски, нарезанное на кусочки и утыканное на шампуры — главное блюдо сегодняшнего обеда.

— Хороший обычай вы восстановили, — искренне восхитился герцог Рандав, — а охота с вазлиборскими кошками вообще зрелище богов. Да милые? — обратился он к кошкам, которые довольно открыли зубастые пасти.

Глава 34

Она опять отказалась приступить к лечению! Даже провести процедуру проверки!

— В конце концов, это невыносимо, графиня! — вспыхнул Карлайн, — наберитесь мужества, вы же пошли почти на смерть, отказавшись отдать виконту графский престол.

Леона потупилась, но упрямо промолчала. Она не собиралась менять решение и была готова к борьбе с лекарем.

Они сидели в ее кабинете. Графиня знакомила своего опекуна с графскими владениями и параллельно болтала на различные темы. В том числе и связанные с ее лечением.

И тогда Карлайн начал действовать, исходя из понимания, кто из них сильнее. Ему очень нравилась графиня. Он готов был убить еще десяток виконтов, защитить девушку от банды разбойников, перенести ее через бурную реку.

А вместо этого Карлайн слушал невнятные рассуждения Леоны о возможности укрепить ноги. Единственное действие, явно играющее положительную роль в жизни графине, было лечение кошки Малики.

Он уже снял прогипсованные бинты, кости срослись удивительно быстро. И Малика, за исключением времени на сон и еду, весело носилась около графини. Опасение Карлайна о том, что вазлиборские кошки воспримут своего маленького отдаленного родственника как кусок ходячего мяса, или Малика будет постоянно пугаться и тем приводить графиню в раздражение, совсем не оправдались.

Вазлиборские кошки воспринимали Малику как живую игрушку, которую надо беречь. Они добродушно наблюдали нарочито агрессивные заскакивания кошки, ее ползания по их тушам. Длани, правда, иногда рычала, зато Данг был в восторге.

Его кошки легко вписались в жизнь замка. Эльфы и люди, баловали их пищей, выполняли любые капризы. И не из страха, а потому что они — часть графской obsługi и принадлежат опекуну их графини, сьеру и немного графу. Для первородных Карлайн был еще и Алитэ — избранником одного из богов и, несмотря на человеческую сущность, находящимся выше них.

Всем было хорошо. Ему — нет. И поэтому — хватит ждать. Леона будет тянуть до бесконечности. Он скомандовал кошкам, лежащим на ковре неподалеку:

— Данг, Длани, выйдите в коридор, сядьте у дверей и никого не пускайте.

Графиня с интересом посмотрела на послушно вышедших кошек и с изумлением спросила у обнявшего ее Карлайна:

— Сударь, вы хотите меня изнасиловать? — с интересом спросила она, ничуть не испугавшись.

— Нет, сударыня, — покачал головой Карлайн, — я хочу вас обследовать.

Леона рванулась. Она была не против интимного сближения с графом, но не хотела лечиться. Однако правая рука юноши, которой он решительно обнял ее и прижал обе ее руки к телу, такая тонкая и слабая на вид, неожиданно оказалась словно стальная полоса. Она с удивлением поняла, что не имеет никаких шансов вырваться.

Словно не замечая действий графини, Карлайн медленно поднял подол платья наполовину, немногим выше колена.

— Ваше сиятельство, — попросил он, — положите правую ногу на стул.

Леона еще раз рванулась и, смирившись, попыталась поднять ногу. Искалеченная нога подчинялась с трудом. Карлайн поспешил на помощь, что оказалась очень непросто. Когда ступня ноги оказалась на стуле, им пришлось немного отдохнуть.

Он медленно, не касаясь ноги, провел рукой сверху вниз от колена до ступни. Подумал, определяя ощущения болезни, провел от ступни до колена.

— Сударь, можете не держать меня, — тихо попросила девушка, — я не буду сопротивляться. К тому же левую ногу я не подниму. Она почти не работает, хотя и постоянно болит.

Карлайн отпустил ее, опасаясь капризов Леона, но она честно замерла, давая возможность лекарю обследовать вторую ногу.

В коридоре раздался рык кошек, женский визг — к графине хотела пройти Лика, но хищники, ласковые в обычное время, оскалили зубы и зарычали. Служанка, судя по звукам, бросилась бежать.

— Вы запустите удивительную сплетню, — равнодушно сказала графиня, — и долго вы

собираетесь любоваться моими ногами?

Карлайн очнулся, густо покраснел, поняв, что действительно откровенно пялиться на ноги графини. Что делать, это были первые полуобнаженные женские ноги, которые он видел. Он поднял правую ногу на стол и совершил те же действия, что и с левой, провел рукой сначала от колена до ступни, а затем от ступни до колена.

Затем опустил подол платья, позвал кошек. Когда Ли́ка, поминутно оглядываясь и вскрикивая от каждого шороха, постучала в дверь и получила разрешение войти, перед ней развернулась идиллическая картина: графиня и ее опекун пили сок и о чем-то весело разговаривали, устав от изучения реестра земель и имущества. Длани чутко дремала у камина, а Данг, развалившись на спине, играл с Маликой.

— Ваше сиятельство, — в очередной раз покраснев, сообщила служанка, — из канцелярии герцога явился посыльный, чтобы передать печать господина опекуна.

— Это замечательно, — искренне порадовалась Леона, — просите его.

Под конвоем эльфа в комнату вошел чиновник, по виду — типичный клерк, поклонившись, протянул Карлайну пакет, попросил расписаться в получении и ушел, попрощавшись.

— Ну открывайте же быстрее, — засуетилась графиня в нетерпении, — нельзя же быть таким медлительным!

Карлайн стал аккуратно разматывать бумагу. Девушка, обозленная его неторопливостью, вырвала пакет и сорвала обертку. Сколько материала испортила, — огорчился новоявленный опекун. На счету в Мальбекском денежном банке у него было несколько тысяч серебра и два десятка золотых, но введшаяся в кровь бережливость и скромность в быту у него оставались и он был готов подобрать клочок бумаги или материи, приберегая их на черный день.

Леона поискала, куда бы поставить печать, не нашла и шлепнула ее просто на обертку.

— Ух ты! — вырвалось у нее, — его светлость необычайно добр к тебе!

Карлайн пригляделся к оттиску, не нашел ничего интересного, о чем и сообщил графине.

— Дурачок, — потрепала она его по уху, — Карлайн возмущенно отодвинулся, — посмотри, печать разделена на две части — половину составляют символы моей семьи. Это понятно, ты же опекун графини де Карфинд. А другая половина — символы личной печати герцога. Ты практически можешь отдавать приказы от имени герцога.

Карлайн хмыкнул, пригляделся. Объяснение графини добавило к его пониманию ситуации немного.

Леона ласково похлопала по плечу.

— Успокойся. Я же понимаю больше и говорю тебе — герцог тебе очень благоволит. Что еще нужно?

Карлайн сдался под настойчивым теплым взглядом. Пусть ее сиятельство погордится хоть чем-нибудь.

Ее хорошее настроение объяснялось определением болезни ее ног, которое он успел дать до прихода Ли́ки.

— Ты бестолковая, капризная, своевольная девочка, — выговорил ей лекарь, — почему ты не лечишь свои ноги? Инвалидом лучше?

— Но хороших лекарей нет, — наполнились слезами глаза девушки, — скажи же мне свое мнение.

— М-гм, — сбавил тон Карлайн. — правая нога двигается плохо из-за ущемления нервной жилы. Я проведу несколько раз массаж ноги. Будет немного больно, но если ты сумеешь вытерпеть, нога станет совершенно здоровой. Надо будет только укрепить мышцы. А вот с левой хуже. Дурной лекарь, да сгорит его душа в темных чертогах, неправильно срастил твои кости.

— Я поняла, — поникла графиня, — хотя бы одна нога...

— Почему одна, — удивился Карлайн, — ты недослушала меня, Леона. В какой-то мере с ней даже проще, чем с правой. Сломаем кости в двух местах и снова срастим.

— И все? — удивилась в след за ним девушка.

— Будет больно, — вздохнул Карлайн, — достаточно сильно. Неделю вы будете кричать от боли, проклинать весь мир и меня в первую очередь.

— Неделю я выдержу, — Леона благосклонно кивнула и протянула руку для поцелуя, — вам не кажется, что пришло время для конной прогулки? Ваши кошки уже устали спать и переваривать обед, — она кивнула на внимательно следящих за Карлайном Длани и Данга, — да и нам надо размять косточки.

Глава 35

Лечить графиню Карлайн начал уже в вечер того же дня. Леона немного посопротивлялась, как понимал юноша, исключительно из женской привычки оставлять за собой последнее слово.

Позволив ей поворчать, лекарь начал распоряжаться. Лика и пожилая травница Ноя, кое-как лечившая прислугу, должны были приготовить из жира и нескольких травяных настоек две мази: разогревающую тело и успокаивающую. Еще Карлайн пригласил эльфа Талиида из десятка охраны, знавшего кое-что из лечения людей. Ему могли понадобится крепкие руки, чтобы удержать графиню на месте.

Закончив приготовления, Карлайн, вымыв руки, подошел к кушетке, на которой лежала Леона. Лика и Ноя подготовили ее к процедуре лечения. Обнажена была одна правая нога на ладонь выше колена. Все остальное было целомудренно спрятано под одеяло. Но графине было все же не по себе. Женское тело могло обнажаться мужем, в крайнем случае лекарем. А тут двое мужчин.

— Я думаю, что такое можно вытерпеть только для выздоровления, — поделилась она своими соображениями.

— Разумеется, ваше сиятельство, — механически ответил Карлайн. Он был сосредоточен и совсем не видел в этот час в графине молоденькую девушку. Перед ним была больная, которую требовалось излечить. При чем тут смущение?

Он щедрой рукой зачерпнул мазь, размазал ее по ноге и стал втирать в кожу. Леона, вначале напрягшаяся от прикосновения мужских рук и ожидания обещанной боли, постепенно успокаивалась. Нога разогревалась, вызывая приятные ощущения. А руки Карлайна, который уже не гладил, а разминал мышцы, только усиливал волны тепла, разливающееся по всему телу.

Кажется, хватит, мышцы разогрелись, кровь по ним побежала быстрее. Карлайн показал Талииду, как надо держать ноги. Эльф должен был удержать девушку от рывка и прижать сухожилие, пока Карлайн исправит неустroение ноги, образовавшееся после крушения кареты.

Он начал вытягивать и смещать нервную жилу, причиняя Леоне неожиданную сильную

боль. Та забила на кровати, не способная терпеть ее. Но эльф невозмутимо держал ногу крепкой хваткой. По его мнению, боль была настолько слабой, что надо было спокойно лежать и улыбаться. Первородные так бы и делали. Вместо этого графиня устраивает истерику. Ох, уж эти низшие! Нет бы благодарить богов, приведших лекаря в их никчемный городишко. Их Алитэ отмечен вниманием богов. Даже жаль, что он человек, но с небожителями не поспоришь.

Карлайн не переставал массировать. Его руки медленно, но верно смещали жилу. Наконец, после очередного вскрика — проклятья в адрес коновала лекаря он почувствовал, что достаточно. Женщины по его команде стерли остатки разогревающей мази мокрыми тряпками. После этого он втирал уже успокаивающую мазь.

Леона какое-то время была напряженной, несмотря на слова юноши об окончании лечения. Потом мазь изгнала последнюю боль и она даже немного подремала, когда Карлайн перестал гладить ногу и объявил об окончании работы. Талиид с благодарностью и десятком серебряных монет был отпущен. Служанки снова тщательно обтерли ногу тряпками. После чего Карлайн предложил графине встать.

Леона удивленно посмотрела на него, но юноша невозмутимо заметил, что ему необходимо увидеть итоги лечения. Служанка попыталась пойти за слугами с паланкином, но Карлайн остановил ее.

Девушка взяла костыли и попыталась прогуляться. Сначала ее придерживали с одной стороны Карлайн, с другой — Лика, чтобы она не потеряла равновесие и не упала. Но графиня так уверенно заковыляла по комнате, что сразу стало ясно — она не упадет. Правая нога полностью подчинялась хозяйке. Она твердо наступала на нее, перенося костыли вперед.

А Леона шла и слезы благодарности и счастья переполняли ее. За десяток минут боли он сумел излечить одну ногу. Он послан ей богами! Пусть будет какая угодно боль, но она позволит ему сломать ногу. А потом... потом она найдет, чем отблагодарить его.

Карлайн немного остудил ее радость, заметив, что пока ей нельзя ходить долго. Вот завтра, ближе к обеду, он проведет еще один массаж, закрепляющий расположение мышц и жил и тогда...

— Я буду много ходить! — гордо заявила Леона.

— Я буду ломать вам левую ногу, — поправил ее Карлайн.

— Ну и что, — она села на кушетку, указала на место рядом с собой, — так ломайте же!

На следующий день Карлайн провел новый массаж на правой ноге и тщательно проверил левую. Нет, он не ошибся при предыдущем осмотре. Кость в двух местах срослась неправильно. Приложи недотепа лекарь немного усилий и через месяц после катастрофы девушка имела бы совершенно здоровую ногу. Но теперь сожалеть было поздно.

Ломать так ломать. Проблема возникла сразу. Кто будет ломать? Карлайн знал, как это делать, но у него было еще мало сил. У эльфов и стражников сил было достаточно, но не было умения. А рисковать ногой девушки, к которой втайне был крайне равнодушен, он не хотел. Можно так сломать, что нога будет окончательно изуродована.

Леона с каменным выражением лица выслушав стенания юноши, саркастически заметила, что, если бы уважаемый опекун подумал именно головой, а не другим место, он бы сразу вспомнил об одном умельце.

Обиженный Карлайн поинтересовался у одной чрезмерно умной дамы, кто же это может быть, если лекарь в замке один и находится в этой комнате.

ПАЛАЧ.

Карлайн пришел в замешательство, открывая и закрывая рот, он пытался найти какое-то возражение. Не нашел.

Конечно, палач противоположность лекарю, калечит тело, разрывает мышцы и жилы, ломая кости. Но по своей работе он должен хорошо знать тело и ломать, точно зная, что и как сильно. А им и надо сломать. Лечить же будет он — лекарь. Поразмывшись, он нежно поцеловал графине руку. Это было так приятно, что она покраснела и, чтобы ее чувства были не столь видны, прошлась по комнате.

Палач Димун подтвердил мнение графини, которая, как рачительная хозяйка знала о возможностях своих владений и поданных. У него хватало возможностей и сил. Он профессионально поинтересовался, какую кость и как ломать, больно или по необходимости. Узнав, что надо поправить неправильно сросшуюся кость, кивнул головой — для него такое лечение не было новостью. Заминка произошла только один раз, когда палач узнал, что кость придется ломать графине. Он наотрез отказался, поскольку одна мысль о прикосновении к телу столь сиятельной дамы доводила его до икоты.

Его с трудом уговорили. Леона давала ему честное благородное слово, что в любом случае он не пострадает, а будет щедро вознагражден. Но убедила его не хозяйка, а Карлайн, пообещавший за помощь снабжать по умеренной цене настойку правды, развязывающей язык допрашиваемым не хуже раскаленного металла. Димун знал о такой настойке, но нигде не мог купить. Тинниль категорически отказывался создавать вредоносный настой, а купцы, отправляющиеся в другие города не приводили ее, отнекиваясь отсутствием. Карлайн же пообещал сварить ее на днях.

Палач пришел в спальню графине, где решили провести операцию и выздоровление девушки, с ужасающим набором инструментов, в который входили ломик, клещи, топор и кое-что по мелочи. Женщины поспешили сбежать. Леона уже ничего не видела, усыпленная сильнодействующим снотворным. Димун, помолясь богам, вопрошающе глянул на Карлайна. Как и лекаря, его совершенно не приводили в экстаз обнаженные ноги. Он видел только поле своей деятельности. Сегодня надо было не пытаться, а лечить, но его работа изменилась не сильно.

Внутренне содрогаясь и задержав дыхание, Карлайн провел черточку палочкой с сажой на кончике по коже, показывая, куда надо бить. Палач не стал затягивать. Он нанес короткий, но сильный удар ломиком. Раздался треск сломанной кости. Удар был точным. Карлайн провел над переломом руку. Все правильно!

Он провел вторую черточку. Палач, вытерев со лба обильный пот, нанес второй удар. Карлайн провел руку. Все!

Он быстро соорудил корсет из стальных спиц, которые сыграют роль силовой решетки и залил его гипсом. Димун, вынужденно разбиравший в хирургии, помогал ему. Теперь все зависит от богов. И он начать будить Леону.

Глава 36

— Ее сиятельство, Леона де Карфинд графиня Моренд баронесса Леканд со своим опекуном сьером Карлайном ибн Саади де Кафар!

Мажордом громко произнес имена и титулы вошедших и ударил палкой о пол. Наступила тишина. У Карлайна создалось впечатление, что следом за ним идут его кошки — такой был шок у собравшейся в зале знати.

Сам герцог в нарушение всех традиций и церемониала сошел с трона и подошел к графине, удивленно разглядывая Леону, словно она превратилась в неведомую зверушку. Карлайн усмехнулся. Для такой картины можно было потерпеть почти три месяца мучений.

Когда графиня после операции очнулась, она едва не задохнулась от острой боли. Карлайну приходилось поить ее болеутоляющими настойками и почти постоянно передавать ей свою силу, подавляя боль.

А тут, как специально, потоком пошли посетители, со своими болезнями, или с больными животными. И отказать им было нельзя. Приходили эльфы, приведшие заболевшего единорога и принесшие эльфа, чья душа была сильно истощена проклятием черной колдуньи. Вновь появилась жена коннетабля со своей собачкой. Понадобилась помощь и официальной дочери герцога, отравившейся неправильно приготовленной пищей ленивым поваром... Забот хватало.

Но он ухитрялся уделять Леоне большую часть суток. Через неделю ей стало легче. Но вместо боли пришли новые заботы. Графиня училась ходить без подпорок, что оказалось в восемнадцать лет после почти неподвижной жизни непросто. Пришлось, особенно после снятия гипса, уделить внимание мускулатуре ног, которые, по настоянию графини, должны были стать не только сильными, но и красивыми. Кому она их будет показывать?

Нанесенный следом за этим Леонной удар довел Карлайна почти до истерики. Она потребовала, чтобы он вместе с ней учился танцевать!

Юноша наотрез отказался, хотя где-то в душе признавал ее правоту. Но это было уже чересчур.

Графиня ледяным тоном предупредила, что прикажет своей охране приводить его в танцевальную комнату силой. На это Карлайн не менее холодно предложил, попробовать, а затем посмотреть, кому подчинятся эльфы.

Леона, задумчиво посмотрела на Карлайна, по-видимому, поняла, какой будет итог обращения к первородным и использовала секретное женское оружие. Она ласково и как-то растерянно улыбнулась и жалобно попросила учиться с ней. А то у нее нет партнера для танцев.

Карлайн понимал, что им элементарно крутят. И что графине не нужен никакой партнер. Им будет сам приглашенный учитель танцев. Но понимая, уступил. Великая это вещь — женская улыбка!

Прошел еще месяц мучений и вот они здесь, на виду у всех. Герцог приглянулся к Карлайну и усмехнулся. Леона настояла, чтобы его костюм отражал вид золотисто-зеленого платья фамильных цветов де Карфинд с оборочкой ее любимого фиолетового цвета.

Подобное соотношение цветов дамы и ее кавалера говорило всем, что они сохраняют возвышенные чувства друг к другу. Леона это знала, Карлайн тоже. И он впервые не стал протестовать.

Рандав знал обычай не хуже их. Он залюбовался ими. Стройные, молодые, гибкие. Она — нимфа в белокуром нимбе волос, он — вечный охотник вечности, незлобиво идущий по жизни.

Вдохнул и вернулся на трон. Требовалось закончить прием гостей и начать бал. Этот праздник — день всех богов — был самым крупным и попасть на него желали очень многие. Но, разумеется, попадали только самые достойные.

А Леона вместе с Карлайном шли мимо расположившейся у стен знати. Естественно, графиню де Карфинд, отпрыска одного из самых знатных родов, поместить требовалось

только в непосредственной близости от герцогского престола. Это сьера де Кафара в прежние времена можно было заткнуть в ряды дворян в середине зала и даже оттеснить к выходу. Для графини де Карфинд все эти варианты были крайне дерзким оскорблением личности. Таким, которое смывается только кровью виновников и как можно в большем количестве.

Впрочем, никто и не собирался унижать ставшую ослепительной красавицей Леону де Карфинд и ее грозного и загадочного опекуна сьера Де Кафара, шокирующего всех низким происхождением и волнующего великолепными вазлиборскими кошками, дружбой с эльфами, и умением убивать красивыми выпадами шпаги. Им представили места за столиком вместе с коннетаблем бароном де Саннуа и капитаном гвардии графом де Лансом.

Карлайн, оказавшись за столом с такими собеседниками, засмутился. Леона же, наоборот, ожила. Многие годы, будучи прикованной к кровати, или, в лучшем случае, к карете или паланкину, она была лишена обычных развлечений обычных людей. И теперь, поблескивая глазами и слегка порозовев, она великодушно разрешала поглядеть на себя длинной когорте придворных кавалеров. Инвалид Леона, даже обладавшая большими владениями и длинной родословной, не интересовала никого, ибо дворяне всегда славились не только богатством и родовитостью, но цветущим здоровьем. Зато красавица графиня де Карфинд волновала даже тех, кому было за семьдесят.

Ощувив ситуацию, Карлайн заскрипел зубами. Проверил, легко ли выходит шпага из ножен. Сегодня ряд охотников за юбками может завершить свой земной путь.

Леона, проследив за движением его руки, забеспокоилась. После поединка с покойным виконтом Таннером де Ластияром она не сомневалась за исход поединка с любым дворянином. Поэтому под села к Карлайну и легонько коснулась его щеки губами.

Такой откровенный знак близости заставил потихоньку подглядывающих за ними загудеть — мужчин восторженно или разочарованно, в зависимости от семейного положения, женщин — ворчливо.

За их столом барон де Саннуа причмокнул от зависти, баронесса поморщилась от излишней фривольности, капитан гвардейской пехоты вдовец граф де Ланс воинственно погладил усы. Карлайн густо покраснел.

подавив таким образом сопротивление юноши, Леона скромно потупилась, показывая себя скромной тихой девушкой.

Карлайн покрутил головой, проклиная тесный воротничок. Он поклялся, что больше никогда не пойдет на праздники вместе с графиней. Изображать из себя пугало и ревнивца ему совсем не хотелось. Но и спокойно взирать на обменивающуюся взглядами с знатными отпрысками он не мог.

Но вот раздалась музыка — приезд гостей прекратился, герцог дал команду музыкантам расшевелить приглашенных, приготовить их к балу. Нетерпеливая молодежь не выдержала первой. Появилось несколько пар. Ключом бала был Ротерамский балет — старинное диво, вышедшее из древних молитвенных обрядов эльфийских жрецов. А до его начала можно было просто потанцевать, выпустив излишек энергии.

Леона потянула за собой Карлайна. Юноша по-прежнему стеснялся и ему не хотелось оказаться у всех на виду. Но графиня провокационно стала оглядываться в поисках кавалера и Карлайн сдался, решив проверить, чему же он научился.

Он бы утешился, если бы видел себя с Леоной со стороны. Две легкие, красивые фигуры изящно скользили по залу, вызывая вздохи и откровенную зависть. А поскольку графиня

прильнула к Карлайну, положив ему на грудь голову, большинство уже гадало, когда опекун сложит с себя обязанности и объявит о помолвке.

Гадал и герцог. Довольный, как вазлиборская кошка после удачной охоты и обильного обеда, он считал себя едва ли не главным автором сближения графини и сьера. И теперь жаждал награды для себя. Собственно, многого он не хотел — рачительный хозяин графских земель, верный вассал герцогской короны, который никогда не поддастся на посулы со стороны, вполне его устраивал. У Рандава, к сожалению, было слишком много врагов, которые по совместительству являлись его родственниками и имели права на престол, чтобы равнодушно относиться к изменениям в дворянских семьях.

Пара вернулась к своему столику. Герцог подал знак мажордому. Тот что-то сказал старшему музыкантов. Музыка прекратилась. Разочарованная молодежь очистила площадку. Начиналось основное действо — балет. И здесь главная интрига была в том, кого герцог, по традиции исполняющий роль старейшего мага, выберет в себе партнершу — лунную богиню, и возрождающихся богов — огненную богиню и каменного бога. С партнершей, которой становилась фаворитка герцога, все было ясно. Уже который год подряд ею становилась Луиза де ла Шато, очень отдаленная родственница герцога, на этом основании «по-родственному» проводившая почти все время в его окружении. Рандав был уже не мальчик и не любил изменений в личной жизни.

Но кто будет возрождающимися богами? Герцог привычно назначал на эти роли тех, кто, по его мнению, играл самую важную роль в герцогстве и при дворе. И, с его подачи, так и происходило. Не мало карьер в герцогстве начиналось именно так.

Никто не удивился, когда возрождающимися богами были выбраны графиня де Карфинд и ее опекун сьер де Кафар.

Глава 37

После бала возвращались поздно. Леона была счастлива, Карлайн — раздосадован. Ему все казалось, что девушка стремится подобрать себе ухажера, хотя она всего лишь наслаждалась жизнью.

Юноша вообще бы не стал ездить в замок, а заночевал в доме Тинниля, который, несомненно, будет рад. Но кошки остались у Леоны, а оставлять их на ночь одних было не расчетливо. Они разозлятся и перевернут все вверх дном, а потом будут неделю дуться, угрюмо на него глядя и капризничая. Дешевле было ехать с Леоной, не отвечая на ее улыбки.

Девушка скользнула к нему под бок и погладила по волосам. Карлайн отбросил ее руку.

— Ты чего такой злой!?! — удивилась она.

— Я не злой, — уклонился Карлайн от прямого ответа. Не сказать же правду. Он будет откровенно смешон, — слишком устал и проголодался.

— Так ты ревнуешь! — пришла ей в голову гениальная мысль.

— Вот еще! — оскорбился он, но так неискренне, что девушке стало ясно — ревнует. Неожиданно она притихла, о чем-то задумавшись.

Карлайн покосился на нее. Что-то подозрительно. Если Леона притихла, значит, готовит какую-нибудь каверзу. Но выжать правду из нее невозможно. Проверено на практике.

Так они и приехали. Леона — счастливая и расслабленная, Карлайн — подавленный и подозрительный. Он добился для нее всего — владений, титула, здоровья. И в результате страдает. Это справедливо?

Поднявшись на свой этаж в сопровождении эльфов, они вежливо попросились и разошлись по своим спальным. Кошки, почувствовав, что приехал их хозяин, нервно ходили по спальне, но в коридор не выходили — он им это категорически запретил. При его появлении Длани одним прыжком оказалась около Карлайна и стала, урча, тереться головой о ноги. Данг, как маленький, перевернулся на спину и, умильно оскалив пасть, тянулся к нему лапами. Семейная сцена, хотя кое-кто схватился бы за сердце и попросил успокаивающих капель.

Карлайн сводил их в туалет, посмотрел в кормушку — там была порция мяса на ночь, в поилке — вода. Поиграл немного с кошками, почувствовал, что засыпает на ходу. Выключил свет, оставив только один ночной светильник, и рухнул на кровать.

Его сон, крепкий, но чуткий, был прерван мурлыканьем кошек и тихим шепотом кого-то проникшего в спальню. Еще не проснувшись, он услышал:

— Милые кошечки, вы же меня пропустите к хозяину, не так ли? Мне надо с ним поговорить.

Кому это надо с ним поговорить глухой ночью? Убийца? Но как он прошел через дежурных эльфов и почему его вазлиборские кошки, известные своей свирепости, уже не рвут на части незнакомца, а, наоборот, ластятся к нему.

Он резко сел, готовый немедленно отразить нападение и оторопел. Перед ним была... Леона!

В одной ночной рубашке, пикантно изогнувшаяся, она была очень привлекательна. Пройти к Карлайну она не могла из-за кошек. Те не то, чтобы не пускали ее, нет, нет, они всего лишь требовали своей доли внимания к ним. Леоне пришлось погладить их и немного поиграть, пока она сумела прорваться к кровати.

— Ваше сиятельство, вам не кажется, что вы поступаете не совсем прилично, оказавшись почти обнаженной в комнате чужого мужчины, — попытался вразумить ее Карлайн, завернувшись в одеяло.

— Это можно исправить, — сообщила Леона, садясь на край постели.

— Что? — не понял Карлайн.

— Чужого мужчину, — Леона сняла ночную рубашку и нырнула под одеяло.

— Но Леона, мы же..., - попытался вразумить ее Карлайн. Но она запечатала ему рот поцелуем и прижалась к нему. И тогда он уже не мог сдержаться...

Они уснули только под утро, всю ночь проведя в осторожных ласках. Как и у Карлайна, это была ее первая ночь любви и они впервые познавали то, о чем невзначай говорили взрослые. Леоне в ее окружении содержанки из числа бедных дворянок — мягко и романтично, Карлайну в пограничном селении знакомые подростки и парни — грубо и цинично.

Но едва они уснули, как в дверь негромко постучали. Кошки заворчали. Они всегда относились недружелюбно к появлению посторонних.

— Господин Карлайн, — раздался встревоженный голос Лики, — ее сиятельства нет в спальне. Вы случайно не знаете, куда она могла подеваться?

Карлайн не успел ответить, лихорадочно ища вариант выхода из неудобного положения. Сам он не боялся «прославиться», но подставлять Леону очень не хотелось.

У графини было свое понимание дворянских приличий.

— Я здесь, Лика, заходи.

Служанка открыла дверь и вошла, а смущенный Карлайн скрылся с головой под

одеялом. Кошки слегка зарычали на вошедшую, хотя и не очень враждебно. Лика с некоторых пор кормила их, когда Карлайна не было, а это случалось все чаще. Хитрые зверюги понимали взаимосвязь между появлением мяса в кормушке и служанкой и потому не стали ее пугать. Кстати, все запасы съестного они уничтожили ночью и теперь поглядывали на людей с некоторой надеждой. Не то, чтобы проголодались, но от легкого завтрака, состоящего из куска свинины или говядины, они бы не отказались.

— Подними мою ночную рубашку, — спокойно приказала Леона, — и скажи, чтобы накрыли завтрак на двоих в малой гостиной. Да, про кошек не забудь.

— Да, сударыня, — в отличие от своей госпожи служанка густо покраснела, подняла рубашку и пулей вылетела из спальни.

— Вы запустили громкую сплетню, ваше сиятельство, — недовольно заметил Карлайн, — можно было бы промолчать. Я бы сказал, что никого не видел.

— А? — Леона надела рубашку, расправила волосы, — мальчик, — покровительственно улыбнулась она, — ты разве не понял, что мы вели себя на балу, как два любовника. Общие цвета на одежде, поцелуйчики, объятия...

— Это все ты виновата! — вскипел Карлайн.

— Ага, а кто-то через каждые пять минут хватался за шпагу, изображая ревнивого любовника.

Карлайн смутился.

— Из-за тебя меня только три раза приглашали танцевать, не считая герцога.

— А чего они лезут! — попытался отбиться Карлайн.

— Милый, я всю жизнь просидела, завидуя даже самым дурным танцорам. Ты можешь мне позволить самой танцевать, раз уж поднял на ноги?

Карлайн что-то пробурчал. Леону он считал практически своей собственностью и не собирався с какой-то стати делить ее с другими мужчинами. Хотя бы на время танца.

Леона смачно чмокнула его в губы, ловко увернулась от объятий.

— Одевайся, все уже поднялись, одни хозяева замка соизволят в столь позднее время валяться.

Завтрак был по-деревенски обильным. Или Лика решила, что господа ПОСЛЕ ЭТОГО нуждаются в поддержании сил, или в замке уже все знали, но в отличие от прошлых утренних чаепитий с салатами и постными пирожками были поданы мясные и рыбные блюда.

Расправившись с маленьким кусочком мяса, Леона сказала как бы между прочим:

— Благородный дворянин после такой ночи с девушкой из приличной семьи обычно делает ей предложение.

Карлайн от неожиданности подавился куском рыбы. Леона заботливо постучала ему по спине и подождала, пока он отдышится.

— Но, Леона, — с грустью посмотрел он на нее, — я же простой дворянин, недавний простолюдин, без шиша в кармане. А ты...

— Я сказала — благородный дворянин, а не торгаш с улицы, — неуступчиво сказала она. — Ну? Или будем состязаться в размерах генеалогического древа и рассчитывать разницу во владениях?

А, лети оно все в темные чертоги! Он торопливо вытер салфеткой руки и, упав на одно колено, торжественно произнес:

— Ваше сиятельство, графиня де Карфинд, я прошу вашей руки и сердца!

Она благосклонно склонилась к нему, чтобы встретиться губами.

Глава 38

Большой Совет Ламодийского герцогства обычно собирался раз в две недели по понедельникам. Властные функции его были очень ограничены, обычно герцог на этих заседаниях черпал различную информацию из жизни герцогства. В некоторых случаях он опирался на его авторитет и различные указы выходили не от имени одного герцога, а от имени монарха и титулованной знати герцогства.

Вопрос, который выносил на обсуждение Совета, был как раз такого рода, когда требовалось решение не герцога, а всего благородного дворянства.

— Ко мне пришло несколько прошений, — герцог прошуршал бумагами, — их необходимо рассмотреть в одной связке. Вы не против? — он выжидательно посмотрел на присутствующих. Никто не возразил. — Во-первых, сьер Карлайн ибн Саади де Кафар просит нас, своего сеньора и сюзерена, освободить его от опекунства над Леоной де Карфинд графиней Моренд баронессой Леканд.

Все тридцать членов Большого Совета разом удивленно заговорили, не совсем понимая молокососа, который терял такое хлебное место. Впрочем, чуткое ухо герцога почувствовало некоторую фальшь. После бала на празднике всех богов, когда графиня и сьер ясно показали свою близость, отказ от опекунства был главным условием женитьбы.

— Во-вторых, — невозмутимо продолжил герцог Рандав VII, взяв другой лист бумаги, — Леоны де Карфинд графиня Моренд баронесса Леканд и сьер Карлайн ибн Саади де Кафар и просят нас разрешить им сочетаться священным браком перед алтарями богов.

Гул усилился. Кто-то заранее поздравлял молодоженов, кто-то неопределенно восклицал, глядя на герцога в ожидании его реакции. Но открытый протест вроде бы не звучал. Как это немного ни странно, но такой вариант устраивал всех. Графиня была лакомым кусочком, уже немного засидевшейся в невестах. Выздоровев, она несомненно в ближайшие же месяцы выйдет замуж. И ее муж, один из представителей местной знати, сразу же нарушит сложное соотношение дворянских группировок. Чужак же, не принадлежащий ни одному клану, всего лишь немного взмутит воду в герцогстве.

— В-третьих, Леоны де Карфинд графиня Моренд баронесса Леканд в целях сохранения ее рода настоятельно просит ввести сьера Карлайна ибн Саади де Кафар в ее род и впредь именовать как Карлайн ибн Саади де Карфинд граф Моренд барон Леканд.

Герцог помолчал, давая членам Совета усвоить сказанное. Затем продолжил неспешную речь.

— Прежде чем принимать решение по этим прошениям, просил бы членов Совета участь следующее — в этом году заканчивается очень выгодный на герцогства, да и, пожалуй, для каждого из нас, договор с государством эльфов — Эльфландом. И мы, и эльфы честно соблюдали подписанное соглашение, но сроки его действия истекли.

В последние полтора года мы вели очень напряженные и, чего греха таить, трудные и неприятные тайные переговоры с представителями их государства. Эльфы не отказываются от содержания в Гарне своего отряда — воины проходят здесь хорошую военную практику, тем самым поддерживая уровень основного эльфийского войска. Но торговые отношения они прерывают.

— Надо вновь отправить к ним свою делегацию! — потребовал герцогский казначей де Ланви, который, в очередной раз представив, какие финансовые потери понесет герцогство,

был готов сорвать с головы последние волосы. Настроения остальных членов Совета также стало сумрачным. Новость была очень неприятной. Почти все они в свое время вложились в организацию торговли, получали хорошие деньги и вот...

Рандав нехотя пояснил свою пассивность в переговорах:

— Прошедшей осенью эльфы категорически отказались вести дальнейшие переговоры, не собираются посылать новую делегацию и запрещают посылать нам в Эльфланд своих людей под угрозой мучительной смерти для послов. Казалось бы, мы оказались в безнадежном тупике. Эльфы никогда не меняют своих решений и не пересматривают подписанных соглашений.

Герцог помолчал, давая понять, насколько сложна общая обстановка на переговорах, и неожиданно подал надежду:

— Но с появлением нашего нового лекаря первородные неожиданно начали смягчать свою позицию. При этом, чем больших успехов добивался господин де Кафар, тем лучше к нам относился Эльфланд.

— Он является лазутчиком эльфов? — спросил кто-то. Доверительные отношения не мешали сторонам «подглядывать» за соседом. Люди здесь безнадежно проигрывали, а вот первородные имели разветвленную сеть шпионов.

Герцог поморщился от примитивности подхода.

— Я думаю, эльфы сами не могут разобраться в природе способностей де Кафара, — подчеркнул он, — он очень талантлив и необъяснимо хорошо умеет лечить. Эльфы, скорее всего, пытаются разгадать его тайну. С другой стороны, он и им очень нужен. Вспомните, что единорогов гвардии сумел излечить только наш юный лекарь. Эльфы — первородные исцелители — спасовали, а он смог. Не зря его так ценят и прозвали Алитэ. Кстати, многие думают, что это прозвище, а мне кажется — должность или звание.

— Ваша светлость, господа, — заговорил коннетабль герцогства барон де Саннуа, — нам необходимо сохранить хорошие отношения с эльфами. Только благодаря поддержке первородных Мальбекская империя терпит нас. Да и королевство гномов окончательно не добывает по этой же причине. Эльфийские стрелки пробивают даже замечательные гномьи кольчуги.

— На прошлой неделе травник Тинниль, который выполняет некоторые дипломатические поручения своей страны, передал сообщение от старейших магов Эльфланда — они готовы начать с нами переговоры, но с жестким обязательным условием — во главе людской делегации должен быть только де Кафар, — сообщил Рандав, — и я не вижу никакой причины отказать им в этом требовании. А чтобы наш неопытный друг не запутался и не провалил переговоры, вы, де Саннуа, войдете в комиссию. Поскольку дело касается прежде всего финансов и торговли, де Ланви, также будете участвовать в переговорах. Этого хватит.

Герцог встал, посмотрел в окно, помолчал. Мысли его были спокойны. Ситуация развивалась близко к той, которую он предполагал. Его монаршая гордость могла быть спокойной — он проявил себя как дальновидный правитель. Но главное еще впереди. Сможет ли этот совсем мальчик разыграть доставшиеся им неплохие карты?

— Предвидя возможное развитие событий, я даровал де Кафару титул сьера. Ибо допускать даже до повседневных отношений с эльфами простолюдина было бы позором для герцогства. Но теперь, как вы понимаете, ставить во главе делегации дворянина с таким низким титулом было бы умалением чести герцогской короны. Графиня де Карфинд

оказалась весьма кстати со своими предложениями. Итак, господа, вы слышали мои соображения. Ставлю на окончательное одобрение. Согласны ли вы на лишение опекуна съера де Кафара?

— Да! — единодушие было полным. Возможные денежные потери и нарастание внешней опасности заставило знать позабыть о мелких недоразумениях.

— Согласны ли вы на брак Леоны де Карфинд графини Моренд баронессы Леканд и съера Карлайна ибн Саади де Кафара?

— Да!

— Согласны ли вы на просьбу графини ввести съера Карлайна ибн Саади де Кафар в ее род и впредь именовать как Карлайн ибн Саади де Карфинд граф Моренд барон Леканд.

— Да!

Глава 39

Переговоры полномочной делегации Ламодийского герцогства и Старейших Эльфланда велись в совершенно разных целях. Простодушные люди полагали, что первородные не хотят продлить договор на прежних условиях из-за его оказавшейся невыгодности и чрезмерной гордыни — эльфам не нравился приезд человеческих купцов в их священные леса. И поэтому герцог приказал идти на максимальные уступки — люди могли получать товары на границы государства или вообще доверить перевозку груза другим существам. Предполагалось увеличить торговую пошлину в пользу эльфов в три раза и предположить первородным самим определять, чем они ее желают взимать — золотом, серебром или каким-то товаром. Пошлина с эльфов уменьшалась вдвое. Первородные могли находиться в герцогстве любое время без уплаты пожилого налога и без предъявления документов.

Если требовалось, комиссии разрешалось идти и на другие уступки. Все равно экономические и геополитические условия были очень большими. Договор для герцогства был очень выгоден. **ОЧЕНЬ!**

Между тем Старейшие Эльфланда Танив, Трард и Тамин совсем не думали о договоре. Для них он не существовал. На это существовали младшие Старейшие, которые занимались хозяйством и обороной, культурой и взаимоотношениях с другими существами.

А Старейшие видели свои обязанности в другом. Они были Посвященными Шестого Листа, назывались уже Дан-посвященными К Свету и об их статусе знали очень немногие доверенные лица. Для низших Посвященных и обычных эльфов существовало только три ступени — Посвященные Первого Листа, Второго Листа, Третьего Листа. На самом же деле было шесть ступеней. Об этом узнавали очень немногие Посвященные Второго и Третьего Листа, очень талантливые и продвинувшиеся в знании, и обязательно приближенные богами.

Дан-посвященные Шестого Листа больше занимались общением с богами и выполнением их поручений, чем земными заботами. И у них внезапно появились заботы за пределами Эльфланда. В конце прошлого года эльфы, проживающие в Ламодийском герцогстве, сообщили о появлении низшего со всеми признаками Алитэ. Судя по сообщениям, действия человека действительно соответствовали признакам избранника богов. Родичи просили узнать, какой бог избрал низшего, поскольку четких примет ими выявлено не было. Старейшие, разумеется, согласились и обещали в ближайшие годы провести ритуал тождества. Они не любили торопиться. Позади была вечность и впереди будет вечность. Стоит ли суетиться?

Однако вскоре они получили еще одно указание, на этот раз в форме приказа. Боги потребовали немедленно отправиться в Ламодийское герцогство и оформить тождество проживающего там Алитэ. Одновременно боги объявили этого Алитэ равным себе, поскольку он также легко находит поле Алитэ и впитывает его святость. Их интересовало, не появился ли из первородного хаоса новый бог, а если нет, то кто это?

И Старейшие отправились, как им было указано, немедленно, одновременно объявив низшим герцогства о начале переговоров. Потребовав явки на него избранного богами, они собирались провести тождество и уехать, прервав отношения с людьми. Заботы низших совсем не беспокоили первородных. Но об этом знали только они, трое Старейших Эльфланда.

Герцог, который ждал начала возможных переговоров через четыре месяца, был обрадован неожиданному приезду полномочных представителей. Срок действия предыдущего договора иссяк, торговля прекратилась, поскольку эльфы отказались продлить экономические отношения хотя бы до начала переговоров. И вот они начнутся!

Граф де Карфинд был срочно отозван из поместья, где он проводил с женой медовый месяц. Карлайн, конечно, появился во дворце недовольный. Но герцог коротко напомнил ему, с какими условиями он мог жениться на Леоне и получить титул. Карлайн кисло улыбнулся.

Когда его будущая женошка разыграла спектакль с признанием в любви, он ничуть не обманывался. Конечно, графиня была не продажной девкой из борделя, чтобы провести с ней ночь и расстаться, как ни в чем не бывало. Но безродному без году неделя дворянину сочетаться браком со знатной владелицей богатых владений...

Выздоровев, Леона стала яркой звездочкой среди невест. Красива, богата, знатна. Даже герцог не сможет выдержать давления, а если придется — дворянского восстания. На различного рода приемах и вечеринках ее осаждал табун кавалеров, а в замок стали приходить сотни писем и приглашений.

Однако графиня не нуждалась в новых женихах. Она уже выбрала себе мужа и наивно полагала, что все должны были уважать ее выбор. Леона заставила его написать просьбу герцогу освободить его от опекуна — написал, но с тяжелым сердцем. Затем с радостью подписал просьбу о разрешении на брак, хотя и понимал тщетность своих надежд. И с удивлением прочитал третью. Он может стать графом!?

Леона быстро оформила бумаги и с посыльным отправила их в замок. К его крайнему удивлению и даже некоторому графини, уже на следующей неделе герцог личным рескриптом вызвал их в замок. Необычность ситуации подчеркивалась и статусом посыльного. Им был выздоровевший лейтенант граф де Моньер. А ведь было достаточно простого гвардейца. Это говорило, скорее, о позитивном ответе герцога

Но была в этой бочке с медом и существенная ложка дегтя. Карлайн вызывался в замок один, без Леоны.

Графиня удивилась, а затем обозлилась и заявила категорично:

— Я тоже поеду! И никто меня не смеет удержать! Да, дорогой?

Первый раз столкнувшийся с проблемой семейных разборок, Карлайн замялся.

Лейтенант пришел к нему на помощь.

— Герцог, зная ваш твердый характер, приказал мне предупредить вас, графиня, что в случае вашего личного визита во дворец, его светлость откажет господину съеру в аудиенции и отложит рассмотрение ваших просьб на неопределенное время.

Леона топнула ногой. Теперь, выздоровев, она получила такую возможность.

— Хорошо, граф, — вздохнула она, немного осознав действительность, — тогда скажите хоть, что говорят о наших со сьером просьбах?

— Эта информация очень секретная, — ответил лейтенант, — герцог страшно обозлится, если я оглашу ее. Но я могу рассказать о ходящих по городу сплетнях. Весь высший свет судачит о состоящейся в ближайшие месяцы свадьбе вашего сиятельства и одного молодого человека.

— М-гм, я оставлю вас, господа. Сьер, навестите меня после приезда из замка.

Карлайн расстроено посмотрел ей во след. Она была такой хорошей девочкой до их сближения. А сейчас быстро вырастает в расчетливую стерву. А его превращает в подкаблучника и мямлю, дамского угодника.

— Не обращайтесь внимания, сьер. Такова женская сущность, — утешил его граф, — на них домашнее хозяйство и дети, слуги и гости. Поэтому им и приходится быть, прошу прощения, не очень добрыми. Пойдемте, — он потянул Карлайна к выходу, — кстати, пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить вас за чудесное лечение. Рана зажила великолепно. Я ее почти не чувствую. Если бы не тонкий шов, можно подумать, это был неприятный сон. Не забывайте, что я вас должник и друг.

Герцог принял его сразу.

— Садитесь, сьер, — показал он на стул и сразу перешел к главному: — я намерен удовлетворить все три ваши с графиней прошения. Большой Совет уже согласился и мне остается лишь поставить свою подпись на каждом указе. Но и вы тоже должны будете поработать на благо нашего герцогства.

Взглядом выслав из кабинета гвардейца и слугу, Рандав продолжил:

— У герцогства заканчивается договор с Эльфландом. Единственный на все человеческие страны. Эльфы согласились на проведение переговоров о возможном подписании нового соглашения, но объявили, что будут разговаривать только с единственным человеком. Я, надеюсь, вам не надо объяснять, о ком идет речь? Чем-то вы их прельстили, пять излеченных единорогов не могут объяснить столь стойкую приязнь к вам.

Карлайн конечно знал, но делится информацией не стал, а сделал удивленно-расстроенное лицо.

— Но не это сейчас важное, — герцог, проследив за трансформацией лица юноши, решил больше не давить, — от вас требуется немного — находиться на переговорах и четко выполнять все указания барона де Саннуа и казначея де Ланви. Я, кажется, немного требую, сьер? И это не ляжет черным пятном на вашу дворянскую репутацию. Попробуйте помочь своей новой родине — Ламодийскому герцогству... Алитэ!

Глава 40

Обе делегации были в сборе, когда вошел Карлайн с супругой. В этом опоздании, на что могли обидеться первородные, была виновата Леона. Отправившись вместе с мужем в герцогский дворец, чтобы, как она выразилась, выразить личную благодарность Рандаву VII за благосклонное внимание к ее судьбе, она вдруг за полчаса до начала переговоров заявила герцогу о желании самолично участвовать в них.

Герцог и до этого встретивший графиню кисло — она мешала ему дать последние инструкции — буквально взбесился. Карлайн впервые видел его светлость в таком состоянии. Но Леона и не думала уступать. Доводы о том, что эльфы при виде незаявленного

участника переговоров могут отказаться от с таким трудом налаженного контакта, на нее никак не подействовали.

Герцог на глазах превращался в грозовую тучу, готовясь испепелить Леону, но графиня не испугалась. Она сидела в позе скромного ученика, потупив глаза, и ждала. Все было рассчитано правильно — до начала встречи с эльфами оставалось несколько минут и герцог ничего не успеет сделать. Ни обругать, ни выгнать, ни вручить «награду».

Раздраженный Рандав пригрозил вызвать гвардейцев, чтобы физически воздействовать на одну нахальную дворянку. Леона рассмеялась ему в лицо. Герцог немного остыл. Таким образом заставить сиятельную графиню уйти из дворца, означало самолично спровоцировать дворянский мятеж.

Что же делать? Из-за этих женщин вечные проблемы, лихорадка их побери!

— Ваша светлость, — осторожно напомнил Карлайн, оглядываясь на часы, — переговоры уже начались. Мы можем серьезно опоздать.

Герцог практически взвыл, зло спросил у Карлайна, кто в его семье мужчина и потом махнул рукой. Монарху осталось только надеяться на хорошее настроение первородных, простивших низшим достаточно грубое нарушение дипломатического протокола. Иначе... Ему придется успокаивать практически все титулованное дворянство. Может быть, подавлять мятеж. Воевать с алчными соседями. В общем, ничего хорошего!

Переговоры уже действительно начались. То есть обе стороны сидели друг против друга в полнейшей тишине, обменявшись несколькими словами. Эльфы спросили, где руководитель человеческой делегации, коннетабль, гадая и грязно про себя ругаясь, ответил, что он задерживается по уважительной причине. Тогда первородные сказали, что будут ждать. И молча сидели, отказываясь вести даже светскую беседу. Им был нужен только один низший. Остальные могли заниматься, чем хотели.

Когда Карлайн вошел в небольшой зал, где проходили переговоры, коннетабль и казначей сначала гневно впились глазами в него, а затем, округлив глаза, увидели Леону. Эта новоявленная парочка решила сорвать переговоры? На предыдущих встречах их гости протестовали по самым мелочным причинам. То им не нравились гобелены, то мебель, то даже одежда людей. Они внимательно следили, чтобы с ними беседовали высшие сановники из сиятельной знати. Менять людей было нельзя ни при каком случае. А тут лишний, неоговоренный человек!

И два немолодых человека обреченно повернулись к эльфам, ожидая решительного протеста. Сейчас первородные возмутятся, холодно и высокомерно заявят протест, поднимутся и уйдут, отказавшись от дипломатических контактов с людьми.

Старейшим было не до переживаний людей. Низшие не знали, что переговоры сорвутся при любом развитии событий. Они впились глазами в юношу, никого и ничего не видя, кроме него. Этот человек был действительно необычным! Уже на первый взгляд он светился эльфийской палитрой чувств. Тлани, смерть которого очень огорчила Старейших, передал ему частицу своей души. Надо внимательно его рассмотреть!

Под их внимательными взглядами Карлайн прошел к своему креслу. Прежде чем сесть, он поклонился первородным. И к полнейшему удивлению людей, эльфы неожиданно встали и поклонились в ответ. Такая вежливость настолько поразила коннетабля и казначея, что они тоже встали и поклонились. Первородные никогда не отвечали на приветствия людей! А приехавшие непосредственно из Эльфланда почти не замечали их, с трудом позволяя себе говорить на переговорах с низшими. И вот такая странность — практически правители

эльфов отвечают молодому человеку, почти мальчишке. И все это из-за пяти когда-то излеченных единорогов?

У Карлайна были свои трудности. Он чувствовал, что его не просто разглядывают. Словно какие-то лучи, взгляды первородных пронизывали его тело и душу, проходя по самым потаенным уголкам тела. Слишком грубо и бесцеремонно. Надо показать гостям, как вести себя. Карлайн обратился к богам и оказался на уже привычной золотистой дороге. Теплые лучи наполняли тело теплом, силой, уверенностью, знаниями. Теперь ему стало ясно, как надо посмотреть на первородных и что сделать.

Вернувшись в мир действительности, он посмотрел на эльфов особым внутренним взглядом одновременно обратившись с призывом к зеленым садам Сталитэ. Огромный массив впечатлений, эмоций, воспоминаний из разума Старейших обрушился на него в ответ. Теперь он знал об эльфах все. Все знания и воспоминания, полученные Старейшими в ходе длительной жизни и частично забытыми ими самими, переключались к Карлайну и улеглись в его памяти.

Три этих старых эльфа, обратившихся скорее к богам, чем к земным помыслам, стали видны для него полностью. Он произнес с неожиданной величавой медлительностью, придающей голосу внутреннее звучание:

— Да, Дан-посвященные, я готов вас слушать, чтобы принять окончательное решение.

Глава 41

Переговоры для эльфов начинались с заминок со стороны людей. Почему-то их главная цель — низший под именем Карлайн опаздывал. Пришедшего без него его люди нервничали, не умея, как это делают первородные, скрывать свои эмоции и мысли.

Трард, до сих пор сохраняя такую осудительную черту характера, как торопливость, предложил воспользоваться промашкой людей и уйти. Но Танив и Тамин, понимая, что волю богов необходимо неукоснительно выполнять, отговорили его, предложив подождать. Раз уж они ехали почти неделю в Гарн, то почему не обождать еще полчаса.

Дан-посвященные разговаривали, используя мысленную речь. По милости богов на близком расстоянии они могла передавать слова прямо из головы в голову, не открывая рта.

Низшие, не имея такой возможности, очень тихо ругали опаздывающего на встречу. Они не понимали, что эльфы имеют очень острый слух и для них все равно, говорят ли собеседники шепотом или кричат. Однако, этот молодой человек весьма важен для них, если главный казначей и командующий вооруженными силами вынуждены ждать его, а не на оборот.

Наконец двери открылись и показался опаздывающий глава людской делегации. Вернее, опаздывающие. Дан-посвященные разочарованно переговаривались по мыслеречи. Их внимание совсем не привлекло появление молодой женщины, хотя это было явное нарушение предварительной договоренности о численности делегаций. Эльфы лишь отметили, что между ними тянутся освященные богами свежие семейные узы.

А вот сам предполагаемый Алитэ их разочаровал. Совсем еще мальчик, с простоватым, хотя и по мужски миловидным лицом, тоненькой фигурой, он не мог быть посланником богов.

Или все же был?

Когда он, подойдя к своему креслу, вежливо поклонился, Посвященные к Свету встали и поклонились в ответ. Боги указали на него, как на Алитэ, и хотя боги тоже могли ошибиться,

но пока они не увидели противоположенного, он будет для них избранным небожителями. В любом случае, на его душе был отпечаток эльфийской волшбы. Погибший Тлани, которому этот мальчик позволил пройти в посмертие, дав его души возможность переродиться, требовал внимания к человеку.

Дав ему устроиться, эльфы посмотрели на него вблизи и снова разочаровались. Никакой вековой мудрости в глазах, никаких символов богов. Неужели небожители все же оказались не правы?

Коротко обменявшись впечатлениями по мыслеречи, они решили посмотреть на его душу. Тело может обмануть не только эльфа — новичка, но и опытного Посвященного, а душа прятаться не в состоянии и всегда показывает истинный уровень существа.

Они привычно начали ритуал чтения, раскрывая телесные узы, разворачивая укромные уголки души. Юноша постепенно «разворачивался», представляя внутреннему взору первородных все тайны своей жизни. Они смотрели и разочаровывались. Обычный низший, довольно умный для своей расы, но таких множество. Это не Алитэ!

И вдруг они словно на стену наткнулись. Просторы души, прекрасно видимые, исчезли, словно резко загасили огни и стало совсем темно. Одновременно обычным, но очень сильным в отличие от обычных эльфов взглядом, который они называли истинным, Старейшие увидели, как по телу юноши пошли от головы к ногам горизонтальные круги золотистого цвета. Это была чистая сила богов, доступная очень немногим. Точнее, доступная только богам и очень сильным магам. Трем — четверем за все время существования Дайяры.

Танив привстал от неожиданности и восторга. Услышав мысленные покашливания родичей, несколько смутился, сделал вид, что привстал для поправления одежд, сел поудобнее.

А человек продолжал изменяться. Исчезла угловатая мальчишеская внешность, взгляд приобрел тяжесть и вселенскую мудрость. На них смотрела ВЕЧНОСТЬ! Душа человек окончательно закрылась, эльфы почувствовали, что, наоборот, теперь их души подвергаются тщательному осмотру. Трард попытался прикрыться, но чужая воля смела мыслительный щит, даже не заметив его. Так гранитная глыба, катясь с вершины, сминая хрупкую былинку. Не потому что она порождение зла, а потому что глыба...

Эльфы смущенно стали обсуждать, как им поступить. До сих пор только одни существа могли поступать таким образом — боги. Мальчишка из низших БОГ? Воля всевышних всегда неожиданна, но подобного допустить не могли даже они. Эльфы синхронно отвергли эту крамольную мысль. К тому же они не знали, могут ли боги сами создавать богов. Они появлялись из первозданного хаоса. И, кроме того, сами боги хотели узнать, бог ли перед ними.

Они обменялись впечатлениями. Нет, перед ними не был бог, слишком много в нем осталось земного и человеческого.

В этот момент изменения в их собеседнике завершились и он спросил/подумал:

— Да, Дан-посвященные, я готов вас слушать, чтобы принять окончательное решение.

Вслух с ними заговорил совсем еще молодой человек мальчик/юноша, а мысленно вопрошало могучее, грозное существо, куда более сильное, чем большинство богов.

И они даже не почувствовали, они познали неведомо как появившееся знание — перед ними Скользящий по Алитэ и сам Алитэ. БОГ?

Молодой человек бросил вопрошающую мысль. Она была настолько переполнена

силой, что эльфы поняли — на таком уровне они долго не продержатся. Их разум лопнет от переполненной силы. И не то, чтобы собеседник пытался навязать им свою волю или прервать естественную ментальную оболочку. Могучий великан, захотев пообщаться с кузнечиком спросил у него и оглушил бедное насекомое.

Тамин заносчиво посмотрел на людей и объявил, что низшие могут говорить. И одновременно маленькое существо из первородных, нерешительно остановившееся у врат вечности, робко попросило разрешения обратиться к высшему.

Юноша, поставленный, как они и настаивали, во главе переговоров, учтиво поинтересовался о трудностях дороги от Эльфланда до столицы Ламодийского герцогства. И сразу же отпустил одну-единственную мысль: «Позволяю».

Ментальная гора обрушилась на эльфов, не давая им думать, сдавливая сердце, перебившая дыхание. Внешне первородные спесиво сидели, словно размышляли, говорить ли им с низшими. А внутренне они боролись с раздавливавшей их ментальной тяжести. Им надо было выжить, чтобы оповестить миру о появлении нового Скользящего по Алитэ. Напрягая все возможности души, кое-как они сумели развеять обрушенную на них силу.

Сделав неприлично длинную паузу, Тамин буркнул, что дорога была нетрудной. А Танив мысленно учтиво попросил почтенного Скользящего по Алитэ ослабить силу своих мыслей. Они почти раздавлены ею.

Он был не так далеко от истины. Первородные уже не могли одновременно обмениваться мыслями и говорить — настолько они истощились. Еще одна мысль Скользящего по Алитэ на таком уровне могла оказаться для них последней.

Внешне Карлайн переглянулся с казначеем, негромко предложив тому заговорить о состоянии торговли и выгоды ее ведения для обеих сторон. А мысленно он извинился, постаравшись снизить тональность мыслей.

Мысли тяжелым грузом ложились на утомленные души эльфов, но, по крайней мере, не раздавливали.

Трард, немного передохнувший за несколько минут и взявший на себя дальнейший ход переговоров, отрицательно отозвался в ответ на предложение казначея продлить договор. После этого он мысленно сообщил, что им стало легче воспринимать разговор Скользящего по Алитэ, но почтительно попросил еще немного ослабить силу мысли.

Карлайн укоризненно посмотрел на де Ланви. Нельзя же так сразу соваться с главной проблемой людей в отношениях с первородными. А внутренне продолжил разговор с эльфами.

«Увы, — подумал он, — это самые слабые мысли, которые я могу передавать».

Эльфы решили научить молодого Скользящего по Алитэ некоторым житейским мелочам работы с магией, но когда они коснулись силы юноши, то оцепенели. Она была неисчерпаемой, неизмеримой и попытаться ее уравновесить было все равно, что ножичком попытаться срезать гору.

«Скользящий по Алитэ, — подумал Танив, — позволь нам немного отдохнуть и встретиться с тобой без свидетелей».

«Хорошо, — не возражал Карлайн, — я приглашаю вас в свой замок».

«Предложение Скользящего по Алитэ — большая честь для нас», — сразу согласился Танив, — мы заберем свои вещи и будем ждать на выходе из здания».

Трард обвел присутствующих тяжелым взглядом, каменным голосом отрезал:

— Нас не интересуют дальнейшие переговоры.

Не обращая внимания на оторопевших (кроме Карлайна, разумеется) людей, эльфы вышли из зала.

Глава 42

Настроение оставшихся в зале было мрачным.

— Все пропало, — в отчаянии шептал казначей де Ланви, — какие потери, сколько денег потеряно для казны, — как теперь закрыть прорехи в финансах?

Коннетабль был спокойнее, но тоже полон пессимизма. Охлаждение отношений с эльфами могло спровоцировать их более сильных соседей на войну. А это означало, что даже если герцогство отобьется, оно все равно ослабеет. И тогда страны, равные сейчас по силам, могут, в свою очередь, попробовать захватить лакомый кусок.

И оба понимали, что неудача скажется и на их личной карьере. Герцог, в последнее время взвинченный неопределенностями в существовании своей страны, легко расстанется с ними. И хорошо, если только все ограничится ссылкой в поместье...

Леона тревожно смотрела на мужа. Смятение немолодых и всегда уверенных в своих силах представителей знати неприятно поразило ее. А как же Карлайн? Почему он не попытался их удержать, поговорить? Ведь у него близкие отношения с первородными. Или ему все равно, что станет с герцогством, с их графством?

Карлайну тоже было беспокойно. Не по поводу договора — он прочитал в сознании первородных, что он их совершенно не беспокоит, но они легко пойдут на его продление, а, возможно, и на расширение. Его беспокоили новые способности, появившиеся у него. Кто он? Какой бог помогает ему? Почему он может читать чужое сознание? Огромные силы распирали его. Что он ими может?

— Дорогая, — Карлайн решил отложить неприятные вопросы до разговора с первородными, — уважаемые господа эльфы великодушно согласились остановиться у нас в замке. Ты не могла бы вернуться домой и проследить, чтобы были приготовлены покой и обед? А то у них специфические вкусы, ты же знаешь.

О-о, еще бы ей не знать. С десятком эльфов они были как за каменной стеной. Но у этой стены оказалось много капризов. Эльфы наотрез отказались располагаться в покоях, приготовленных для них прислугой. С этим Леона справилась сама, разрешив им устраиваться самостоятельно, по их вкусам. Затем им не понравилась пища, приготовляемая отдельным поваром специально для первородных. После долгого раута переговоров эльфы решили готовить сами. А еще одежда, обувь, пристрастия единорогов... Подчинялись они только Карлайну, игнорируя приказы остальных людей, в том числе самой Леоны. Если Карлайн распорядится свозить графиню в герцогский замок и вернуться назад, то будет именно так. А то, что Леоне вдруг захотелось свернуть в лавку драгоценностей и подобрать ожерелье под цвет нового платья, охранников не беспокоило.

Можно было кричать, угрожать, просить, умолять, плакать, пытаться подкупить — эльфы оставались равнодушными, словно она не к ним обращалась. Они везли ее прямо в графский замок, как было приказано их Алитэ.

Леона дважды устраивала выволочку мужу (пыталась), азартно ругалась с первородными. Она бы, не задумываясь, уволила бы всех охранников, но... Первый раз убийца караулил их на пути в герцогский замок, спрятавшись в кроне большого дерева. Ехавший перед ней эльф, не торопясь, но и почти не целясь, выпустил стрелу. Люди еще беспокойно оглядывались, пытаясь понять, по какому поводу стрельба, а с дерева уже падало

тело с арбалетом в руках. Леона тогда отметила, что ее муж был единственный, кто насторожился вместе с эльфами.

Второй раз на них напали около замка, когда они прогуливались. Десятка два пеших и конных внезапно бросились на них. Они что-то слышали про вазлиборских кошек и выделили четырех арбалетчиков (однако им не удалось даже поцарапать их шкуру) — настолько быстро напали Данг и Длани. Но главными их защитниками оказались эльфы, расстрелявшие убийц за несколько биений сердца.

После этого Рандав, недовольный размножением в герцогстве убийц, лично прочистил городское дно столицы и бывших вассалов виконта Таннера де Ластияра. Более ста мразей завершили свой жизненный путь и нападения прекратились. Однако отпускать эльфов было бы не разумно. Но когда первородные успели сказать о своем желании?

— Господин Тиль, — громко позвал Карлайн десятника, уверенный, что тот услышит. Когда эльф показался в дверях, распорядился: — сопроводите графиню в замок и помогите ей в обустройстве наших гостей. Старейшие маги Эльфланда, приехавшие в Гарн, остановятся у нас в замке.

Всегда спокойно-равнодушное лицо десятника сменилась гримасой удивления. Впрочем, он быстро с ней справился. Если Старейшие приехали в герцогство, то где им остановиться, как не у Алитэ?

Он уже спокойно повторил приказ, выжидаяще посмотрев на графиню. Леона демонстративно потянула время, единственно из вредности. Карлайн не стал обращать внимания на капризы жены (вечером в спальне опять получит легкую истерику и рассуждения о мужской неблагодарности), извинился перед де Саннуа и де Ланви, напомнив, что эльфы могут уехать и без него (сущее вранье) и вышел из залы.

Эльфы неторопливо возились с единорогами. Охраны у них не было. Посвященным такого уровня она не нужны. Старейшие одним движением мысли способны расправиться с любым убийцей.

Один из них (Тамин), явно проверяя Карлайна, пожаловался на ставшего раздражительным единорога.

Лекарь охотно помог, совершив ритуал лечения. Ему больше не приходилось касаться объекта обследования. Надо было лишь сосредоточиться и убрать все мешающие жизненные шумы. И тогда тело больного животного ли, человека ли представлялось ему полностью.

Эльфы, глядя на Карлайна истинным взглядом, удовлетворительно закивали. Золотистые круги прокатывались по телу. Юноша снова скользил по Алитэ, восполняя запасы чистой золотистой силы богов. Он был настоящим Скользящим по Алитэ.

— Ваша любимица в полном порядке, — сказал, улыбаясь, Карлайн, не подозревая о мыслях Старейших, — а нервничает немного от того, что скоро у нее будет первый жеребенок.

— Да? — удивился Тамин. Коснулся лба единорога, прислушался, обратился к Алитэ, — ничего не чувствую!

— Еще бы, жеребенку еще только двое суток.

— Да когда же они успели! — возмутился эльф.

Его единорог возмущенно фыркнул, протестуя против такого отношении к нему. Соседний единорог покрупнее топнул передней ногой и показал зубы.

— Понятно, — констатировал Тамин, — искать отца уже не надо. Спасибо, Скользящий по Алитэ, по крайней мере, я не начну искать болезнь моей ласточки.

Он похлопал единорога по шее, восстанавливая доверительные отношения между эльфом и животным и легко взлетел в седло. За ними последовали остальные Старейшие и Карлайн.

— Скажите мне, что со мной, уважаемые Старейшие, — обратился он к эльфам, — первородные, встречавшиеся мне на пути, уже рассказывали, что меня ждет, но теперь мне кажется, они несколько заблуждались.

— А что они говорили? — поинтересовался Трард.

— Они говорили, что мне дарован дар умирающим первородным за помощь при спасении его души. Дар — это память и отдельные навыки одного из богов, переданные через Посвященного, — добросовестно пересказал Карлайн полученную от эльфов информацию.

Старейшины заулыбались.

— Молоды еще сородичи, — проронил Танив, — горячи и невнимательны. Священные роши Эльфланда не могут охладить их и привести к правильным выводам. Слушай же молодой Скользящий по Алитэ.

Эльфийские боги милостивы к живущим на Дайяре. И, разумеется, они особенно помогают своим первым детям — эльфам. Иные из них в знак особенного благоволения получают разрешение на прямое общение с решившим приблизить к себе смертного одного из богов. Избранный получает знания, простейшие божественные навыки и немного силы бога. Конечно, небожитель мог бы дать и больше, но мы слишком слабы и несовершенны и легко умрем. Избранных называют Алитэ и они являются особой ценностью Эльфланда. Иногда боги даруют свою милость и неэльфу, если тот окажет особенно большую помощь первородным.

— Я — Алитэ? — спросил Карлайн. Ничего нового о себе он не узнал, хотя рассказ Старейших позволил ему лучше понять свою силу.

— Нет, — вступил в разговор Тамин, — если ты обратил внимание, мы называем тебя Скользящим по Алитэ. Ты не просто Алитэ, ты Алитэ всех Алитэ. Тебе дарована связь с всеми богами, а твоя сила почти равна их силе. А, может быть, даже больше. Нам не дарованы знания о божественной сути Скользящего по Алитэ. Ты можешь черпать силу в чистом виде на поле богов, куда возможен вход только самим небожителям.

Удивленный Карлайн усомнился в своем статусе.

— Нет, Скользящий по Алитэ, — заговорил Танив, — мы видели твое обращение к небесам и ни в чем не сомневаемся. А чтобы ты не сомневался... Скажи, когда ты ищешь новые знания и силу, ты мысленно не оказываешься на золотой дороге, окруженной бескрайней синевой?

— Да, — ответил Карлайн, изумленный, что эльфы знают о его видениях.

Мгновенно разгорячившиеся первородные заерзали в седлах.

— Это поле богов — поле Алитэ, — почти шепотом сказал Трард, — а золотистая дорожка — чистая сила богов, которую ты получаешь напрямую. Нам оказана великая честь видеть тебя, Скользящий по Алитэ!

Глава 43

Монарх Ламодийского герцогства Рандав VII в своих церемониальных одеждах был тем, кем, собственно, являлся — неограниченным правителем независимого государства. Было, правда оно небольшим и не самым богатым, но роскошь предыдущих поколений еще

позволяла ослепить гостей блеском золота и драгоценных камней.

Первородные явились в тех же дорожных одеждах, но подчищенная и поглаженная, облагороженная драгоценными амулетами Эльфланда, она позволяла выглядеть эльфам не менее роскошно.

Причина, по которой обе стороны скинули простоту повседневных дней, была одна — его светлость Рандав VII давал прощальную аудиенцию приезжавшим Старейшим Эльфланда — некоронованным правителям страны эльфов. Точнее сказать, первородные решили, что им надо встретиться перед отъездом с герцогом, но этим мелочам люди вынужденно не обращали внимания.

Рандав благосклонно улыбнулся, хотя, будь его воля, скрипел бы зубами. Этот мальчишка, новоявленный граф де Карфинд, и два бестолковых старика с мишурой чинов и наград с блеском провалили переговоры, которые закончились, едва начавшись. Эльфы отказались от всех предложений герцога. И, по его мнению, в первую очередь из-за неповоротливости и глупости Ламодийской делегации.

Начать казни или, если он не сможет, хотя бы ссылку в отдаленные провинции ему мешало несколько факторов.

Во-первых, эльфы еще оставались в Гарне. Отказавшись от переговоров, они не уехали обратно в свои леса, как это было обычно, а знакомились с городом, как обычные празднующие провинциалы, которых полно в крупные праздники. Они даже согласились прийти на бал в городской ратуше в честь какой-то важной городской даты. Приглашали их на всякий случай, из вежливости, и, когда они согласились, в Гарне начался страшный переполох.

Бал был второстепенным, заправлял там магистрат. Присутствие знати считалось необязательным, сам герцог хандрил и собирался вечером отправиться на ночную охоту. Пришлось приняться сразу за несколько дел. Плотники срочно ремонтировали довольно обветшалый зал ратуши, из герцогского дворца везли гобелены и ковры для прикрытия самых срамных мест на стенах и на полу, дамы, у которых на принаряживание оставалось два часа, взвыли вазлиборскими кошками и были готовы на манер этих самых кошек растерзать несчастных мужей и отцов.

Такого суматошного вечера герцог не помнил уже давно. От Луизы он просто спрятался, и она, обиженная, до сих пор не показывалась в дворце. Но в качестве компенсации ему достался почти час общения со Старейшими. Те были на удивление мягки и не кичливы.

Во-вторых, эльфы остановились не у своих, как это они обычно делали, а у графа Карфинда. И опять же не в покоях десятка эльфийской охраны, а на жилом этаже графа и графини. Старейшие необычайно выделяли юного графа. Как передавали многочисленные соглядатаи, они называли его Скользящим по Алитэ, первыми с ним раскланивались. По итогам всех донесений у Рандава создалось мнение, что эльфы считали себя чуть ли не ниже графа. Первородные — низшего? Мир не сошел с ума?

Можно было бы предположить, что сошли с ума хотя бы три этих эльфа, но с остальными они разговаривали с привычной высокомерностью, совершенно не отделяя герцога и, например, его коннетабля от смотрителей лавок и дворников. Чем-то он их привлекал. Чем? Умения лечить их священных животных было, кажется, маловато для такого почитания. Или эти несчастные единороги были животными их богов?

В-третьих, граф, оторвавшись, наконец, от своей ненаглядной графини, с которой почти не расставался (что поделать, медовый месяц), накануне приехал во дворец и уверенным

тоном предложил составить более обширный договор, который он согласен донести до разума первородных.

Лучше бы он пнул Рандава по его тощему задку. Изумление герцога было бы меньшим. Эльфы отказались от более скромного договора, а мальчишка предлагает такую наглость. Рандав мрачно поинтересовался, не собирается ли граф еще потрепать по щеке одного из эльфов.

Этот наглый мальчишка задумался, словно и действительно рассматривал такую возможность. Потом ушел от ответа, начав перечислять дополнительные пункты договора. По мере их перечисления, у герцога отвисала челюсть и он вынужден был подпереть ее рукой. Казначей де Ланви упал в обморок, а коннетабль де Саннуа побагровел настолько, что Рандав чуть ли не усомнился в его дальнейшем продвижении по тропе жизни.

Эльфам предлагалось подписать договор, по которому они гарантировали герцогский престол за Рандавом и его дочерью, обязывались немедленно поднять на защиту герцогства, если на него нападут, ополчение Эльфланда. Стороны обменивались посольствами, при них создавались торговые миссии. Ограничения в объеме и перечне товаров снимались. Единственно, что оставалось — человеческие купцы не имели права ездить и торговать по стране. Торг создавался только в столице. Первородные соглашались торговать лишь с жителями Ламодийского герцогства, делая их посредниками со всеми остальными народами и расами в торговле эльфийскими товарами.

У герцога задрожали руки, когда он представил, что такой договор удастся подписать. Он не будет много брать за посреднические услуги. Какая-то поштина в одну десятую стоимости товара... И эльфийское ополчение вызовет в крайнем случае... И для посольства передаст лучшее здание...

Но нет, это невозможно! Они только разозлят первородных своими крайне неприличными требованиями и те могут науськать на них коварных соседей. И поэтому категорично потребовал от Карлайна:

— Нет, граф! Не лезьте не в свои заботы. Вы и так натворили столько, что я не знаю, как с вами быть.

Как Карлайн не убеждал, Рандав уперся и в конце концов выгнал графа из дворца. По его мнению, переговоры с эльфами рухнули, но лучше ничего, чем совсем плохо. Ведь о выводе эльфийского отряда из состава гвардии Старейшие пока ничего не говорили!

Глава 44

И вот он сидит и смотрит на невозмутимо-горделивых первородных и графа, весело переговаривающегося с женой. Это черт знает что! У герцога дернулся кончик губы. Он не приглашал графиню на аудиенцию. Со стороны Ламодийского герцогства присутствовал он сам, коннетабль, казначей, капитан гвардии, человеческие и эльфийские лейтенанты гвардии, несколько человек знати, которых проще пригласить, чем поссориться. Ни одной женщины. Графа он тоже не приглашал, но тот явился вместе с эльфами и гнать его никто не решился. А его жена, наглая настолько же, насколько была ослепительно красивая, совсем не имела прав быть во дворе.

Герцог мстительно решил, что сразу же после отъезда эльфов он отправит Леону де Карфинд в ссылку. Куда-нибудь на север герцогства, там сейчас холодно, трещат морозы, пусть поморозит щечки и иные прелестные места. Долго под натиском просителей за графиню он не устоит, но месяца два продержится. Дура этакая, нашла где проявлять

любопытство. А Карлайна с ней не отпустит. Пусть находится в Гарне и скучает по жене. Если попросит аудиенции — откажет!

Он огляделся. Малый парадный зал, предназначенный как раз для таких случаев, был композиционно разделен на две равные части большим столом. С одной стороны сидел герцог, за его спиной находились ближайшие помощники и знать. С другой стороны расположились три эльфа. Приглашать кого-то родичей из числа проживающих в Гарне они не захотели. На торце, как бы разделяя (или соединяя?) их сидели граф со своей наглядной графиней.

Сидящий в центре Тамин положил на стол сумку, по внешнему виду кожаную, а в действительности из шерсти единорога. Стоила она примерно столько, сколько замок герцога со всем содержимым — Старейшие могли позволить себе такую роскошь. Вынул из нее пачку бумаги.

Холодно заговорил, четко разделяя слова. Высокомерия в нем было на трех герцогов, общающихся с чернью.

— Мы рассмотрели дополнительно введенные в договор пункты, — он принялся неторопливо листать договор, — в частности, о военной помощи со стороны Эльфланда.

Герцог дернулся, но не решился влезть в речь первородного. За такое хамство первородный убил бы сразу, а при невозможности — при первом удобном случае. Он же не согласился с дополнительными пунктами, почему они оказались в тексте официального договора?

Он скосил глаза в сторону графа Карфинда, мило улыбающегося всем присутствующим. Кто осмелился нарушить его волю, он не сомневался. И прелестные ушки графини из нововведенного текста видны прекрасно. Ссылка показалась ему смешной мелочью. После отъезда он прикажет пытаться графа, сначала загнать под ногти каленные иголки, затем приступить к дроблению суставов на левой руке...

— Отдельным пунктом идут гарантии вашего престола.

Потом палач перейдет к правой руке и будет очень медлительным и внимательным к причинению боли. А когда суставы будут раздроблены, палач отрубит обе руки. И прижжет раны огнем.

— Можно выделить еще оживление дипломатических отношений.

А его жену, эту породистую кобылу, он, как продажную девку, отдаст солдатам. Или нет, он натравит на нее этих ужасных кошек и они разорвут ее на части. Если сам останется в живых после сегодняшней аудиенции.

— Финансовые вопросы дополняют новые предложения, — эльф безучастно посмотрел на герцога.

Он посадит графа на кол. Прикажет принести кресло и станет любоваться его мучениями.

Герцог понимал, что его кровожадные мечтания так и останутся мечтаниями, но сдержаться не мог. Эльфы объявят войну или ограничатся его убийством?

Тамин закрыл договор и подтолкнул его в сторону герцога.

— Мы согласны.

???

Рандав замер в прострации, очень неэстетично застыв с открытым ртом и не реагируя на внешние раздражители.

Первородные несколько презрительно скорчили губы. Низшие есть низшие. Не могут

сдержатъ свои эмоции. А их правитель, похоже, вообще из числа деревьев. Какой-нибудь дуб. Ишь, как застыл.

Карлайну пришлось вмешаться. Он подошел к герцогу как бы для того, чтобы положить перед ним договор, а сам больно наступил ему на ногу.

Рандав дернулся, испепелил Карлайна взглядом. Острая боль заставила его очнуться. Взял договор, открыл последнюю страницу. Все правильно. Подписи Старейших рунным письмом. Знаменитая эльфийская печать красного цвета, постоянно меняющая яркость. А их экземпляр не готов!

Герцог еще до конца не понял глубину провала его дипломатической службы, когда Карлайн, словно так было задумано, самолично положил перед ним неподписанный экземпляр.

Быстро принесли писчие принадлежности, большую официальную печать герцогства. Договор был официально подписан обоими сторонами.

Находящиеся в зале люди, не в силах сдержатъ эмоции, зашумели. И даже недовольный взгляд герцога не смог их остановить.

Карлайн усмехнулся про себя, подумав, как бы вели себя поданные Ламодийского герцога и он сам, если бы знали, что все эти «невыполнимые и сумасшедший условия» предложили сами первородные?

Появление Скользящего по Алитэ среди людей Старейшие поняли как приказ богов по сближению с людьми. Кроме того, следовало беречь Скользящего. Это сейчас он занимается мелочами — лечит, дерется, женится. Но пройдет несколько сот лет и Скользящий по Алитэ, умудренный жизнью и знаниями богов, будет вершить судьбами мира. Поэтому не надо отвлекать его житейскими пустяками. Эльфийская охрана, которую надо увеличить до тысячи, должна будет защищать его от врагов внутренних, а от врагов внешних защитит эльфийское ополчение. Конечно, необходимо объяснить правителю Ламодийского герцогства появление такого количества воинов. Налаживание дипломатических отношений и создание посольств с торговыми представительствами позволяли найти причину для введения дополнительных сил.

Старейшины принялись разьяснять герцогу положения договора. Трард, указав на пункт об эльфийском ополчении, заявил:

— Мы предлагаем следующий состав нашего войска: тысяча тяжеловооруженных всадников из числа Посвященных к Свету, семь тысяч конных стрелков, четырнадцать — пеших. Согласны?

Дождавшись утвердительного мычания совершенно обалдевшего герцога, он продолжил:

— Посольство герцогства в столице Эльфланда Элитрии будет расположено в центре рядом со священным деревом эльфов. Со своей стороны мы требуем уважительного отношения к нашему посольству. Вот наш посол, — он кивнул на Карлайна.

Трарду пришлось замолчать на несколько минут, поскольку людские головы больше не могли выдерживать и им требовалось дать волю эмоциям. Эльфы, до этого презрительно относящиеся к низшим и находящиеся в самоизоляции, открывают свое первое посольство у людей и назначают послом человека. Это что же творится в мире?

Дождавшись, когда станет тише, эльф добавил:

— Наш посол полномочен принимать все решения, связанные с отношениями между двумя нашими государствами.

Карлайн, который накануне обсудил с первородными все нюансы, практически начал свою деятельность посла:

— Отсутствие договора мешало нашей торговле, но теперь он есть и я не вижу необходимости медлить дальше. Надо отправить караван в Эльфланд. Ваша светлость, дадите десяток повозок в аренду?

Герцог осторожно посмотрел на эльфов, но те совершенно не выражали никаких отношений, словно их приезд в собственную страну человеческого обоза совершенно не трогал. Подумать над ответом Рандаву не давал его казначей, который что-то горячо шептал ему на ухо.

Герцог отмахнулся, сказал:

— Да, — потом подумал, спросил: — компаньонов берете, граф? Я бы тоже отправил десятка три повозок, если, конечно, первородные разрешат.

Герцог смотрел на эльфов, но ответил Карлайн:

— Разрешат, — как о само собой разумеющемся сказал он и добавил: — а все, что останется из числа повозок, пойдет тем, кто даст наибольший взнос в герцогскую казну.

Глава 45

Герцогу очень хотелось поговорить с графом, председательствующему в делегации (ее еще не распустили), ставшему еще и послом Эльфланда, и которого Старейшие называли каким-то Скользящим по Алитэ. Но первородные не торопились расстаться с Карлайном. Тамин вынул из кармана коробочку и обратился к Леоне:

— Идущая рядом со Скользящим по Алитэ, — произнес он совершенно непонятный набор слов. Леона собиралась на всякий случай нахмуриться — вдруг он произносит нечто неприличное, но эльф бесцеремонно подошел к ней и положил перед графиней открытую коробочку: — это тебе.

Леона, недовольная, что незнакомый мужчина, пусть и эльф, подошел так близко, нехотя опустила взгляд в коробочку и взвизгнула от неожиданности. Она вскочила, обогнула ухмыляющегося Тамина и встала перед зеркалом. Быстро нацепив что-то, она обернулась к присутствующим.

Герцог ахнул вместе со всеми и порадовался, что больше из женщин никого не было. Первородные подарили графине изящные серьги из лурийского серебристого железа, которое у людей практически отсутствовало — единственный рудник был в Эльфланде, а первородные категорически отказывались продавать его людям по любым ценам. Но самое главное — камни. На каждой серьге был большой, отливающие морозной свежестью камень, почти ничего не весящий из-за своей магической составной. Эльфы называли их слезами грифонов. Сильно же очаровала Старейших Леона. Или, если прислушаться к эльфам, они так нуждаются в графе?

Порадовался за обоих. Раздумал их наказывать, как и остальных. Потом нахмурился, подумав о новых проблемах с женщинами. Луиза потребует себе, как минимум, такие же. Придется искать. Иначе их отношения будут разорваны, а он, несмотря на делящиеся уже несколько лет отношения, все никак не мог остыть к ней.

Леона и до этого была миловидной (как минимум) девочкой. После выздоровления она стала мечтой любого мужчины и без своих богатств и родословной. Но серьги сделали ее сногсшибательной красавицей, одним своим видом заставлявшей мужчин сходить с ума и творить всякие глупости. Карлайн, почувствовав это, угрожающе обвел присутствующих

взглядов. Эта женщина принадлежит только ему!

Леона подошла и успокаивающе положила ему руки на плечи. Все мужчины мира опоздали, после того, как она стала его женой.

— Скользящий по Алитэ, а твой подарок мы можем вручить только в саду, дабы ты мог использовать свой дар! — торжественно сказал Танив.

Дворец герцога окружал большой парк, скрывая его обитателей от суеты большого города. Его и имел в виду эльф.

Во дворе к ним подошли вазлиборские кошки, не пожелавшие заходить в замок. Обнюхали эльфов, потерлись о них, порычали на людей, лизнули руки Карлайну и Леоне.

— Вот тебе верные слуги, а городу — защита и достаток! — провозгласил Танив, вручая открытую коробку с тремя небольшими желудями, — Скользящий по Алитэ, только ты можешь вырастить их, напоив силой богов.

Карлайн хотел спросить у первородных, с чего собственно..., но вспомнив, откуда он черпал знания и силу, привычно ввел себя в транс и оказался на поле Алитэ. Через мгновение он знал как вырастить деревья.

Старейшие удовлетворенно переглянулись, видя, как по телу юноши скользнули золотистые круги. Скользящий по Алитэ не нуждался ни в какой подсказке, наоборот, немного подросший, он станет опорой всех поклоняющихся богам.

Он взял одно семечко, положил его на открытую ладонь левой руки, напитал силой богов. Только эти деревья, прозываемые Антами, — растения/живые — могли поглощать напрямую силу небожителей. Из-за отсутствия Скользящего по Алитэ последние Анты исчезли более полутысячи лет назад. Несколько горстей семян бдительно хранились как последняя надежда на возрождения верных союзников эльфов. Собравшие вокруг Карлайна зашевелились, загомонили — люди удивленно и даже гордо — что еще умеет наш граф, а первородные — возбужденно — они увидят возродившихся Антов!

Семечко на ладони зашевелилось, как живое, кожица на нем лопнула, не в силах удержать стремительно растущее растение. На глазах у всех образовалось десятисантиметровое растение, края которого свесились с ладони.

Карлайн почувствовал тоненький детский возглас-плач — еще несформировавшийся разум растения искал связи со своим родителем, которым стал Скользящий по Алитэ.

Он успокоил его прикосновением тепла. Поискал место, где бы Ант хотел вырасти/родиться. Взглядом раздвинув людей и эльфов, бережно опустил растение на небольшую площадку взрыхленной садовником земли. Ант снова зашевелился, корни ушли в землю, а верхушка потянулась к солнцу. Развернулись два первых листочка, затрепетали, получая рассеянную силу богов, идущую вместе с лучами светила.

Взрослые Анты, вырастив густую крону, получали через листья достаточный для существования объем силы богов. Но вырастить их мог только Скользящий по Алитэ — растению/живому во время роста нужна была сила богов со стороны.

Карлайн протянул руки к растению ладонями навстречу к нему и, зачерпнув силу богов на светлой дороге Алитэ, направил ее на деревце.

Получая щедро посылаемую силу, оно начало расти, быстро достигнув роста людей и эльфов. Тоненькая веточка погладила Карлайна по плечу, благодаря за помощь. Он ласково провел ладонями по стволу и понял, что так можно передавать силу богов. Обхватил руками ствол. Ант продолжал расти, вознося свою крону все выше. Одновременно его ствол утолщался, а количество веток с раскрывающимися листьями возрастало.

Силы богов требовалось все больше, хотя растение/живое постоянно увеличивало объемы самостоятельно получаемой силы. Но для роста требовалось очень много силы. Карлайн черпал из светлой дороги Алитэ все больше силы и уже все первородные видели золотистое облако, плотно облегающее Скользящего по Алитэ. Очень сильный Скользящий. Как бог. Может слабее, может сильнее. Боги жили в другом времени и в другом пространстве и вообще не жили ли в понимании их детей. Это были жизненные процессы со своими пониманиями о жизни и смерти, справедливости и злобе. Алитэ был совсем другой, близкий к живущим на Дайяре. Один из них...

А Ант рос. Он достиг уже тридцатиметровой высоты и продолжал увеличиваться, хотя и не так быстро. Его ствол составлял в диаметре несколько метров. Десять мужчин, если бы захотели, не смогли бы охватить дерево.

— Благодарю тебя, Скользящий по Алитэ, — раздалось в голове Карлайна звучный голос, — дальше я смогу жить и расти сам.

Юноша прислушался. Да, Ант сформировался и крона его достаточно густа, чтобы получать достаточную силу богов. Он отошел на несколько метров и только с этого расстояния мог оценить произведение своих рук. Огромное дерево неведь как выросло в герцогском парке.

— Приветствую тебя, растущий в двух ипостасях! — провозгласил он.

— Здравствуй, Скользящий по Алитэ, мой родитель! — неожиданно для всех ответило дерево. Для всех, кроме Карлайна и Старейших, страшно довольных сегодняшним днем. Анты вернулись в их мир и значит счастья и добра будет больше. Для всех, кроме, разумеется, темных. Но о них никто сожалеть не будет.

Глава 46

Герцог выжидательно посмотрел на Карлайна. Они находились в домашнем кабинете Рандава, в который в отличие от официального допускались только родные и самые близкие из помощников и знати. Кроме них двоих в кабинете находились Леона (герцог пытался не пустить ее, но Данг «отсоветовал», оторвав кусок рукава камзола), вазлиборские кошки (пропустили единогласно, жизнь дороже традиций), Луиза де ла Шато (в приглашении не нуждалась, наоборот, как бы Рандав сам пригласил ее). И теперь их дочь увеличено играла с кошками, к радостному восхищению всех троих.

Рандав кисло посмотрел на серьги Леоны. Луиза, узнав об эльфийской драгоценности у графини де Карфинд, герцог так и не понимал механизма слухов, как они за полчаса разлетаются по городу (?), мгновенно «простила» его за прошлые «вины», приехала с дочерью (значит, предстоит серьезный разговор). Решив, что тянуть нечего, вздохнул, спросил у Карлайна:

— Скажите, граф, вы можете сказать мне, как посол Эльфланда, нельзя ли мне купить подобную драгоценность?

Лицо Луизы радостно вспыхнуло, она благодарно посмотрела на Рандава и озабочено на Карлайна. Таинственный граф мог отказать под каким-нибудь предлогом. И не придерешься, он сейчас под защитой эльфов и с него придется сдувать мельчайшую пыль.

— И мне! — требовательно вторглась в разговор Леона, — хочу перстень из серебристого железа с камнем доверия.

Все трое уставились на графиню со смешанными ощущениями. Камень доверия отражал чувства человека — добро и зло, предательство и искреннюю любовь — на каждое из чувств

был свой цвет и носитель камня становился для окружающих как открытая книга. Но была и своя выгода — отражаемые камнем чувства частично возвращались носителю камня и омолаживали его. Леона была гарантирована вечная юность и долгая жизнь. Стоил этот камень соответственно его услугам.

— Дорогая, — почти серьезно спросил Карлайн, — я надеюсь, нам не придется закладывать графство?

— Да, дорогой, — проворковала Леона, — надейся.

Карлайн вздохнул почти также тяжело, как герцог пять минут ранее, и сообщил:

— Зачем мелочиться? Я буду рекомендовать гильдии эльфийских ювелиров открыть в Гарне свое отделение и прислать для работы в них хороших ювелиров.

— Они пойдут на это? — с сомнением спросила Луиза.

— Прибегут, — жестко ответил Карлайн. Рандав и Леона молча согласились. Сегодня граф одно за другим вырастил три Анта, которые называли его своим родителем и обещали безукоризненно служить. После это Карлайн разделил их. Один остался сторожить герцогский замок, второй, как символ Гарна, осел на центральной площади, пробив своими могучими корнями брусчатку, третьему было указано осесть напротив замка графов Карфиндов. И могучие великаны, непобедимые, как показалось многим, послушно отправились в путь. Герцогу лишь осталось отправить в сопровождение отряды гвардейцев, чтобы уж совсем не запугать население.

Старейшие после рождения Антонов были готовы выполнить любое его указание, а остальные эльфы воспринимали как бога. Распоряжения Скользящего по Алитэ выполнялись в мгновение ока и совершенно не обсуждались. Предложения посла в Эльфланде будут исполнены без колебаний. Тем более, что Карлайн обещал в скором времени приехать и вырастить/родить Антонов из еще сохранившихся семян.

Обещание купить ей кольцо привела Леону в прекрасное настроение. Она почти замурлыкала, заметив, что ее муж очень похож на Данг и Длани: смертельно опасный, но очень добрый.

Находящиеся в кабинете невольно посмотрели на борющихся на ковре кошек и ребенка. Счастливы были все трое. Мари по своей детской непосредственности бесстрашности смело хватала кошек за двадцатисантиметровые клыки. Хищники, готовые пробить ими металлические пластины, осторожно замирали, опасаясь повредить хрупкого человеческого детеныша, в свою очередь потешно тихонько толкали ее головой.

— Скажите, граф, — нерешительно начал Рандав, — я понимаю, это не мое дело и можете не отвечать, но все же рискну спросить: — являетесь ли вы богом?

— Милый, — спросила через час в карете Леона, прижимаясь к Карлайну, — а ты — человек?

— Да, — ответил на оба вопроса Карлайн. Он — бог и он — человек. В отличие от Старейших, все еще сомневающихся, это знание пришло к нему и он выдал ответы без колебаний. Скользящий по Алитэ знал все и Дайяра содрогнулась, соглашаясь с ним.

Больше книг на сайте - Knigoed.net